МУḤАММАД-КĀЗИМ

ПОХОД НĀДИР-ШĀХА В ИНДИЮ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

ПЕРЕВОДЫ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

МУХАММАД-КАЗИМ

ПОХОД НАДИР-ШАХА В ИНДИЮ

(Извлечение из Та'рих-и 'аламара-йи надири)

Перевод, предисловие и примечания П.И.Петрова

МОСКВА · 1961

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагая вниманию читателей перевод извлечения из труда Муḥаммад-Кāзима по истории Нāдир-шāха, переводчик ни в коей мере не ставит перед собой задачи дать в связи с этим развернутую характеристику эпохи, к которой относится сочинение в целом, или даже одного индийского похода Нāдира, которому посвящен публикуемый отрывок. История Нāдир-шāха, бесспорно, одного из наиболее крупных полководцев и государственных деятелей Ирана в позднем средневековье, в общем известна достаточно хорошо[1]. Поэтому мы здесь ограничимся перечислением важнейших фактов биографии Нāдира и истории его государства.

Отец будущего завоевателя и шаха Ирана Имāм-Кулй был жителем афшарского селения Кубкан; персидский историк середины XIX в. Риẓā-Кулй-ḫāн в своем труде *Раузат ас-сафā-йи нāсирй* говорит, что Имāм-Кулй занимался шитьем овчинных шуб. Его старший сын Надр-Кулй[2] родился в 1688 г., в царствование шаха Сулаймāна (Сафй II), когда уже был заметен упадок Сефевидского государства. Тяготясь трудовой жизнью, предстоявшей ему в силу его происхождения, молодой афшар поступил на службу к правителю Абиверда Бāбā-ʿАлй-ḫāну, благодаря уму, энергии и физической силе быстро выдвинулся и, наконец, стал зятем своего начальника.

---

[1] См.: L. Lockhart, *Nadir shah, a critical study based mainly on contemporary sources*, London, 1938.

[2] Но не Нāдир-Кулй, как пишут некоторые авторы. Поступив на службу к шаху Ṭахмāспу II, Надр-Кулй стал называть себя Ṭахмāсп-Кулй, то есть «раб Ṭахмāспа»; затем его имя стало Нāдир-ʿАлй и, наконец, Нāдир-шāх (см. L. Lockhart, *Nadir shah...*, p. 18, fn. 7).

Между тем наступательное движение афганцев-гильзаев, начавшееся при сыне Сулаймāна Султāн-Ḥусайне (1694—1722), закончилось победоносно в 1722 г. занятием Исфахана афганцами и вступлением на иранский престол их предводителя Маḥмūд-ḫāна.

Нашествие афганцев не коснулось той части Хорасана, где провел свою молодость Надр-Ḳулū, однако власть нового шаха Ṭахмāспа II признавалась здесь лишь номинально. Надр-Ḳулū после смерти Бāбā-ʿАлū-ḫāна организовал отряд из разных проходимцев и занялся разбоем. В 1726 г. численность его отряда достигла двух тысяч человек, и он уже хозяйничал во всей северо-восточной части Хорасана (кроме Мешхеда). В этом году по приглашению шаха Ṭахмāспа он поступил со своим отрядом к нему на службу и принял почетное имя Ṭахмāсп-Ḳулū.

В следующие два с лишним года Ṭахмāсп-Ḳулū собрал значительное войско, с помощью которого смог подавить ряд восстаний в Хорасане и полностью подчинить себе эту область.

В 1729 г. он выступил против афганцев-абдали, находившихся в Герате, и разбил их недалеко от этого города; потом он пошел на глазного врага — афганцев-гильзаев и в том же году в течение двух месяцев очистил от них страну, став фактическим правителем всей Персии при шахе Ṭахмāспе.

В 1730 г. Ṭахмāсп-Ḳулū[3] начал успешные военные действия против турецких войск, захвативших во время нашествия афганцев значительные территории на западе Персии. Однако в 1731 г. он был вынужден выступить для подавления восстания афганцев в Герате, и в это время шах Ṭахмāсп заключил крайне невыгодный мир с турками. Это послужило удобным предлогом для свержения Ṭахмāспа II. Отменив мирный договор с Турцией, заключенный шахом в августе 1732 г., Нāдир прибыл в Исфахан и через несколько дней созвал совещание кызылбашских военачальников, на котором было решено низложить Ṭахмāспа и возвести на престол его восьмимесячного сына ʿАббāса; инициатор этого

[3] В это время он называл себя также *Нāдир-ʿАлū* (см.: L. Lockhart, *Nadir shah...*, p. 18, fn. 7).

переворота отбросил имя Ṭахмāсп-Ḳулӣ и стал управлять государством в качестве регента.

Добившись в 1733—1735 гг. крупных успехов в войне с Турцией и возвратив дипломатическим путем прикаспийские районы, из которых Россия отвела свои войска, Нāдир в феврале 1736 г. созвал в Муганской степи съезд военных, административных и племенных начальников всей страны, на котором было постановлено избрать его шахом; 8 марта состоялась коронация.

Трудно сказать, в какой мере в течение этих десяти лет руководствовался Нāдир патриотическими побуждениями и в какой — собственными интересами. Как бы то ни было, его деятельность в это время имела результатом восстановление Ирана почти целиком в прежних границах, причем ему приходилось бороться одновременно с афганцами и турками, постоянно восставшими феодалами и окружавшей шаха кызылбашской знатью; для борьбы с этими враждебными силами было мало военного гения, но требовался еще выдающийся политический ум, в котором Нāдиру, конечно, нельзя отказать.

Казалось бы, Нāдир после воцарения мог заняться наведением порядка в государстве; однако все его внимание, как и прежде, было направлено не на удовлетворение неотложных нужд разоренного населения, а исключительно на укрепление своей личной власти и военные предприятия: население Ирана существовало для него лишь как источник средств для содержания войска. На очереди стояло завоевание Кандахара, владение которым уже в течение двух столетий взаимно оспаривалось Ираном и Индией; после захвата Мӣр-Вайсом в 1709 г. город находился во власти афганцев-гильзаев. Нāдир выступил из Исфахана в ноябре 1736 г. и весной следующего года был у Кандахара. Осада его затянулась до марта 1738 г.; одновременно значительная часть войск была занята покорением Белуджистана и прилегающих к Кандахару областей. Взяв Кандахар, Нāдир приказал разрушить его до основания и невдалеке построить город Надирабад, куда были переселены жители Кандахара. Враждебные гильзаям афганцы-абдали были переселены из Хорасана в Кандахарскую область. Пробыв после этого под Кандахаром около двух месяцев,

Надир выступил 21 мая 1738 г.[4] в знаменитый индийский поход, закончившийся в конце 1739 г. (подробнее о нем см. ниже).

В 1740 г. Надир-шах предпринял поход в Среднюю Азию, подчинив себе Бухару и завоевав Хивинское ханство. Это был по существу последний крупный военный успех Надира. Дальнейшие войны, которые велись почти до самой его смерти (с Турцией, в Дагестане и др.), заканчивались в лучшем случае безрезультатно.

Продолжение завоевательной политики требовало огромных расходов, непосильных для населения. Налоги для содержания огромного войска Надир выколачивал жесточайшим образом. Города и села Ирана запустели и превращались в развалины. Надир сумел восстановить против себя всех, даже свою основную военную силу— кочевые племена. Не удивительно, что с каждым годом восстания вспыхивали все чаще и чаще, охватывая сразу несколько областей. В 1747 г. одновременно восстали две противоположные окраины: Азербайджан и Сеистан. На борьбу с сеистанцами и белуджами был послан племянник Надира ʿАли-Кули-хан, сын Ибрахим-хана; получив приказ уплатить сто тысяч туманов налога, он присоединился к повстанцам. В то же время восстали курды Хабушана; для подавления этого восстания Надир выступил из Мешхеда и остановился в Фатхабаде близ Хабушана, но в ночь на 20 июня 1747 г. был убит своими приближенными.

Так окончилась жизнь этого деспота, прославившегося в Азии и Европе своими победоносными походами, но не сумевшего создать прочную государственную систему. Как и следовало ожидать, огромная разноплеменная армия сразу же после его смерти распалась. Иран оказался в худшем состоянии, чем за двадцать лет до того; не принесли иранскому населению пользы и вывезенные из Индии огромные богатства, которые были тогда же расхищены сановниками и военачальниками.

Сефевидское государство просуществовало два века с лиш-

[4] مهدی خان منشی، کتاب تأریخ جهانگشای نادری، بمبی، ۱۲۶۵، ص ۱۹۱ (далее — Махди-хан).

ком, но ни один шах этой династии не привлекал к себе столько внимания современников в Азии и Европе, как Нāдир за свое двадцатилетнее пребывание на исторической сцене. Перечисление лиц, давших своими сообщениями ценный материал для его истории, заняло бы много времени, да это и не входит в нашу задачу [5]. Ограничимся здесь лишь выяснением того, какое место занимает в историографии Нāдир-шāха сочинение, отрывок из которого мы публикуем в переводе. На этот счет, к сожалению, в востоковедной литературе утвердилось недостаточно обоснованное мнение, что и вынуждает нас рассмотреть вопрос по возможности детально.

Основным источником по истории Нāдир-шāха долгое время считался труд его официального историографа Мīрзā Муḥаммад-Махдī-ḫāна Астарāбāдī под названием *Та'рīḫ-и нāдирī* («Надирова история»). Ценность этого труда в том, что в нем описана вся жизнь Нāдира, причем наиболее важные события датированы точно. Но если удалить все лишние уподобления, сравнения и эпитеты, которыми автор самодовольно щеголяет как признанный современниками стилист, его сочинение получит характер конспекта: до того оно в сущности сухо и сжато.

К недостаткам труда Махдī-ḫāна нужно отнести прежде всего почти полное отсутствие сведений о внутренней жизни страны. Это объясняется тем, что целью автора было описание подвигов «мирозавоевателя», а какие подвиги совершались им внутри страны после освобождения ее от афганцев? Труд Махдī-ḫāна был окончен в 1747 г., уже после смерти Нāдира; однако, будучи официальным историком, он избегает сообщений о таких фактах, на основании которых могло бы сложиться неблагоприятное мнение о Нāдире, и потому последний в этом сочинении представляется читателю воплощением всех доблестей воинских и гражданских. Тем не менее по полноте сведений о жизни Нāдира *Та'рīḫ-и нāдирī* является наиболее ценным источником. Нельзя не тмет ить, что Махдī-ḫāн в течение двадшатилетней службы у

[5] Подробный список источников дает Локхарт в своем большом труде о Нāдире (см.: L. Lockhart, *Nadir shah*...).

Надира сопровождал его во всех походах и уцелел, несмотря на обычные интриги шахского окружения, от которых не спасся даже старший и любимый сын Надира Риза-Кули-мирза, ослепленный по приказу отца осенью 1742 г.; такую прочность положения Махди-хана можно объяснить только его выдающимся умом, прекрасным образованием, скромностью и умением держаться, не вызывая зависти придворных.

Другим важным источником является труд Мухаммад-Казима, оконченный, по-видимому, в начале 50-х годов XVIII в. Второй и третий тома этого труда были обнаружены в Азиатском музее Российской Академии наук академиком В. В. Бартольдом и описаны им вкратце в «Известиях Академии наук» в 1919 г.[6] В этой статье, между прочим, говорится: «Заглавия в тексте не приводится: в безграмотной записи владельца на белом листе впереди второго тома сочинение названо كتاب نادرى, в записи на белом листе третьего тома نادر نامه. Оба тома написаны одной и той же рукой по всем правилам каллиграфического искусства». Далее В. В. Бартольд говорит, что В. А. Жуковский при составлении своей монографии о Мерве не знал о существовании этого источника, по богатству фактических сведений далеко оставляющего за собой не только все, что известно о Мерве XVIII в., но и все вообще источники по истории царствования Надир-шаха, в том числе труд официального историка этого царствования Махди-хана. Заканчивается статья словами: «Труду Мухаммеда Казима, несомненно, суждено сделаться основным источником по истории Надир-шаха, в особенности, если удастся найти недостающий пока первый том».

Значительно позднее первый том был обнаружен в библиотеке Московского института востоковедения (бывшего Лазаревского института восточных языков) и присоединен ко второму и третьему томам, находящимся в Ленинграде, в Рукописном отделе Института народов Азии Академии наук. Из приписок в первом томе видно, что автор назвал свое произведение «[Наме-йи]

[6] В. В. Бартольд, *Рукопись сочинения Мухаммеда Казима, II и III тт. Институт востоковедения АН СССР, Д 430* («Известия Российской Академии наук», VI серия, 1919), стр. 927—929.

ʿалāмāрā-йи нāдирī» («Мир украшающая надирова [книга]»), и, следовательно, упомянутые В. В. Бартольдом безграмотные записи владельца не являются подлинным названием сочинения.

Мнение В. В. Бартольда о значении труда Муḥаммад-Кāзима как основного источника по истории Нāдир-шāха в дальнейшем неоднократно повторялось другими востоковедами[7]. Действительно, сочинение Муḥаммад-Кāзима содержит довольно богатый фактический материал не только о войнах и внешней политике, но и о внутренней жизни отдельных областей Ирана при Нāдир-шāхе. Однако никто из исследователей не дал характеристики этого труда с точки зрения надежности и достоверности содержащихся в нем сведений. Только выяснение подлинной биографии Муḥаммад-Кāзима на основе автобиографических данных, разбросанных в его сочинении, даст нам возможность подойти к такого рода оценке.

Имя Муḥаммад-Кāзима не упоминается ни в одном из источников того времени, ибо он не был выдающимся лицом ни в политическом мире, ни в литературном. Кое-где в своем произведении он говорит о себе, но в его отрывочных сообщениях автобиографического характера, пожалуй, больше лирики, чем интересного для нас фактического материала.

Муḥаммад-Кāзим родился в 1133 г. х. (1720/21 г. н. э.) в Мерве, в семье чиновника. Мы не знаем, какую должность занимал его отец, но известно, что в 30-х годах XVIII в. он состоял на службе у брата Нāдира, впоследствии правителя Азербайджана, Ибрāхīм-ḫāна, и пользовался его доверием и любовью. Муḥаммад-Кāзим провел в Мерве только раннее детство, потому что в отроческом возрасте жил уже в Мешхеде, куда переехала вся семья (по-видимому, в связи со службой ее главы).

[7] См., например: Н. Д. Миклухо-Маклай, *О первом томе труда Мухаммеда Казима* (сб. «Советское востоковедение», т. V, М.— Л., 1948), стр. 130; И. П. Петрушевский, *Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в.*, Л., 1949, стр. 41; Н. Д. Миклухо-Маклай, *Рукопись «ʿĀламāрā-и Нāдирī»* («Ученые записки Института востоковедения», т. VI, М.— Л., 1953), стр. 176; Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, Л. М. Беленицкий, *История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века*, Л., 1958, стр. 302—303.

В начале 1736 г. Ибрāхӣм-ẖāн выехал из Мешхеда в Муганскую степь, где должно было состояться избрание Нāдира на царство; с ним вместе отправился и отец Муḥаммад-Кāẓима[8]. В апреле 1736 г. все участники Муганского съезда разъехались, и Ибрāхӣм-ẖāн, назначенный правителем Азербайджана, поехал в Тавриз. Восемь месяцев спустя, в начале 1737 г., умерла жена Ибрāхӣм-ẖāна; он поручил отцу Муḥаммад-Кāẓима отвезти ее тело в Мешхед и при возвращении захватить с собой сына для определения на службу[9]. Муḥаммад-Кāẓим, которому в это время было 16 лет, по собственному признанию, был беззаботным юношей, любившим верховую езду и прогулки. Отец его пробыл в Мешхеде восемь дней, после чего отправился с сыном в Азербайджан. Разлука с матерью и сестрой так тяжело переживалась юношей, что он, несмотря на уговоры отца, плакал всю дорогу до первой остановки в Фахр-Дауде[10].

Через сорок два дня они прибыли в Тавриз, и Муḥаммад-Кāẓим был представлен Ибрāхӣм-ẖāну. Тот милостиво отнесся к нему и приказал было служить в канцелярии; но Муḥаммад-Кāẓим пожелал быть ясаулом (т. е. адъютантом или ординарцем), и, как ни отговаривал его Ибрāхӣм-ẖāн (дескать, ясаульство — пустое дело), Муḥаммад-Кāẓим, как он сам говорит, из невежества настоял на своем и был назначен ясаулом[11].

Вскоре после этого (в апреле 1737 г.) Ибрāхӣм-ẖāн выехал в Карабаг; как в этой, так и в других поездках, например во время чумы, Муḥаммад-Кāẓим сопровождал его. В конце ноября Ибрāхӣм-ẖāн вернулся в Тавриз, и Муḥаммад-Кāẓим напомнил ему об обещании разрешить отвезти в Мешхед тело умершего перед этим отца. Ибрāхӣм-ẖāн ответил, что согласно полученному от шаха приказу он должен назначить кого-нибудь для пере-

---

[8] Рукопись Института народов Азии АН СССР Д 430 (далее — М.-К.), т. II, л. 155б.

[9] Там же. По словам Муḥаммад-Кāẓима, жена Ибрāхӣм-ẖāна была дочерью шаха Сулаймāна (1666—1694) и теткой Ṭахмāспа II.

[10] М.-К., т. II, л. 155б.— Фахр-Дауд находится в 50 *км* юго-западнее Мешхеда.

[11] М.-К., т. II, л. 156а.

селения рода халильвенд курдского племени мукаддам из Мераги в Келат и Мешхед и поручает это дело Мухаммад-Казиму [12], а по возвращении в Тавриз он отпустит его. Мухаммад-Казим пробыл шесть месяцев в этой командировке [13]. Около того времени, когда он вернулся в Тавриз[14], к Ибрахим-хану прибыли курьеры от 'Али-Кули-хана с сообщениями о военных успехах Риза-Кули-мирзы в Мавераннахре. По словам Мухаммад-Казима, это задело за живое Ибрахим-хана: если Риза-Кули-мирза в таком молодом возрасте[15] «завоевал» Мавераннахр, то он должен завоевать Дагестан. И он стал готовиться к походу. В Тавризе к нему присоединились отряды, пришедшие по его приказу из Урмии, Мераги, Соуджбулака и других мест южнее Аракса; после перехода через последний к нему стали подходить войска из Еревана, Грузии, Ширвана, Гянджи и Карабага. Когда Ибрахим-хан находился в районе селения Ках [16], к нему прибыли из Кабула два курьера с приказом Надира отправить в Мерв находящихся в его войске жителей Мерва. Мухаммад-Казим попросил Ибрахим-хана не отправлять его в Мерв на том основании, что еще отец его издавна служил в числе газиев-афшаров (در میان غازیان افشار). Тот согласился, но на другой день Мухаммад-Казим под впечатлением зловещего сна стал просить отправить его вместе с остальными шестьюдесятью мервцами Ибрахим-хан согласился и на это. Прибыв в Тавриз, Мухаммад-Казим взял гроб с телом отца и отвез в Мешхед, где и похоронил

---

[12] Н. Д. Миклухо-Маклай (*Рукопись «'Аламара-и Надири»*, стр. 184 неправильно указывает, что Мухаммад-Казим выполнял поручение самог Надира.

[13] М.-К., т. II, л. 168б.— Надо полагать, Мухаммад-Казим не был организатором или руководителем этого переселения, потому что, во-первых, у него не было необходимых для этого знаний и опыта и, во-вторых, действительными исполнителями этого дела были, с одной стороны, халильвендские ханы, а с другой — мерагинские и хорасанские чиновники. Мухаммад-Казим только наблюдал за всей операцией в качестве ясаула Ибрахим-хана.

[14] Так как он отправился в командировку в ноябре — декабре, то он вернулся в мае — июне 1738 г.

[15] Ризa-Кули-мирзе только что исполнилось девятнадцать лет.

[16] М.-К., т. II, л. 171б.— Ках находится в 40 *км* северо-западнее Нухи.

Между тем Риẓā-Ḳулӣ-мӣрзā, назначенный управлять Ираном в отсутствие Нāдира и уже осведомленный о набеге хивинского хана Илбāрса на Хорасан, двигался с войском в Герат. Узнав в Абиверде, что Илбāрс повернул обратно в Хорезм, Риẓā-Ḳулӣ направился в Мешхед; здесь к нему явился Муḥаммад-Ḳāẓим. Царевич отнесся к нему милостиво и взял в свою свиту, чему Муḥаммад-Ḳāẓим очень обрадовался, потому что ему не хотелось ехать в Мерв. Однако, когда он ушел от Риẓā-Ḳулӣ-мӣрзы, афшарские старшины доложили царевичу, что «желание шаха направлено к благоустройству и населенности Мерва»; если один мервец останется здесь, все остальные захотят быть в свите, а это обстоятельство вызовет разлад в области и раздражение государя. Они много говорили, и Риẓā-Ḳулӣ-мӣрзā сказал: «Если так, пусть отправляется в Мерв; я после вызову его». Муḥаммад Ḳāẓим отправился, опечаленный, в Мерв (по-видимому, в начале 1739 г.) и поступил на службу к мервскому беглербеку [17].

Что делал в течение полутора лет будущий историк на новой службе, нам неизвестно. Он упоминает о себе лишь в рассказе о событиях июня 1740 г., когда Нāдир прибыл из Кандахара в Герат и его встречали правители областей Хорасана вместе с подчиненными им чиновниками; среди встречавших был и беглербек Мерва со свитой в сто человек, в которой находился и Муḥаммад-Ḳāẓим [18]. Из Герата Нāдир направился через Балх и Чарджуй в Бухару, а затем в Хиву. Муḥаммад-Ḳāẓим принимал участие в этом походе, работая в канцелярии (по-видимому, на незначительной должности, потому что не называет ее, а говорит только, что после взятия Ханкаха был так занят в канцелярии, что не имел возможности выйти в течение суток [19]). Из Хивы Нāдир направился в Мешхед через Мерв, откуда выступил в пер-

---

[17] М.-К., т. II, л. 142б.— У Локхарта (L. Lockhart, *Nadir shah*..., p. 174, fn. 3) здесь неточность: он говорит, что Муḥаммад-Ḳāẓим в это время служил у Риẓā-Ḳулӣ-мӣрзы.

[18] М.-К., т. II, л. 248а.

[19] М.-К., т. II, л. 279а. و مسود این اوراق دران روز در دفترخانه نشسته تایکشبانه روز حالت بیرون آمدن نداشتم

вых числах января 1741 г. Муḥаммад-Кāзим остался в Мерве[20].

Вскоре в Мешхед поступило донесение балхского *вāлӣ* о неподчинении Дāнийāл-бека қӯнгрāта. Нāдир, находившийся в то время в Мешхеде, приказал отрядам из нескольких областей общей численностью в семь тысяч пятьсот человек выступить в Балх; одним из таких отрядов, который вышел из Мерва, командовал Исмāʿӣл-ẖāн Сабзавāрӣ; в этом отряде, насчитывавшем всего полторы тысячи человек, *лашкар-навīсом* был Муḥаммад-Кāзим[21]. Обязанность *лашкар-навīса* состояла в точном учете наличного состава людей отряда и причитающегося им жалованья и продовольствия: нельзя сказать, чтобы эта должность в настоящем случае была значительной, если принять во внимание, что отряд был невелик и этот временный *лашкар-навīс* экспедиционного отряда был лишь представителем *лашкар-навīса* или везира мервского беглербекства[22].

Весь сводный отряд прибыл в Балх в марте 1741 г. и вместе с отрядом из Андхуда[23] (также в семь тысяч пятьсот человек) переправился у Келифа через Аму-Дарью. После расправы с племенем кунграт все отряды в апреле того же года разошлись по своим местам[24].

Муḥаммад-Кāзима, когда он через три месяца вернулся, ожидал ряд ударов. Еще перед выступлением в поход один человек написал ему из Мешхеда, что индиец, которому были сданы на хранение 300 туманов наличными и на 200 туманов вещей, скрылся, а имущество его конфисковано казной. Когда Муḥаммад-Кāзим прибыл в Мерв, оказалось, что все его вещи погибли. Заканчивая рассказ о посыпавшихся на его голову несчастьях,

[20] М.-К., т. II, л. 283б.

[21] М.-К., т. II, л. 287б.

[22] Непонятна фраза В. В. Бартольда: «По должности мервского везира, автор... состоял при военных отрядах для заведования письменной частью» (В. В. Бартольд, *Рукопись сочинения Мухаммеда Казима...*, стр. 929). Как мог везир Мерва, возглавлявший всё контрольно-финансовое ведомство области, быть одновременно *лашкар-навīсом* небольшого экспедиционного отряда?

[23] Андхуд — современный Андхой (в Афганистане).

[24] М.-К., т. II, л. 288б.

он говорит: «Из-за неблагоприятной судьбы в течение двух лет дело дошло до того, что я нуждался в дирхеме, и вдобавок один год я пролежал больной в постели. Когда дело дошло до пределов крайности и были прожиты имущество и вещи на сумму около восьмисот-девятисот туманов, доставшиеся мне от отца по наследству, — вдруг взлетел высокопарящий сокол счастья, и эти ночи мрачных бедствий сменились сияющим утром»[25].

Когда и как улыбнулось счастье Муҳаммад-Кāзиму, он не говорит. По его словам, он был два года в тяжелом материальном положении, иначе говоря, не имел заработка, да еще год пролежал больной в постели; следовательно, перемена в лучшую сторону могла произойти лишь в 1744 г. Он говорит о себе только при описании похода ʿАлӣ-Кулӣ-ҳāна против хивинских йомутов; поход был начат из Мерва весной 1745 г., и в декабре ʿАлӣ-Кулӣ-ҳāн вернулся в Мерв. Так как Муҳаммад-Кāзим был и в Мерве и в этом походе везиром артиллерии, оружейного склада, муло-верблюжьего транспорта и арсенала, он по окончании похода ездил в Хауз-хан[26] для получения жалованья участникам похода, а затем вернулся в Мерв[27].

В свое время Нāдир приказал мервским властям изготовить много пушек и снарядов для задуманного им похода в Китай. Направляясь в феврале или начале марта 1746 г. в Мешхед, он остановился в селении Хасанабад (западнее Мешхеда) и вытребовал к себе правителей областей и городов Хорасана вместе с подчиненными им чиновниками. Муҳаммад-Кāзим был в это время *навīсанда*[28] и заведующим работами по артиллерии, арсена-

---

[25] М.-К., т. II, л. 289а—289б.

[26] Хауз-хан расположен примерно в 100 *км* юго-западнее Мерва.

[27] М.-К., т. III, л. 83б: مسود این اوراق چون وزیر توبخانه و جباخانه و شترخانه و قاطرخانه و قورخانه مرو و صفر خیر اثر مذکور بود بجهة معاشا حساب تا حوض خان رفته و معاشای صفر مزکوررا گرفته معاودت بالکای مرو نمودم Переписчик умудрился в 3—4 строчках сделать пять ошибок, написав два раза صفر вместо سفر, два раза معاشا вместо معاشات и один раз مزکور вместо مذکور.

[28] *Навīсанда* — письмоводитель-учетчик.

лу и складу оружия. Взяв старые и новые счета, он вместе с начальником артиллерии, начальником арсенала и чиновниками Мерва прибыл в Хасанабад к шаху[29]. Рассмотрев часть отчетов должностных лиц, прибывших туда с разных концов Хорасана, и жестоко расправившись со многими из них, Надир отправился в Мешхед и там, поступая таким же образом, назначил в каждой области новых правителей и чиновников; между прочим, он приказал дать ему также отчетность Мухаммад-Казима. Последний говорит, что чиновники и письмоводители с ничтожными суммами в десять туманов подвергались падишахскому гневу и наказанию, а его отчетность была в этот раз на 500 тысяч туманов. Однако ему повезло: Надир благосклонно утвердил его отчетность и сказал, чтобы как следует готовили в Мерве артиллерию, потому что после возвращения из Ирака он направится в Туркестан.

В 1746 г. государь Бухары Абу-л-Файз просил Надира помочь ему в борьбе с восставшими против него 'Ибадаллахом хатаи и другими местными владетелями; Надир приказал бывшему мервскому беглербеку Шах-Кули-хану выступить со сводным отрядом в Бухару. Прибыв на место, Шах-Кули-хан написал донесение о положении в стране, и Надир в помощь ему дополнительно выслал войска, в частности приказал мервской артиллерии, состоявшей из 52 пушек с 6 тысячами снарядов, и арсеналу выступить в Бухару. С этой артиллерией отправился и Мухаммад-Казим (очевидно, в прежней должности *нависанда*). После назначения Бахбуд-хана главнокомандующим начались военные действия, закончившиеся успешно весной 1747 г. Когда войско было в Шахрисябзе, прибыли два курьера с приказом Надира Шах-Кули-хану явиться с отчетностью своей и Бахбуд-хана; Мухаммад-Казим составлял эту отчетность[30]. В пути Шах-Кули-хан

---

[29] М.-К., т. III, л. 166б: و مسود این اوراق دران آوان نویسنده صاحب‌کار توپخانه و قورخانه وجباخانه بود که صورت محاسبه قدیم و جدید انرا برداشته با توپچی باشی و جباداریاشی مرو در منزل حسن‌اباد با عمال مرو وارد حضور اقدس گردیدیم

[30] М.-К., т. III, л. 186а: محاسبات اردوی مذکوررا از نقد و جنس نسخه منقحه ساخته که محرر این اوراق باتمام رسانید بر داشته

узнал о возмущении в разных местах страны, вызванном зверствами Надира, и попытался поднять восстание, но не был поддержан; тогда он после долгих скитаний прибыл тайно в Мешхед, был узнан там, ослеплен и отправлен к Надиру.

Тем временем Бахбуд-хан перешел из Шахрисябза в Самарканд. Отсюда он разослал семьдесят указов разным правителям и главам племен Туркестана, чтобы читали *хутбу* и чеканили монету на имя Надира; из этих указов тридцать было написано Мухаммад-Казимом. Когда Бахбуд-хан узнал от курьеров о мятеже Шах-Кули-хана, у него появилось недоверие к мервцам, находившимся в его войске (а их у него было около пятисот, не считая орудийной прислуги). Хан приказал поместить мервцев в середине лагеря и назначил людей сторожить их. В мае 1747 г. был получен приказ Надира перейти в Бухару. Здесь аталык Рахим-бий[31], прибывший из ставки Надира, пытался якобы на основании устного распоряжения шаха отобрать у кызылбашей артиллерию, а в июле по подложному приказу Надира убил Абу-л-Файза; после этого начались нападения узбеков на кызылбашский лагерь. Вскоре Рахим-бий переслал Бахбуд-хану письмо Насраллах-мирзы, находившегося в Келате, с сообщением об убийстве Надира и с приказом оставить артиллерию в Бухаре и идти скорее в Келат. Бахбуд-хан сначала не поверил письму, но в августе 1747 г. вышел из укрепления и направился к Чарджую. Так как туркмены, собравшись на левом берегу Аму-Дарьи, преградили дорогу, пришлось идти по правому берегу вверх по реке до Вахша, где войска и переправились. Затем пошли через Андхуд в Меручак, в котором сдали артиллерию, арсенал и верблюжий транспорт под расписку местному правителю Айдин-хану Зурабади, и мервские газии были отпущены домой; мервских артиллеристов Бахбуд-хан не отпустил, предполагая представить свой отчет и выплатить им жалованье в Мешхеде. Однако при беспорядке, который царил в то время во всем Иране, мешхедским властям было не до отчетов, и кызылбаши разделились: Бахбуд-хан отправился из Мешхеда к 'Али-шаху в Астрабад, а

[31] У Мухаммад-Казима — «Рахим-бек».

артиллерийские начальники и Муҳаммад-Қāзим — в Мерв. Но здесь они ничего не получили за поход: по словам Муҳаммад-Қāзима, «отчетность по туркестанскому походу по крайней мере на пять тысяч человек была брошена в арык, и они оказались в пренебрежении»[32].

Муҳаммад-Қāзим не говорит, когда он вернулся в родной город; вероятно, это было в конце 1747 г. Какую должность он занимал после этого, мы тоже не знаем, но во всяком случае счастье не улыбалось ему, потому что те его стихи, в которых он обращается к самому себе, полны разочарования и горьких жалоб на коварство судьбы.

Тщательный просмотр второго и третьего томов сочинения Муҳаммад-Қāзима позволил нам проследить все этапы его служебной карьеры с момента поступления на службу к правителю Азербайджана Ибрāхӣм-ҳāну до конца туркестанского похода (т. е. до конца 1747 или начала 1748 г.)[33]. Мы видим, что все должности, которые он занимал в течение этих одиннадцати лет, если не считать должности ясаула в Тавризе и чиновника канцелярии мервского беглербека, были исключительно по письменной части в мервских войсках: то он был *лашкар-навӣсом* небольшого мервского отряда, то везиром, т. е. контролером хозяйственной части мервской артиллерии и муло-верблюжьего транспорта в отряде ʿАлӣ-Қулӣ-ҳāна, то *навӣсанда*, т. е. контролером-письмоводителем артиллерийской группы в туркестанском походе. В общем это был не «гражданский правитель Мерва», как его называет И. П. Петрушевский[34], а средней руки чиновник, не сделавший большой карьеры в цар-

[32] М.-К., т. III, л. 207б.

[33] Н. Д. Миклухо-Маклай в одной из своих статей (*Рукопись «ʿĀламāрā-и Нāдирӣ»*, стр. 184) пишет: «Автобиографические данные, содержащиеся во втором и в третьем томах (уже известные в научной литературе), позволяют нам, хотя и вкратце, проследить за ходом служебной карьеры Муҳаммеда Қāзима...» Следует заметить, что подобного рода данные до сих пор как раз не были собраны, а потому и действительная служебная карьера Муҳаммад-Қāзима не была известна.

[34] И. П. Петрушевский, *Очерки по истории феодальных отношений...*, стр. 41.

ствование Надира. Кем он был после возвращения из туркестанского похода, т. е. в 1747 г. и позднее, нам неизвестно.

В нашей литературе со времени появления упомянутой выше статьи В. В. Бартольда установился неправильный взгляд на Мухаммад-Казима, как на лицо, занимавшее важный пост «везира Мерва», или «мервского везира»[35]. Необходимо в связи с этим напомнить, что представляла собой вообще должность везира во времена Сефевидов и при Надире.

До Сефевидов в мусульманских государствах Ближнего и Среднего Востока начиная с халифата был одновременно лишь один везир, возглавлявший весь правительственный аппарат и подчиненный только главе государства. При Исмаиле I начальник правительственного аппарата в Иране носил титул *вакил ад-даула*, и хотя должность главного везира осталась, но он уже именовался везиром (или *назиром*) верховного *дивана*, в котором, кроме него, были еще такие влиятельные члены, как *садр* и *эмир*, принадлежавшие большей частью к кызылбашской знати; при правителях областей состояли также везиры, функции которых все более и более ограничивались. При Тахмаспе I везирами в провинциальных управлениях назывались чиновники, контролировавшие расходование казенных сумм. Будак-мунши Казвини, автор написанного во второй половине XVI в. исторического труда *Джавахир ал-ахбар*, говоря о самом себе, сообщает, что правитель Гератской области Мухаммад-хан текелю обещал ему должность везира своих собственных владений и *мунши*; однако Будак не согласился. Впоследствии главный везир Хорасана назначил его везиром и ревизором в Турбете. Спустя десять лет правитель Себзевара и Туршиза Мустафа-султан варсак предложил ему должность своего везира и векиля. Еще позднее он занимал должность везира и ревизора в Дамгане, Бастаме, Бияруджменде и Араб-Амери [36]. Даже из этого краткого списка должностей, которые занимал средний персидский чиновник во второй поло-

[35] По словам В. В. Бартольда (*Рукопись сочинения Мухаммеда Казима...*, стр. 927), Мухаммад-Казим уже в 1741 г. был мервским везиром.

[36] См.: П. И. Петров, *Об одном редком источнике по истории Сефевидов* («Советское востоковедение», 1956, № 1), стр. 112.

вине XVI в., нетрудно видеть, во-первых, что значение должности провинциального везира зависело от величины города или области, где он находился, и от важности объекта его заведования, а во-вторых, что это был не правитель, а состоявший при правителе чиновник со строго ограниченными правами и обязанностями. То же мы видим при последних Сефевидах и Нāдире.

Следует заметить, что мнение, будто Муҳаммад-Қāзим был «везиром города Мерва», возникло отчасти из-за неправильного перевода и понимания ряда мест текста. По словам Н. Д. Миклухо-Маклая, Муҳаммад-Қāзим неизменно добавляет к своему имени «название своей должности „везир мервский“» [37]. На самом деле Муҳаммад-Қāзим, как и другие персидские писатели, говоря о каком-нибудь должностном лице, не употребляет название города в виде прилагательного, т. е. говорит وكيل مرو или وزير بلخ, но не وكيل مروى или وزير بلخى, потому что последнее означало бы «в е к и л ь м е р в е ц» или «в е з и р б а л х е ц». На полях л. 264б первого тома другим почерком, по-видимому, рукой самого автора, написано: محرف اين اوراق ميرزا محمد كاظم وزير مروى. В переводе это значит: «Автор этих листов мирза Муҳаммад-Қāзим, в е з и р м е р в е ц», но не «везир [города] Мерва»,— подобно тому как محمد مؤمن بيک قوللر اقاسى مروى означает: «Муҳаммад Му'мин-бек, начальник гвардии, мервец» [38], но не «начальник гвардии Мерва», что было бы явным вздором. Иногда Муҳаммад-Қāзим называет себя просто везиром, употребляя этот термин как звание или прозвище [39]. Правда, в начале третьего тома написано: فقيركثير التقصير محمد كاظم وزير دار الملک مرو شاهيجان «Многогрешный бедняк Муҳаммад-Қāзим, везир столицы Мерв-Шахид-жан» [40], но это титулование исходит от писца, который мог по

[37] Н. Д. Миклухо-Маклай, *Рукопись «ʿĀламāрā-и Нāдирū»*, стр. 182.

[38] Это имя встречается не раз, например в т. I, л. 264б и т. II, л 165а.— *Қӯллар* — гвардейский конный отряд, состоящий при шахе.

[39] М.-К., т. II, л. 155 и т. III, л. 195.—Поэтому неправильно утверждение Н. Д. Миклухо-Маклая, будто Муҳаммад-Қāзим н е и з м е н н о добавляет к своему имени слова «везир мервский» (*Рукопись «ʿĀламāрā-и Нāдирū»*, стр. 182).

[40] М.-К., т. III, л 3б. Ср. аналогичную запись в т. I, л. 337б. Здесь دار الملک —областной центр; столицей Ирана при Нāдире был Мешхед.

персидскому обычаю «повысить в ранге» своего начальника или заказчика. При сопоставлении этих данных с изложенными выше биографическими сведениями представляется весьма сомнительным, чтобы Муḫаммад-Кāẓим после 1747 г. был «везиром Мерва».

Биография Муḫаммад-Кāẓима при всей ее краткости и неполноте оказывает нам существенную помощь при оценке его труда: если бы эта биография оставалась неизвестной, мы отнеслись бы одинаково ко всем частям этого сочинения и совершили бы грубую ошибку. Все сведения Муḫаммад-Кāẓима делятся на две категории: сообщения о том, чему он был очевидцем[41], и сведения, полученные от других лиц. Но не все то, чему он как будто был свидетелем, является точным воспроизведением действительности. Шестнадцатилетним юношей он поступил на службу к правителю Азербайджана Ибрāхīм-ḫāну, причем пожелал быть ясаулом и этим показал свою беззаботность и легкомыслие; конечно, сведения его о том периоде, когда он был в Азербайджане, так же как и о походе Ибрāхīм-ḫāна в Дагестан, были почерпнуты им от других лиц гораздо позднее. О своей шестимесячной командировке, когда Ибрāхīм-ḫāн поручил ему переселение курдов халильвенд из Мераги в Келат, он ничего не говорит, а между тем было бы интересно знать, сколько семейств было переселено, как проводилось переселение и как относились к этой операции переселенцы. Поход Нāдира в Бухару и Хиву в 1740 г. описан им как очевидцем основательно, хотя и упущены некоторые эпизоды, известные нам из других источников[42]. Он участвовал и в походе

[41] Такие сведения по объему составляют лишь одну восьмую всего труда.

[42] Например, Муḫаммад-Кāẓим ничего не говорит о приезде русского геодезиста Муравина по поручению Абӯ-л-Ḫайра из Хивы в ставку Нāдира и о радушном приеме его Нāдиром (см. Н. И. Веселовский, *Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве*, СПб., 1877, стр. 192). Также не говорит он о встрече и разговоре Нāдира с англичанами Томпсоном и Хоггом (L. Lockhart, *Nadir shah...*, p. 194). Молчание Муḫаммад-Кāẓима по этому поводу показывает, что он не состоял в свите Нāдира и, работая на незначительной должности в канцелярии, мог слышать только то, о чем там говорилось; кроме того, какой мог быть у двадцатилетнего юноши интерес к внешнеполитической обстановке?

ʿАлӣ-Ḳулӣ-ẖӑна в 1745 г. против йомутов, описанном им подробно; наконец, он был участником похода Бахбӯд-ẖӑна в Самарканд в конце царствования Нӑдира. Вот и все, что мог наблюдать Муẖаммад-Кӑẓим воочию. К этому нужно добавить, что, за исключением бухарского и хивинского походов Нӑдира, это были события второстепенной важности.

Несмотря на жестокие расправы Нӑдира в конце его жизни со своими былыми сподвижниками, которых он подозревал в измене или хищениях, к моменту смерти этого деспота осталось немало живых свидетелей, если не всей его жизни, то во всяком случае отдельных ее этапов. В большей части труда Муẖаммад-Кӑẓима жизнь Нӑдира описывается на основании сведений, полученных автором именно от этих лиц; исключительно таким образом составлен весь первый том. Хотя не все эти сведения одинаково ценны и достоверны, Муẖаммад-Кӑẓим не высказывает своего мнения о них и в этом отношении поступает так же, как и историк IX—X вв. Ṭабарӣ, с той лишь разницей, что последний, приводя несколько версий, говорит, что Аллах знает лучше всех, а Муẖаммад-Кӑẓим, излагая вызывающую сомнение версию, говорит, что ответственность лежит на рассказчике.

К недостаткам рассматриваемого источника нужно также отнести отсутствие дат многих важных событий; некоторые даты заимствованы из *Таʾрӣẖ-и нӑдирӣ* Махдӣ-ẖӑна, которой Муẖаммад-Кӑẓим пользовался при составлении своего труда. Если прибавить к этому, что цифровые данные Муẖаммад-Кӑẓима слишком округлены и многие сведения требуют осторожного отношения и проверки, то нельзя не прийти к выводу, что мнение В. В. Бартольда об этом сочинении, как об основном источнике по истории Нӑдир-шӑха, не является достаточно обоснованным.

Нельзя не отметить, однако, что при всех недостатках труд Муẖаммад-Кӑẓима в целом дает много ценного материала, дополняющего другие современные Нӑдиру источники. Нет сомнения, что, несмотря на необходимость значительно более критического отношения к этому труду как историческому источнику, опубликование полностью текста и перевода всех трех томов сыграло бы важную роль в дальнейшем изучении периода Нӑдир-

шāха. Мы пока поставили перед собой скромную задачу: сделать доступной для читателей ту небольшую часть этого сочинения, которая посвящена одному из важнейших событий в истории государства Нāдир-шāха — его индийскому походу.

Индийский поход 1738—1739 гг. представляет особый интерес для историка как потому, что он, бесспорно, занимает центральное место в завоевательных войнах Нāдир-шāха, так и потому, что он нанес сокрушительный удар находившейся уже в упадке Могольской империи и тем способствовал ее окончательному развалу. Именно этим объясняется наш выбор отрывка для перевода.

Индийский поход Нāдир-шāха освещен в различных современных ему источниках, главным образом на персидском языке (сочинения Махдī-хāна, Мухаммад-ʻАлī Хāзина и ʻАбу-л-Карима Қашмīрī) и на английском (материалы Ост-Индской компании, записки Фрэзера и Хэнвея). Перечисленные основные источники вместе с другими, менее обстоятельными и второстепенными, взаимно дополняют друг друга и в ряде случаев позволяют достаточно точно установить последовательность событий. Мы считаем необходимым дать краткую сводку более или менее точных сведений об этом походе, что даст нам возможность при переводе сочинения Мухаммад-Кāзима свести до минимума параллельные ссылки на другие источники в тех случаях, когда они дают более достоверные сведения.

Как уже упоминалось выше, Нāдир выступил в индийский поход из Кандахара 21 мая 1738 г. Если до движения на Кандахар у Нāдира, видимо, не было твердого намерения предпринять поход в Индию, то во время осады города такое решение созрело у него окончательно. Нāдир уже давно нуждался в средствах для содержания огромного войска, а разоренный Иран не мог их дать. Между тем агентурные сведения, которые он получал время от времени из богатой Индии, убеждали его, что поход туда будет успешным. Империя Великих Моголов находилась в состоянии полного распада; на делийском престоле сидел бессильный и неспособный Мухаммад-шāх; самые могущественные феодалы: главнокомандующий войсками Моголов Хāн-Даурāн,

главный везир Ḳамар ад-Дӣн, *низа̄м ал-мулк* (правитель Декана) и правитель Ауда Са'а̄дат-ха̄н, — враждовали между собой и меньше всего думали о единстве государства; хотя в сокровищницах Моголов и казначействах правителей областей хранились огромные богатства, войско не получало жалованья и было небоеспособно.

Несмотря на благоприятно сложившуюся обстановку, На̄дир соблюдал большую осторожность и медлил с выступлением. Еще до осады Кандахара он просил Муḥаммад-ша̄ха преградить путь в Индию афганцам, бежавшим из Ирана после разгрома; тот обещал, но никаких мер не принимал. Весной 1737 г. в Дели был отправлен Муḥаммад-ха̄н Туркма̄н с таким же поручением, но Муḥаммад-ша̄х в течение года не давал ответа и не отпускал Муḥаммад-ха̄на. 21 апреля 1738 г.[43] На̄дир послал Муḥаммад-ха̄ну приказ вернуться в ставку с каким бы то ни было ответом и месяц спустя, уверившись в прочности установленного им в Кандахаре порядка, двинулся в Индию. Город Газни сдался без сопротивления в середине июня. Жители Кабула подчинились сразу, но гарнизон выдерживал осаду до 30 июня[44], после чего сдался.

В Кабуле На̄дир получил из Дели от Муḥаммад-ха̄на донесение о том, что ему не дают ответа и не отпускают. На̄дир послал с ясаулом *дӣва̄на* и несколькими кабульцами письмо Муḥаммад-ша̄ху с лицемерными уверениями в своих дружеских чувствах и желании только наказать афганцев, но когда его посланец достиг Джелалабада, он был убит по приказу правителя этого города, а кабульцы были направлены в Пешавер.

На̄дир пробыл в Кабуле сорок дней. Так как здесь не хватало продовольствия для войска, он выступил в богатый съестными припасами и фуражом Чарикар, лежащий к северу от Кабула, чтобы заодно привести к повиновению жившие там племена; здесь он пробыл двадцать два дня, после чего выступил в Гандамак. Совершив обходный маневр, На̄дир вышел в тыл индий-

[43] Махдӣ-ха̄н, стр. 190.

[44] Там же, стр. 192.

ским войскам, защищавшим Хайберский проход, и легко овладел Пешавером.

Через Инд у Аттока был построен мост на лодках, и в начале января 1739 г. войско Надира направилось к Лахору. Все попытки правителя Лахора Закарийа-хана остановить движение иранских войск окончились неудачей, причем потерпел поражение и сильный отряд, спешивший на помощь; в конце января 1739 г. Закарийа-хан, не надеясь больше на поддержку из центра, сдался Надиру. Узнав в Лахоре, что Мухаммад-шах собирает войско и готовится к отпору, Надир опять отправил ему послание, в котором повторял, что им руководит якобы только чувство дружбы и намерение его состоит лишь в наказании их общего врага — афганцев.

6 февраля [45] Надир выступил из Лахора и 16-го прибыл в Сирхинд. Здесь он узнал, что Мухаммад-шах с трехсоттысячным войском, двумя тысячами слонов и тремя тысячами пушек находится в укрепленном лагере у Карнала; с одной стороны лагеря индийцев протекал канал Али-Мардана, с другой — был густой лес. Выслав вперед шеститысячный отряд, Надир стал постепенно приближаться к Карналу, проходя ежедневно 25—40 километров и собирая все время сведения о противнике. Вечером 23 февраля, находясь уже на расстоянии двух фарсахов (около 12 километров) от индийского лагеря, он узнал, что правитель Ауда Са'адат-хан двигается на помощь к Мухаммад-шаху с войском в 30 тысяч человек и артиллерией. Утром 24 февраля [46] Надиру донесли, что Са'адат-хан окольным путем прошел к Мухаммад-шаху и что назначенный против него отряд отбил его обоз и захватил много пленных.

Карнальское сражение началось так, как и было нужно Надиру: наступлением индийцев. Дело в том, что днем 24 февраля, находясь уже в лагере Мухаммад-шаха, Са'адат-хан узнал, что его обоз отбит кызылбашами; охваченный яростью, он приказал своему войску выступить, но его люди, утомленные продолжи-

[45] Там же, стр. 198.

[46] Там же, стр. 200.

тельным походом, отказались идти, и за ним последовало лишь около тысячи человек. В стремительной атаке Са'ādат-ẋān по неосторожности попал в засаду, был окружен и захвачен в плен. На помощь ему был послан Ẋān-Даурān, также лишь с небольшой частью своего войска; его отряд тоже потерпел поражение, а сам он был смертельно ранен. *Низāм ал-мулк*, командовавший левым крылом индийской армии, несмотря на приказы Муḥаммад-шāха помочь Ẋān-Даурāну, не тронулся с места. Таким образом, в сражении участвовала лишь очень незначительная часть всего индийского войска, и победу Нāдир-шāха нельзя было считать окончательной. Однако Муḥаммад-шāх повел через *низам ал-мулка* переговоры с Нāдиром и 26 февраля был у него сам, после чего вернулся в свой лагерь. Принятые Нāдиром меры к блокаде укрепленного лагеря Муḥаммад-шāха дали свои результаты, и индийское войско, не получая извне продовольствия, стало испытывать голод. Хорошо зная об этом, Нāдир и не думал удовлетвориться контрибуцией и уйти из Индии, как было условлено с *низāм ал-мулком*; через некоторое время он опять «пригласил» к себе Муḥаммад-шāха и задержал его в своей ставке, а в индийский лагерь отправил своих солдат, чтобы отобрать артиллерию. Индийское войско было распущено.

12 марта [47] Нāдир выступил из Карнала и 18-го подошел к предместью Дели; на следующий день он отпустил Муḥаммад-шāха для подготовки встречи и 20 марта вступил в город. Во время торжественного приема, устроенного Муḥаммад-шāхом, Нāдир сказал, что в соответствии с соглашением в Карнале он признает его государем Индии; в благодарность за это Муḥаммад-шāх, по словам официального персидского историка Махдī-ẋāна, «предложил» Надиру все свои царские сокровища и государственные ценности.

Утром 21 марта [48], когда совпали два праздника: новогодний и жертвоприношения, — во всех мечетях Дели была прочитана *ẋутба* на имя Нāдира, и признаков каких-либо волнений в течение

[47] Там же, стр. 203.

[48] Там же, стр. 205.

дня не было заметно, но вечером на почве всеобщего недовольства и в результате столкновений жителей Дели с отдельными персидскими солдатами, расквартированными в городе, возникли беспорядки. Слух о смерти Надира придал смелость индийцам; в нескольких центральных кварталах вспыхнуло уже настоящее восстание и было убито около трех тысяч кызылбашей. Надир узнал об этом ночью, но отложил подавление восстания до следующего дня. Утром 22 марта кызылбашское войско окружило мятежные кварталы и начало поголовное истребление населения и грабеж, продолжавшийся до захода солнца, когда Мухаммад-шах упросил Надира прекратить резню; по словам Махди-хана, было убито 30 тысяч индийцев. В следующие дни персидские чиновники объявили о сумме подлежащих конфискации казенных ценностей Индии и имущества жителей, причем для большей портативности крупные золотые и серебряные вещи были превращены в слитки; всего было конфисковано денег и драгоценностей на сумму не менее 700 миллионов индийских рупий.

12/13 мая[49] Надир-шах устроил в Дели торжественный прием, на котором возложил на голову Мухаммад-шаха индийскую корону; за это, по словам Махди-хана, Мухаммад-шах просил Надира принять во владение всю территорию Индии западнее Инда, от Кашмира до впадения Инда в океан. 16 мая[50], после 57-дневного пребывания в Дели, Надир двинулся обратно в Кабул, куда и прибыл 2 декабря; по дороге была взыскана с Лахора контрибуция в 10 миллионов рупий.

Еще до этого Надир приказал правителю Синда Худайар-хану явиться в Кабул, но Худайар-хан уклонился от исполнения этого приказания; поэтому Надир решил совершить поход в Синд. 9 января 1740 г.[51] он выступил из Кабула. Владетели областей, лежавших на пути его движения, подчинились ему без сопротивления, но Худайар-хан укрылся в крепости Умаркот в расчете, что Надир не дойдет до этого пункта, расположенного

[49] Там же, стр. 208.

[50] Там же.

[51] Там же, стр. 211.

далеко на юге в безводной пустыне. Однако 27 февраля Надир подошел к Умаркоту; Худайар-хан капитулировал и сдал ценностей более чем на 10 миллионов рупий. 4 мая Надир со своим войском прибыл в Кандахар [52].

Взятый для опубликования в русском переводе отрывок из труда Мухаммад-Казима, относящийся к индийскому походу Надира, имеет свои недостатки и достоинства. Что касается первых, то они те же, что и в других частях этого сочинения, и потому можно о них и не говорить; добавим только, что некоторые сведения об Индии отличаются фантастичностью. Не будучи военным, но составляя эту часть своего труда по рассказам военных, Мухаммад-Казим выпустил многие детали сражений,— и все-таки портрет Надира как полководца нарисован им, так сказать, во весь рост. Каждый шаг войска обдуман Надиром всесторонне; никакое движение не предпринимается без предварительной тайной разведки; при соприкосновении с противником высылаются разведчики с обязательным заданием добыть «языка». Если встречается труднопреодолимое препятствие вроде Хайберского прохода или хорошо защищенной переправы через реку, Надир совершает обход и неожиданно появляется в тылу противника; успех обеспечивается быстротой действия. Войско состоит почти целиком из конницы, и даже пешие стрелки передвигаются в походе на конях. Во всем царит единая воля Надира, и всякое ослушание или нарушение дисциплины немедленно карается смертью; примеров подобной расправы немало во всем описании похода. Вообще быт кызылбашского войска изображен как ни у кого из современных Надиру авторов.

Во многих местах сведения Мухаммад-Казима являются либо единственным источником, либо дополняют сообщения других современников. Так как примеров этому в публикуемом тексте достаточно, ограничимся здесь ссылкой лишь на несколько мест, где ценность нашего источника особенно бросается в глаза.

Официальный историограф Надира Махди-хан отводит в своем труде немало места сообщениям о посольствах и переписке

[52] Там же, стр. 215.

с Муḥаммад-шāхом, стараясь внушить читателям, что истинным побуждением его государя было только стремление наказать афганцев и никаких намерений, кроме дружественных, у него не было. Наоборот, Муḥаммад-Кāẓим говорит, что намерение завоевать Индию появилось у Нāдира еще в Кандахаре, и заявляет об этом без обиняков в заголовке, который гласит: «Поднятие знамени государем-мирозавоевателем с целью завоевания Индии». Только в нашем источнике есть сведения о возвращении Риẓā-Кулӣ-мӣрзы из Мавераннахра, объяснение Ṭахмāсп-ḫāна джалāйра по поводу перехода через Аму-Дарью и сообщение о торжестве по случаю назначения Риẓā-Кулӣ-мӣрзы наследником престола и наместником. Обход Хайберского прохода авангардом под командой самого Нāдира описан подробнее, чем где бы то ни было. Если в увлекательном рассказе о карьере Са'āдат-ḫāна и имеется романтический элемент, то в этом нет ничего неправдоподобного, потому что обстановка в Иране и Индии, в особенности в начале XVIII в., способствовала появлению подобных авантюристов; напомним, что именно такой путь прошел сам Нāдир. Возвращаясь из Дели в Кабул, Нāдир приказал участникам похода сдать награбленные деньги и драгоценности в казну; наш автор сообщает такие подробности об этом изъятии ценностей и о количестве денег, которое было разрешено оставить каждому воину, каких нет ни в одном источнике.

Несмотря на явно вымышленный характер некоторых сведений, они интересны для нас тем, что указывают на господствовавшие в то время тенденции в эмирских кругах. Никто, например, не мог знать о содержании разговора Нāдира наедине с Риẓā-Кулӣ-мӣрзой перед отправкой последнего в Хорасан, а между тем наш автор говорит подробно об инструкциях Нāдира и, в частности, о приказе в случае войны поступать по совету старшин и предводителей племен; мы видим здесь отражение стремления центробежных сил страны вернуть себе если не власть, то хотя бы влияние на государственные дела. Резкую перемену в характере Нāдира по возвращении его в Иран, очевидно, кое-кто объяснял колдовством индийских кудесников; примером такого объяснения служит рассказ об обещании деканских йогов сделать так,

что Надир разгневается на население Ирана, разорит его и в конце концов будет убит одним из своих подданных.

Описание индийского похода, входящее во второй том труда Мухаммад-Казима, прерывается немногими вставками, не связанными с походом; последние выпущены из публикуемого перевода.

Перевод этого отрывка начинается с листа 88а, где говорится о выступлении Надира из Кандахара с целью завоевания Индии. После этого выпущены как не имеющие отношения к этому походу две главы о действиях Риза-Кули-мирзы в Балхе и Мавераннахре (л. 98б—125а) и глава о возвращении в Мерв газиев, уроженцев этого города (л. 125а—128б). Затем выпущены две главы о набеге Илбарса на Хорасан (л. 136а—143а). Наконец, на том же основании выпущены четыре главы о действиях Ибрахим-хана в Азербайджане (л. 149б—178б), глава о получении Надиром сообщения о смерти Ибрахим-хана (л. 178б—180а) и глава о восстании белуджей (л. 180б—185б). Затем идут уже без перерывов главы о действиях Надира в Индии и Синде до обратного движения в Кандахар.

В своем переводе мы стремились, насколько это было возможно, придерживаться максимальной точности, в частности сохраняя цветистый стиль оригинала в тех пределах, в которых это может быть достигнуто средствами русского языка.

Мухаммад-Казим бесспорно подражал Махди-хану как в стиле, так и в расположении материала,— это сразу же бросается в глаза при сравнении их произведений. В этом, конечно, нет ничего удивительного, потому что при той бедности литературных сил, которую мы видим в Иране при последних Сефевидах и Надире, Махди-хан был звездой первой величины. Однако напыщенный стиль *Та'рих-и надири* не является чем-то новым: так писались ферманы и другие документы, исходившие из шахской канцелярии [53]; новым оказывается внедрение его в исторические сочинения, которые до этого писались простым языком [54].

[53] См. П. И. Петров, *Ферман шаха Султан-Хусейна Вахтангу VI* («Советское востоковедение», 1957, № 4), стр. 127—128.

[54] Единственное исключение — история Вассафа.

Как и у Махдӣ-ҳāна, многие главы у Муҳаммад-Кāзима начинаются вычурным описанием явлений природы, например наступления весны или восхода солнца. Подобно тому как Махдӣ-ҳāн именует Нāдира «тенью Аллаха», «государем-мирозавоевателем» и «государем всего мира», его дворец — «вместилищем правосудия», а войско — «победоносным» и «мирозавоевательным», Муҳаммад-Кāзим, сверх этих эпитетов, называет Нāдира *ṣāҳиб-ḳирāном*, т. е. родившимся в момент сближения двух счастливых планет в одном знаке зодиака (иначе говоря, счастливым). Вообще он уснащает свое повествование эпитетами, метафорами, метонимиями, синекдохами, гиперболами и прочими фигурами так щедро, что по обилию пышных украшений превосходит даже Махдӣ-ҳāна. Кроме ставших в персидской стилистике обычными выражений: «выпуклый небесный свод», «отдавать голову на ветер гибели», «удостоиться чести поцеловать ковер (государя)» и других, Муҳаммад-Кāзим в погоне за картинностью описания придумывает эпитеты и гиперболы, невероятные для самого пылкого европейского воображения: шахский шатер упирается в небесный свод, трон имеет основанием седьмое небо, отрубленные головы плавают в реке крови, из тел убитых возвышаются горы и тому подобное. Все эти тяжеловесные украшения мы старались полностью сохранить в переводе, поясняя их в некоторых случаях в примечаниях.

Традиция персидских историков уснащать свои произведения стихами существовала с XIII в., иногда усиливаясь, а иногда ослабевая. В XVI в. в этом отношении выделялся Ҳ^{в}āндамӣр, автор *Ҳабӣб ас-сийар*, а при Сефевидах — современник Исмāʻӣла I Йаҳйā Ḳазвӣнӣ, автор *Лубб ат-тāвāрӣҳ*; Махдӣ-ҳāн некоторые части своей *Таʼрӣҳ-и нāдирӣ* (например, описания боев) также иллюстрирует стихами.

Муҳаммад-Кāзим для оживления рассказа во многих местах прибегает к стихам, которые звучны и написаны с соблюдением всех правил персидского стихосложения, преимущественно в форме *маṣнавӣ* размером *мутақāриб*. То, что говорилось выше о вычурности его стиля, еще в большей степени относится к стихам.

Его *тахаллус* был Āсаф; в конце некоторых стихотворных отрывков он обращается к самому себе, сетуя на свое незавидное положение и выражая надежду лишь на Аллаха. В одном месте он говорит:

Āсаф я, и нет у меня ничего,
Надежда моя на Него одного.

По поводу превратности судьбы он говорит:

Не верь злой судьбе-интриганке, мой брат!
В натуре ее вероломство и яд.
Дела ее все — чародейство и ложь,
Деяния добрые — фокусы сплошь.
. . . . . .
Āсаф! Наставленья свои прекрати!
Ты был постоянно на ложном пути.
Надежда моя на творца только та,
Что может спасти лишь его доброта.

Хотя стихи Мухаммад-Кāзима не дают ценного исторического материала, но мы сочли необходимым сохранить и их в переводе и постарались соблюсти максимальную точность, несмотря на трудность дать тот же размер и то же число слогов, что и в оригинале; добавим, что из русских размеров к персидскому *мутақāрибу* ближе всего амфибрахий.

Немалые трудности при переводе возникли вследствие далеко не удовлетворительного состояния сохранившегося списка сочинения Мухаммад-Кāзима. По мнению Н. Д. Миклухо-Маклая, этот список был изготовлен по заказу Мухаммад-Кāзима и носит следы авторской правки[55]. Если это и так, то такого рода правка проведена далеко не везде. Во всяком случае, рукопись пестрит орфографическими ошибками и пропусками отдельных слов; последних особенно много как раз в описании индийского похода. Пропуски объясняются тем, что переписчик или не разобрал в черновике некоторые слова, или не расслышал их, когда писал под диктовку; здесь вина ложится исключительно на писца.

Сам автор, разумеется, не получил хорошего образования, да оно и не требовалось будущему чиновнику. В ту эпоху маль-

[55] Н. Д. Миклухо-Маклай, *Рукопись «Аламāрā-и Нāдирī»*, стр. 181.

чик начинал учиться шести-семи лет и кончал курс учения в двенадцати-тринадцатилетнем возрасте, если не готовился стать законоведом или богословом; дальнейшее образование приобреталось уже на службе путем общения с образованными людьми. Муҳаммад-Кāзим служил почти исключительно в Мерве, где не мог должным образом пополнить пробелы в своем образовании [56]. Он плохо знал географию и считал, например, что Синд расположен рядом с Кашгаром и Согдом. Его язык не лишен провинциализмов: так слово محلّ, означающее «место», он употребляет в значении «время»; вместо личного местоимения او он употребляет указательное местоимение آن и наоборот. Планета Сатурн (کیوان), видимая в южных странах высоко над горизонтом, служит у персидских авторов символом при описании чего-нибудь очень высокого; говоря о войске, Муҳаммад-Кāзим вместо کیهان‌پو («бегущее по вселенной») пишет все время کیوان‌پو, что является бессмыслицей; впрочем, в этом случае, может быть, виноват не Муҳаммад-Кāзим, а писец.

Сделанных переписчиком орфографических ошибок много, и часть их указана в подстрочных примечаниях; отметим здесь еще некоторые грубые ошибки: انتثاب вместо انتساب; برخواسته вместо خاسته; مزکور вместо مذکور; ذکریا вместо زکریا. Долгое ا перед носовыми согласными произносится в большей части Ирана как «у»; переписчик в таких случаях иногда писал و вместо ا, например گروه بدون вместо گروه بدان. Заметим, кстати, что с упомянутым выше мнением В. В. Бартольда, что все сочинение [57] переписано одной рукой, нельзя согласиться. Сам по себе почерк вряд ли может служить достаточным критерием, так как во всяком каллиграфическом письме, тем более восточном, сглаживаются индивидуальные особенности почерка отдельных лиц. Значительно бóльшую роль в решении этого вопроса играет орфография. Во всяком слу-

[56] Сам Муҳаммад-Кāзим в своем сочинении жалуется на недостаток образования (см. Н. Д. Миклухо-Маклай, *Рукопись «ʿĀламāрā-и Нāдирī»*, стр. 184; *О первом томе труда Мухаммеда Казима*, стр. 130).

[57] В. В. Бартольд имел в виду второй и третий тома. По словам Д. Н. Миклухо-Маклая (*Рукопись «ʿĀламāрā-и Нāдирī»*, стр. 181), «все три тома писаны одной рукой».

чае в переписывании второго тома труда Муḥаммад-Кāзима (из которого заимствован публикуемый отрывок) принимали участие, судя по правописанию, два писца. Особенно это заметно в правописании множественного числа таких слов, как بنده — كشته — سر كرده: на протяжении многих страниц пишется بنده‌گان — كشته‌گان — سر كرده‌گان، а затем приходит на смену правописание بندگان — كشتگان — سر كردگان и т. п.

При транскрибировании собственных имен, восточных терминов и малоизвестных или неидентифицированных географических названий мы руководствовались системой, разработанной И. Ю. Крачковским и А. А. Ромаскевичем и принятой в Издательстве восточной литературы для подобного рода изданий.

П. ПЕТРОВ

ПОХОД НĀДИР-ШĀХА В ИНДИЮ

ПЕРЕВОД

Поднятие знамени государем-мирозавоевателем с целью завоевания Индии и овладение городом Газни

...Итак, государь-мирозавоеватель и владыка эпохи в месяце ṣафаре 1151 года[а] направил поводья намерения к завоеванию Индии.

Пройдя этапы и переходы, он пришел в Ḳарāбāг, один из подчиненных Газни округов [1]. В это время прибыло несколько шпионов из окрестностей крепости Ẓаḫāк-и Мāрдӯш [2], города Лаґмāна и аймаков Хезареджата; они доложили высочайшей || особе[б], 88б что так как до этого был отдан непреложный приказ, чтобы газии [3] и племенные вожди (*сарḫайл*), питая надежду, прибыли к халифскому дворцу [4],— то, получив могущественный указ, эти люди, упорствуя и не подчиняясь, возмутились. Что касается Мӣр-Ḫӯшāй-султāна хезарейца, который является одним из знатных и известных людей хезарейского племени, то священной особе доложили, что, если к нему будет послано несколько умеющих говорить людей с могущественным указом государя-мирозавоевателя, может быть, вступив на путь единства, искренности и преданности, он прибудет к мирозавоевателю.

Ḳогда счастливец эпохи услышал о неподчинении и упорстве того испорченного племени, им овладела досада, и он приказал, чтобы проворные слуги поставили на [месте] помянутой стоянки палатки и надиров шатер и приготовили царский пир. Сначала он приказал, чтобы Му'мин-ḫāн-бек Марвӣ, который состоял в ряду постоянных дежурных мир украшающего дворца, взял тысячу пятьсот газиев из числа подчиненных ему и отправился в Лаґмāн в Хезареджате [5]. После его отправки он дал своему старшему [6] сыну, свету очей своих, знаменитому, любимому, счастливому

[а] 21 мая — 18 июня 1738 г.

[б] Буквально: «небеснопрестольному порогу».

Наср̣аллāх-мӣрзе двадцать тысяч храбрых[а] воинов и приказал отправиться в горы аймаков, крепость Заҳāк и прочие места этой области, приложить старание к наказанию непокорных и мятежников, которые, свернув с пути подчинения и покорности государю-мирозавоевателю, восстали, и привести их к покорности и послушанию, после чего в городе Кабуле присоединиться к победоносному войску. Дав своему достойному сыну много указаний о подготовке, командовании и осторожности, он отправил его в тот район.

Два-три дня спустя с войском, огромным, как море, и
89а шумным, как гром, || он на крыльях движения направился к столице султана Маҳмӯда Газнавӣ[б]. После его прибытия в те пределы к милостивой, счастливой особе прибыла группа военачальников, племенных вождей (*сарҳайл*) и старшин (*рāшсафāд*) той области, каждый с многими подношениями и бесчисленными подарками, и, надев на свою шею ошейник послушания и покорности, они удостоились поцеловать священный ковер[в] и были сверх меры обласканы падишахом, причем он почтил их дорогими халатами и царскими милостями.

Когда слух о любви, милосердии, справедливости и щедрости счастливого государя распространился в той стране среди ее знати и простого народа, некоторые мятежники, нечестивые и непокорные, из страха перед [наказанием] за свои действия и поступки рассеявшиеся в горах и степи, все с подарками и дарами явились в мир украшающий дворец, заявили о желании служить священному стремени[г] и были включены в ряды искренних слуг. Один из прежних поэтов сказал:

Государь! Крепи основу справедливости: лишь ею
Государство твое будет расширяться день за днем.
Жди победы от Аллаха! Но без помощи народа.
Всяк противник будет слабым, хоть и был он раньше львом.

[а] Буквально: «охотящихся на львов».

[б] Столица Маҳмӯда Газнавӣ — Газни.

[в] Это выражение означало низкий поклон.

[г] То есть Нāдиру. В дальнейшем это постоянно встречающееся выражение будет переводиться как «особа» или «свита».

Когда мирозавоевательные знамена пробыли несколько дней в тех пределах, группа сердаров и племенных начальников Газни явилась к победоносной особе. Счастливый государь опять каждого из этой группы удостоил высоких должностей и необъятных областей и отпустил на родину и в их область; некоторых из них, заявивших о желании служить священной особе, он включил в число прочих *мулазимов* и сделал *мулазимами*[7] свиты. Когда великий ум мирозавоевателя совсем успокоился насчет той страны, он распрощался с ханами и военачальниками той местности и поводья мирозавоевательной деятельности повернул в сторону завоевания славного города Кабула.

|| Поднятие мирозавоевателем знамени [для похода] на Кабул, сражение с Шахнавазханом и его поражение

89б

Когда при поддержке могущественного и всевластного [бога] и по милости создателя небесносановный государь закончил завоевание города Газни, он [двинулся] с огромным, как море, войском и шумными, как гром, славными воинами, так что земля и время от топота копыт лошадей и криков храбрецов пришли в волнение и возбуждение подобно волнующемуся морю и столбы небесного свода задрожали — как сказано в Коране: «Когда потряслась земля сотрясением»[а],— и лицо мир освещающего солнца потускнело и потемнело в пыли и дыму, Сатурн от страха укрылся в созвездии Овна, а разгневанный Марс от сияния шлемов и вида лат пришел в себя[б]. Высочайший падишах с великой пышностью направился в Кабул. Во время движения [войска] группа людей из племен афганцев, какури, бангашири[8] и прочие, которые жили [там] со своим скотом и избиение и отнятие имущества которых было отсрочено, направились с надеждой в халифский дворец и успокоились; а всякий, к кому приступил ангел смерти по поводу его смертного часа и кто был обречен предо-

[а] Коран, 99, 1.

[б] То есть у Марса прошел гнев при виде всего вооружения.

пределением неба, был убит, взят в плен, пал в неизвестности, не осуществив своих желаний, и стал пищею мух и собак. Счастливец эпохи очистил и освободил помянутые края и области от грязи пребывания мятежников и направился к месту цели.

Во время прибытия, в трех переходах от Кабула, было приказано, чтобы Хāн-'Алī-хāн гоклāн и Кāсим-бек қāджāр с одним полком из победоносного войска пошли вперед в качестве передового отряда, захватили несколько человек из кочевников и жителей той местности и привели к священной особе.

Когда последних представили милостивой священной особе, он расспросил их о положении в Кабуле, и они доложили, что
90а || в Кабуле согласно непреложному приказу падишаха Индии находится около десяти-двенадцати тысяч человек индийцев в виде охраны и около двенадцати тысяч человек из племени раджпутов в крепости Заҳāк-и Мāрдӯш; так как это — место прохождения противников и врагов-иранцев, они должны жить всегда в тех пределах и охранять [границу] и, если кто-нибудь извне будет проходить, приложить старание к отражению его. Правитель области Кабула[9] по этому поводу написал охране Заҳāка, чтобы [эти войска] пришли ему на помощь и присоединились к войску Кабула. Вчера к вечеру прибыли несколько бегле цов и сообщили, что у государя-мирозавоевателя имеется сын по имени Наср-аллāх-мīрзā; он прибыл с отрядом победоносного войска, завоевал крепость Заҳāк и войско раджпутов [частью] перебил и [частью] взял в плен. Правитель области Кабула, услышав это наводящее страх известие, занялся военными делами и приведением крепости в осадное положение: стал укреплять и приводить в порядок башни и стены крепости Кабул. В высокий дворец потомков тимуровой семьи[10] было отправлено много гонцов с докладами и о прибытии победоносных надировых войск было подробно и вновь доложено подножию правосудного престола. Однако крайний страх и ужас овладели жителями той местности, так что сразу при появлении победоносных надировых знамен все жители той земли придут к милостивой особе, потому что при появлении знамен счастливца область Газни

стала испускать лучи [его славы][a]. Группа начальников той области прибыла в эти пределы и сообщила знати и простому народу об обходительности и великодушии государя-мирозавоевателя, так что все жители этой местности тайно приготовились 90с
к искренней службе, и вполне возможно, || что на завтрашней стоянке большое число людей придет в халифский дворец.

Победоносный государь чрезвычайно обрадовался сообщению этих людей. Он приказал отпустить их и распорядился, чтобы каждому дали халат и отпустили к месту цели.

Когда освещающее мир солнце вынуло над голубой крепостью неба золотой меч из ножен горизонта и золотое небо показалось над небом серебряным[б], счастливец эпохи выступил с огромным войском и направился в сторону Кабула. А с той стороны полновластный правитель города по имени Шахзададж-хан, узнав о прибытии победоносного войска счастливца, предался обманчивым мечтам и нелепому образу действий и решил выйти из крепости и дать сражение победоносным войскам, [думая, что], может быть, одержит выдающуюся победу. Они[в] не знали, что страшный лев не падет от хитрости бессильной лисицы и с сильным, как крепость, соколом от покушения слабого воробья неприятности не случится.

> ʿАнқа[11] не попадает в силок для соколов:
> Ведь он всегда пустует, какой уж там улов!

Этот глупый человек с группой кабульских богатырей и храбрецов вышел из города наперерез победоносному войску. В тот день мирозавоеватель назначил Хан-ʿАли-хана гоклана и Қасим-бека қаджара с шестью тысячами рустемоподобных богатырей для разведки; когда они прошли около шести миль[12] от стоянки, правитель Кабула Шахнавaз-хан вдруг увидел знамена победоносного войска. Этот злополучный человек, взойдя на

---

[a] Мухаммад-Казим хочет сказать, что благосклонное отношение Надира к жителям Газни способствовало распространению славы о нем и в других местах.

[б] То есть наступило утро.

[в] Имеются в виду Шахзададж-хан и его войска.

вершину песчаного холма, стал подсчитывать численность того войска. Когда он победоносное войско, в действительности малое, увидел многочисленным[а], он обрадовался и сказал своим
91а командирам: «Войско Нāдира эпохи || малочисленно; теперь мы одной смелой атакой рассеем ряды их сплоченности, захватим живым счастливца эпохи и отошлем к падишаху Муḥаммаду». Каждому из своих газиев и храбрых воинов он поручил захватить живым счастливого повелителя. Этот странный человек был охвачен таким неисполнимым желанием, как вдруг рустемоподобные воины и решительные, как Бахрāм, богатыри подобно стремительному потоку и летящему соколу бросились на индийское войско и ударами острого меча и смертоносного копья рассеяли как звезды Медведицы ряды сборища, которое увидели напротив себя. Индийские воины, как стадо лисиц, помчались от враждебных газиев и достигли отряда Шāхнавāз-ḫāна. Они кричали, прося помощи, и по приказу Шāхнавāз-ḫāна заместитель правителя Кабула Шāдгāхй-ḫāн, храбрец своего времени и знаменитый полководец, чтобы помочь[б] разбитому войску, с тремя тысячами всадников из кабульских богатырей напал на победоносное войско. Высокородный сердар Муḥаммад Ḳāсим-бек ḳāджāр с полком храбрых богатырей, разбив ряды авангарда, имел намерение ударить на враждебное кабульское войско, как вдруг помянутые газии атаковали победоносное войско и между обеими сторонами произошел крайне трудный бой, так что от ударов пронзающих броню копий лик небосвода омрачился и потемнел и от блеска убивающих мечей лица героев и храбрецов стали цвета шафрана и аргавана[в]. Когда эмир Аṣлāн-ḫāн узнал о многочисленности того войска, он без колебания и вялости

[а] Так в подлиннике. Автор выразился нелепо; из дальнейшего мы видим, что он хотел сказать: Шāхнавāз небольшой персидский авангард принял за все персидское войско.

[б] В рукописи ошибочно вместо معاونت (помощь) написано معاودت (возвращение).

[в] То есть пожелтели и покраснели. Аргаван («Иудино дерево» — Cercis siliquastrum) покрывается ранней весной сначала ярко-красными цветами и уже потом— листвой.

положил руку на рукоять острого меча, напал со всем своим войском на войско || Шāхнавāз-ҳāна и от рассекающих темя ударов ме- 91б
чей головы хвастливых воинов попадали на почву судьбы. Удары пронизывающих сердце копий и стрел прокалывали голову Сатурна, и проникающие через гранит стрелы, как сжигающая мир молния, сверкали в воздухе; от ударов боевых секир головы воинов появлялись подобно звездам Плеяд [а], а от смертоносных пуль позорно превращались в решето.

Некоторое время между обеими сторонами шел чрезвычайно трудный бой; кабульские газии, не выдержав, обратились в бегство || и ушли в сторону Кабула. Увидя такую смелость, храб- 92а
рость и геройство кызылбашских войск, Шāхнавāз-ҳāн волей-неволей с полными крови глазами повернул своих коней обратно, с небольшим числом людей, смертный час которых был несколько отсрочен, с позором унес из этой кровожадной пропасти свою душу от когтей свирепого льва и бросился в кабульскую крепость. Когда Шāхзададж-ҳāн узнал о разгроме своего войска, он тотчас приказал укрепить башни и стену крепости; жители той местности приложили полное старание, наполнили башни и стену крепости ружейными стрелками (*туфангчӣ*), фальконетами (*занбӯрак*), *ҫафпӯзанами*, пушками и *бāдлиджами* [13], укрепились как следует для войны и приготовились к бою.

Поднятие счастливым государем знамени для завоевания Кабула и овладение этим городом, подобным Ираму [14]

Снимающие одежду с времени и эпохи и раскрывающие смысл добра и зла [б], нанизывая жемчуг на нитку, рассказывают, что, когда счастливец эпохи двинулся с помянутых стоянок и на второй стоянке узнал о победе Ҳāн-ʿАлӣ-ҳāна и Қāсим-ҳāна, он

[а] Автор хочет сказать, что отрубленные головы воинов в блестящих шлемах взлетали на воздух и сверкали, как звезды Плеяд.

[б] Эта глава при буквальном переводе должна бы начинаться так: «мирозавоеватели времени и эпохи и раскрывающие смысл добра и зла...» и т. д. Здесь писец сделал грубую ошибку и не вдумался в текст; автор, очевидно, писал كسوت گشايان, т. е. «снимающие одежду (или покрывало)», а не كشور گشايان — «мирозавоеватели», что является бессмыслицей.

приказал, чтобы тот высокородный сердар [а] с подчиненным ему войском направился к крепости Кабул; мирозавоеватель также отправился вслед за ним. Помянутый сердар, прибыв [туда], выстроил ряды напротив крепости, остановился на одной возвышенности и разбил свои палатки и шатры. Через некоторое время показались знамена войска счастливца, так что лик блестящего солнца из-за пыли и шума потускнел и потемнел, а от восклицаний героев, крика бойцов, ржания лошадей и звука золотых и серебряных рожков небесным сводом овладел трепет.

Когда Шахзададж-хан и прочие жители той местности
926 ||увидели весь этот блеск, величие и необъятное войско, дрожь напала на их члены; приступив к Шахнавазу-хану, они сказали: «Глупый негодяй! Каким образом ты утверждал, что у Надира эпохи больше десяти тысяч человек не имеется? Как случилось, что у небесных звезд счет есть, а у войска счастливца нет числа и счета?» Шахнаваз-хан сказал: «Я увидел то самое войско, которое в первый день пришло и остановилось, и счел его войском счастливца; если бы я знал, что он имеет все это войско, я бы перестал сражаться, пошел бы мирным путем и установил союз». Шахзададж-хан сказал: «Теперь у нас нет другого выхода, кроме как держаться в осаде и укрываться в крепости. Если мы заключим мир и отдадим ему ключи крепости, население Индии многие годы и бесчисленные века будет проклинать нас, наших дядей и наше племя, и будут говорить: десяти дней не удержали крепость Кабул и из страха за свою жизнь отдали кызылбашскому войску эту крепость, являющуюся границей стран Индии. Я не вынесу этого позора. Пока я имею душу в теле, я буду старательно выдерживать осаду и жертвовать собою для курканова [15] небесновысокого очага».

Этот умный человек принял такое решение и сделал то, что было необходимо, чтобы выдержать осаду и пожертвовать собой. Тогда мирозавоеватель окружил крепость победоносным войском [б]

[а] То есть Аслан-хан.

[б] В этом месте над строкой приписка: «пятого числа месяца раби I 1151 года» (23 июня 1738 г.). Эта дата взята у Махди-хана.

и, ведя два-три дня вокруг нее бой, стреляя по стене ядрами и бомбами (*хумбара*), поколебал стойкость осажденных, но дело вперед не подвинул. У той крепости имеется четыре фаса; одна сторона находится напротив горы, и если кто-нибудь ||поднимется на эту гору и будет смотреть, он увидит под своими 93а ногами всю крепость. Жители этой местности построили вокруг той горы несколько крепких башен и поместили в них несколько опытных ружейных стрелков, чтобы, если кто-нибудь захочет выступить против, стрелки, отражая их, воспрепятствовали этому. Было доложено о командующем положении этой горы, и по приказу мирозавоевателя на Фатх-'Али-хана Систани было возложено выслать вперед сеистанских стрелков из лука и овладеть этой сильной горой. Этот знаменитый воин своего времени вследствие подлежащего исполнению приказа счастливого государя послал впереди себя две-три тысячи пехотинцев и забулистанских ружейных стрелков и дал бой на той высокой горе. При первой атаке находившиеся в тех башнях не выдержали натиска победоносного войска и бросились вниз с башен; часть их была убита, а некоторые, будучи ранены, с тысячью мучений спустились с горы и ушли. Славные сеистанцы захватили те несколько башен, которые были на горе, устроили укрепление, остановились и доложили государю, что те несколько башен, опиравшиеся на неподвижные звезды и планеты, вошли во владение могущественного государя. Было приказано начальнику артиллерии (*топчибаши*) победоносного войска поставить на вершине горы несколько осадных орудий и приложить необходимое старание ко взятию крепости. Сердарам и предводителям войска (*сархайл-и сипах*) было приказано, чтобы пехота и конница окружили крепость, и начальник артиллерии Йар-бек-хан с вершины той небесновеличественной горы стрелял в середину крепости из пушек и мортир. По приказу Шахнавваз-хана искусные артиллеристы, которые в темную ночь ударом огненного снаряда выбивали камешек из затылка змеи [16], [также] старательно стреляли || из пушек. Благодаря вечному счастью счастливого госу- 93б даря каждый пушечный снаряд, попадавший в крепость, убивал большое число артиллеристов и солдат, и артиллеристы Шахна-

ваз-хана погибли от действия смертоносных снарядов. Когда жители Кабула увидели, что снаряды пушек и мортир подобны внезапной смерти, весеннему дождю и круглому граду, они прекратили [оборону], и крепостные башни и стена очистились от защитников.

По непреложному приказу на обязанность сердаров, племенных вождей (*сарханл*), *мингбаши*[17] и газиев было возложено атаковать крепость с разных сторон; в силу вечного счастья [государя] победоносные воины и разумные храбрецы в течение одного часа поднялись на башни и стену и принялись убивать и грабить. Когда Шахнаваз-хан и Шадгахи-хан увидели эту смелость и храбрость, они волей-неволей бежали из самого города и засели в цитадели этой крепости[а], куда ушел Шахзаддж-хан. Большое число их солдат было убито кызылбашским войском и уничтожено, а другая часть рассеялась.

В тот день и в ту ночь до тех пор, как муэззины послали в выпуклый небесный свод утренний призыв к молитве, звуки труб и крики достигали вершин синего неба. Кто из кабульцев высовывал голову из своего дома и имел намерение сражаться, тот отдавал голову на ветер гибели и присоединялся к ушедшим. Кызылбашские газии усердно убивали их и разграбляли их имущество. Уничтожающий врагов падишах в это время, взойдя на портал медресе, был занят рассматриванием той крепости[б].

94а В это время жители той местности бежали || в один из кварталов города, ворота и стены которого опирались на небосвод, засели там и стали защищаться. Когда калантары и старшины (*раиси-сафид*) увидели положение таким, они волей-неволей с обильными подношениями и подарками, плача и прося пощады, обратились во дворец государя-мирозавоевателя. Падишах населенной четверти земли даровал им пощаду, и эта группа, явившись

[а] Как видно из изложения, до сих пор речь шла об осаде города, который был обнесен крепостной стеной. Кроме укрепленного города, остатки стен которого видны до сих пор в Кабуле на прилегающих возвышенностях, была еще цитадель: это — Балахисар.

[б] Имеется в виду укрепленный город, но не цитадель, которая еще не была взята.

1. Сцена сражения кызылбашского войска с Шāхнавāз-ҳāном (миниатюра из тома II сочинения Муҳаммад-Кāзима, л. 91б)

к священной особе, просила за несчастных [жителей] той местности и говорила языком фактов[18]:

Да будет, о шах, в твоей власти весь мир!
Ведь ты — редкость века в Иране, Надир[а].
Твоим правосудьем Иран и Туран
Живут и украшены больше всех стран.
Кабул пощади и прости нас, о шах!
Отдаст тебе Индию с Синдом Аллах.

Милостивый падишах пощадил жизнь и имущество этих неуживчивых людей и приказал, чтобы громкоголосые *джарчи* и *чауши*[19] прокричали строгий приказ: если кто-нибудь из победоносного войска посягнет на имущество и совершит убийство и ограбление жителей Кабула, того счастливый государь предаст казни. Как только был услышан подлежащий исполнению приказ, победоносное войско прекратило грабеж и вернулось в величественный, как Сатурн, лагерь.

На следующий день, когда было начало месяца раби‘ I 1150 года[б], Шахзададж-хан и Шахнавваз-хан[в] с начальниками и командирами Кабула вышли из цитадели крепости с саблями на шее[20] и, прося пощады, прибыли к правосудному счастливому порогу. Победоносный государь почтил ханов и командиров опросом и милостями и, снова сделав Шахзададж-хана ханом и командующим [войск] той области, назвал отцом. К Шахнавваз-хану и Шадгахи-хану для привлечения к себе жителей тех пределов[г] он отнесся внимательно и успокоил сердце ближних и дальних, тюрок и таджиков разными щедрыми милостями и обнадежил безграничной царской благосклонностью. || Конечно, знать и простой народ Кабульской области поспешили в августейшую ставку, ища убежища у высокого порога, они в тени беспредельной милости и благодеяний нашли спасение от солнца событий. Были отданы подлежащие исполнению высочайшие 94б

[а] Игра слов: *надир* значит «редкий».

[б] У Мухаммад-Казима ошибочно 1150 г. вместо 1151 г. Первое число раби‘ I 1151 г. было 19 июня 1738 г. По Махди-хану — 12 раби‘ I (30 июня).

[в] Над этим словом приписка: Рахимдад-хан.

[г] Буквально: «поселившихся в тех пределах».

приказы о том, чтобы никто из высших и низших занимающего место звезд войска не обидел ни одного жителя ни на одно зернышко ячменя, ни на один ман[21] соломы: если же будет поступлено против приказа, за каждое злое дело будет отсечена голова и за каждый причиненный ущерб — [казнен] начальник. После успокоения той местности Шахзададж-хан отдал чиновникам мир украшающего дворца ключи от казначейств и подземных сокровищниц, которые были в Кабуле в его распоряжении. Государь-мирозавоеватель, по правилу великодушия и принимая во внимание имущество своего государства, отослал к Шахзададж-хану ключи от казначейств и сказал: «Слава богу, в настоящее время в благоустроенном казначействе имеются двенадцатилетние сокровища и казна газиев[а], и я не желаю его имущества»,— и подарил ему кабульскую казну. [Были отчеканены] монеты и прочитана *хутба* на славное имя и дорогое прозвание.

Рассказчик упоминает, что в то время, когда блестящие знамена счастливца направились из Ирака[22] для завоевания крепости Кандахар, герой эпохи оставил в той области эмира Аслан-хана, наименовав его сердаром, и во время движения из города Кандахара он отдал непреложный приказ, чтобы тот должность заместителя правителя Исфахана передал Хатим-хану чамишгазаку хорасанскому, а сам [быстро], как гонец, прибыл в мир украшающий дворец, дабы в индийском походе, находясь в счастливой свите, быть занятым службой шаху, вере и государству и не оказаться обездоленным этим государством. Этот высокородный хан прибыл в городе Кабуле к небеснопышному дворцу и был удостоен чести поклониться правосудному порогу.

После завоевания Кабула и успокоения той местности он[б]
95а оставил у Шахзададж-хана три тысячи человек || кызылбашского войска с одним из искренне преданных гулямов и дал ему много указаний о том, что приезжающих и уезжающих чиновников[23]

[а] Мухаммад-Казим хочет сказать, что на имевшиеся в персидской казне средства можно было двенадцать лет содержать войско.

[б] То есть Надир.

нужно пропускать здравыми и невредимыми, доставлять до Газни и оттуда до Кандахара и возвращать. Двинувшись оттуда, он направился для завоевания Пешавера и Джелалабада.

Назначение государем-мирозавоевателем царевича Насраллах-мирзы для завоевания города Лагмана и описание сражений с племенами таймани, бангишири, хезара и аймак [24]

Как уже было написано мир украшающим пером, когда счастливец судьбы назначил на стоянке в Карабаге своего достойного, счастливого сына Насраллах-мирзу с сильными полками для наказания племен раджпутов и хезара и завоевания крепости Заххак-и Мардуш, города Лагмана и прочих [мест] той области, счастливый царственный *наввааб* [25] освободился от службы мирозавоевателю и с войском, подобным волнующемуся морю, отправился к назначенному месту. До выступления царственных знамен Му'мин-хан-бек Марви, состоявший в числе постоянных дежурных сотников и приближенных мир украшающего дворца, был непреложным приказом назначен с двумятремя тысячами [солдат] в авангард победоносного войска, и было приказано, чтобы, придя в области хезарейцев и таймани, он первым долгом занялся подавлением и устранением Мир-Хушая хезарейца; если же не справится с ним, вслед за победоносным войском [а] прибудет счастливый сын [Надира] Насраллах-мирза и займется разгромом племени. Му'мин-хан-бек во время прибытия в горную область хезарейцев сначала отправил к Мир-Хушай-султану хезарейцу двух благомыслящих старшин (*кадхуда*), доброжелательных к искреннему правительству, и написал письмо следующего содержания: «В настоящее время согласно мир украшающему приказу будет поступлено так: если поднимешь мятеж || и возмущение и не проявишь покорности 95б
и подчинения, все твои племена [б] я захвачу в плен и перебью,

[а] То есть за авангардом Му'мин-хана; победоносным войском здесь называется всякий персидский отряд, под чьей бы командой он ни был.

[б] Имеются в виду подвластные ему кочевые племена.

и отведу во дворец мирозавоевателя. Если же оставишь сопротивление и мятеж, вступишь на путь единства и будешь [действовать] в союзе и согласии, то заслужишь снисхождение и безграничную милость счастливого государя».

Он отправил к нему помянутых старшин. Когда они прибыли, Мир-Хушай-султан прекрасно встретил их и был любезен. Собрав всех вождей и предводителей Хезареджата, он признал полезным подчиниться и со многими подношениями и подарками отправиться в халифский дворец счастливца. Этот благомыслящий человек вместе с группой старшин с подношениями и подарками прибыл к Му'мин-хан-беку, и тот после свидания [с ним] отправил его вместе со старшинами в высокий дворец. По прибытии в ставку, где они удостоились чести поцеловать ковер счастливца и были обласканы, он отправил часть своих старшин, чтобы они в течение двадцати дней завербовали пять тысяч человек из племени хезара и привели к победоносной особе.

Между тем Му'мин-хан-бек вступил в хезарейские горы, и большая часть тех, кто в душе своей решил сопротивляться и бунтовать, волей-неволей сама явилась и подчинилась. Когда в течение месяца он навел порядок в той области и было на самом деле достигнуто успокоение, он повернул поводья намерения в сторону верховной ставки и отправился.

Когда царственный *наввáб* освободился от пребывания у мирозавоевателя и выступил, то, пройдя [некоторое] расстояние, он прибыл к проходу у крепости Заҳак-и Мардуш. Это были горы, поднявшие вершину к синеве неба, а подножьем опиравшиеся на Гавмахал[26]. Если кому-нибудь придет мысль пройти через эти горы к крепости, ему нужно сойти с лошади || и идти в ту сторону пешему. Ни одно живое существо не знает такого прохода. Пять-шесть тысяч пеших ружейных стрелков прибыли [туда], построили у входа в ущелье сильное укрепление и на самом деле преградили путь победоносному войску. Когда царственный *наввáб* прибыл в тот район, дозорные доложили о положении дела. Было приказано, чтобы командиры, тысячники и сотники спешили всех газиев, послали их впереди себя и во что бы то ни стало захватили силою ту сильную крепость и непри-

ступное ущелье. Исполняя приказ благородного царевича, отважные[a] тысячники и сотники с рожками и трубами, наступая на ту горную крепость, занялись стрельбой из громогласных ружей, метанием пронзающих сердце стрел и стрельбой из *зарбзанов* [27], а с вершины гор отряд раджпутов каждым выстрелом сбивал храбреца и каждым камнем — командира.

Подобные Бахраму газии, как свирепые леопарды, вступили на ту гору, не опасаясь ружейной стрельбы того отряда, а меткие ружейные стрелки, расположившись на верху тех высоких командующих гор, стрельбой из ружей выбивали врагов со стен и башен, которые те построили на горах. Группа славных бойцов, приготовив лестницы и арканы, стала подниматься на башни. И тем и другим войском овладело ревностное чувство чести и храбрость, и они наверху и на скатах повели борьбу друг с другом.

Когда высокоодаренный царевич увидел с гор, что эти два войска, величественные, как страшный суд, упорно и мужественно сражаются друг с другом, чувство чести заговорило в нем: он тотчас сошел со счастливого коня, || надел на ноги карабахские сапоги и, взяв в бой широкий щит, с обнаженной саблей вместе с отрядом своих гулямов вступил в эти бесконечные горы. Когда хорасанские стрелки услышали восклицания счастливого *наввáба*, чувство благородного рвения и храбрости овладело ими, и они, напав сразу сплошной массой, прорвали нить единства отряда раджпутов; это злосчастное войско бросилось вниз с тех горных башен и рассеялось подобно звездам Большой и Малой Медведиц. Победоносные газии овладели всеми башнями на тех горах, и около четырех тысяч человек этого племени было убито победоносным войском. 96б

Царственный *наввáб* в тот день поднял на тех горах шатер славы и величия до высшей точки стояния молодого месяца и ту ночь провел на помянутой стоянке. Утром следующего дня, когда Джамшид с белым знаменем, то есть солнце, надел для боя украшенную золотом победоносную кольчугу и, вступив на поле

[a] Буквально: «берущие крепости».

боя на вращающемся небе, победил и рассеял войско ночи[а],— царственный *наввāб* с хорасанским войском прошел через те горы и бесконечное ущелье и направился к крепости Заҳāк.

Во время [его] прибытия в те пределы местные жители привели в готовность и усилили башни и стену пушками, ружьями, стрелами, самострелами, *зарбзанами*, шипами и «верблюжьей колючкой» и решили сражаться. Они не знали о требовании голубого неба[б] и о дурном действии своей неудачной звезды, ибо когда хитрая лисица может сопротивляться льву и чтó могут сделать с златокрылым соколом слабая птичка и ничтожный воробей? Эти злонравные люди возмечтали о помощи племени раджпутов, которое в количестве двенадцати тысяч человек с древних времен до этих пор по приказу полновластного государя Индии
97а ||находилось в той крепости, пограничной с Ираном и Тураном, и всегда было занято несением гарнизонной службы и охраной той местности. Жители того района в расчете на помощь того дурного племени решили сопротивляться и вступили на путь борьбы и упорства.

Когда с той стороны царственный *наввāб* с волнующимся, как море, войском подошел к укреплению, он увидел крепость, которая во всем великолепии красовалась на вершине горы подобно звездам на небосводе; стены и башни ее, как двенадцать созвездий зодиака, поднимали голову до синевы неба. Царевич и прочие военачальники увидели диковинную крепость и, [заметив] высоту укрепления, закусили палец удивления зубами размышления[в]: «Как сможем мы овладеть такой крепостью?» В тот день они окружили крепость, и Насраллāх приказал, чтобы хорасанские стрелки с разных сторон вступили на вершину той горы и приложили полное старание к стрельбе из ружей, самострелов и *зарбзанов*. От шума и криков победоносных войск трепет овладел

[а] В этом описании восхода солнца наш автор явно подражает Махдихāну.

[б] То есть о велении судьбы.

[в] Иранец в знак удивления прикусывает палец. Эта манера существовала издавна; на миниатюрах удивленный человек всегда изображается с пальцем во рту. В тексте ошибочно تحرير (писание) вместо تحيّر (удивление).

осажденными в крепости. На отряд племени раджпутов, хвастав-
ших по поводу предстоящего сражения, подействовали упреки
осажденных в помянутой крепости, поносивших их [за трусость],
и три-четыре тысячи их, выйдя из ворот крепости, стали отра-
жать победоносное войско. Газии джезаири[28], не боясь большого
числа этих погибших людей, сразу остановили это несчастное
сборище и многочисленную толпу выстрелами из джезаиров,
ружей и самострелов и в полчаса рассеяли ряды сплоченности
этого племени. Около двух тысяч человек из этой шайки было
убито выстрелами из ружей, другая часть бросилась вниз с
вершины этих гор и, поломав головы и руки, отдала душу при-
нимающим души ангелам [а]; немногие бежали, с тысячью мучений
попали в крепость || и оказались в осаде. 976

Когда местные жители, увидев силу удара и храбрость [на-
падавших], поняли, что, если они будут сопротивляться, они не
справятся с победоносным войском и подвергнутся гибели и му-
ченьям,— их начальники и племенные вожди (*сарҳайл*) волей-
неволей с мечами на шее, взяв в руки «божье слово» [б] и сделав его
своим ходатаем, плача и проливая кровавые слезы, говоря: «по-
щады!»,— прибыли к царственному *наввабу*. Этот благородный ца-
ревич простил их вину, отказался от наказания их, и деньги, ткани
и золотые вещи, которые много раз привозились от падишаха Ин-
дии для нужд властей той крепости и [в невозможности] подсче-
та которых сознавался осторожный счетчик, поступили в распоря-
жение правительства владыки мира. Несколько дней он прилагал
необходимое старание для приведения в порядок важных дел в той
стране. После успокоения он выступил из той области и повер-
нул поводья намерения для наказания хезарейца Ибрахима, который был одним из мятежников и непокорных той местности.

Прибыв в те места, он отдал приказ о набеге на помянутые
племена. Хезареец Ибрахим не смог отразить победоносное
войско и ушел в сторону города Курбан [29]. Победоносное войско

[а] То есть ангелам смерти.

[б] «Божье слово» — Коран.

отнюдь не проявляло небрежности в уничтожении и грабеже этих племен; когда большинство мятежников было наказано, другая часть, вступившая на путь умиротворения, была пощажена, и с тех стоянок он направился к мирозавоевательному войску[а]; на стоянке Чарикар [царевич] имел честь присоединиться к победоносной особе.

Во время этого похода царевич в области крепости Заḫāк назначил часть победоносных газиев и разумных храбрецов под командой главного знаменосца Дīвāн-Қулī-бека для преследования хезарейца Ибрāхīма, который ушел в крепость
98а ||Қурбāн и сел в осаду. После прибытия победоносных войск помянутый Ибрāхīм с небольшим числом людей ушел в сторону Мультана. Дīвāн-Қулī-бек осадил эту крепость [Қурбāн]; на другой день местные жители, не видя никакого выхода, кроме подчинения и покорности, вступили на путь примирения, и с них в виде штрафа было взято пятьсот лошадей для бесподобного государя. *Нāзир*[30] славной личной казны Имāм-Верды-ḫāн қырықлӯ, который еще до того прибыл в ту местность и имел друзей [среди жителей], доложил государю-мирозавоевателю, что с жителей того места несправедливо взяли пятьсот лошадей[б]. Счастливец эпохи потребовал, чтобы Дīвāн-Қулī-бек прибыл [быстро], как гонец. Ввиду того, что в этом была выгода для казны и так как хезареец Ибрāхīм находился в том городе и жители того места проявили небрежность в задержании этого проклятого, он отправил Дīвāн-Қулī-бека для управления тем округом с тем, чтобы во время пребывания [двора] в Қабуле он явил-

[а] Буквально: «к проходящему по [всему] миру войску». В персидском языке اردو (*урдӯ*) имеет два основных значения: «войско» и «лагерь»; вошедшее в русский язык слово «орда» заключает в себе оба эти значения. Но писец в настоящем труде везде вместо слова کیهان (мир), которое как здесь, так и вообще часто встречается в сочетании со словом پو, а именно کیهان پو (проходящий по миру, рыскающий по свету), употребил слово کیوان (планета Сатурн), и получилась бессмыслица: «проходящий по Сатурну». В настоящем переводе выражение کیهان پو будет переводиться как «мирозавоевательное войско».

[б] Муḫаммад-Қāзим хочет сказать, что такой большой штраф является жестокостью по отношению к жителям.

ся к священной особе и присоединился к победоносному войску.

В то время у счастливца эпохи от области Кандахара до границы Кабула не осталось врагов, мятежников и непокорных, потому что кочевые племена [a] белуджей, афганцев, хезарейцев, таймани, кыпчаков, тарини [31], какури, бангшири и прочие все подчинились счастливому государю. Государь-мирозавоеватель после успокоения мятежников Кабула двинулся с целью нападения на Индию, прибыл в Чарикар, в четырех переходах от Кабула, остановился и довел величие до высшей точки стояния полумесяца. Он выразил такое желание: «Так как завоевание Индии может затянуться, то лучше всего, если мы своего старшего славного, дорогого и счастливого сына Риза-Кули-мирзу вызовем из Балхской области к себе и, отдав в его руки управление Ираном, отправимся к месту цели». С этим намерением он во время завоевания Кабула послал в Балх гонцов, и согласно приказу мирозавоевателя было отдано распоряжение о вызове царевича. 98б

Поднятие знамени счастливым государем для завоевания Джелалабада, истребление племени катур [32] и прибытие Риза-Кули-мирзы 129а

Эпоху рассказом своим украшая,
Как жемчуг на нитку, слова подбирая,
Вот так повествует историк Надира
Об этом царе — повелителе мира.
Когда на индийцев пошел он войною
Со спутником верным — счастливой звездою,
Вселенную всю охватило волненье,
Судьба поступила к нему в услуженье.
С востока Ирана Надир появился,
Мрак ночи индийской сияньем сменился.

---

[a] Два слова ايلات и احشامات наш автор употребляет рядом как синонимы, и потому здесь переводятся как одно понятие: «кочевые племена». Правда, в современном языке اغنام و احشام значит «мелкий и крупный рогатый скот», но здесь значение «скот» для слова احشامات никак не подходит.

Повествователь этих слов и строитель этих тысяч[а] упоминает, что, когда счастливец эпохи отпустил мервских газиев и отправил в Мерв, он выступил с остановки Чахāр-дара и направился в Джелалабад. В то время священная особа задумала своего старшего, знаменитого сына Риẓā-Қулӣ-мӣрзу вызвать к себе; поэтому он отправил гонцов в город Балх, чтобы счастливый *наввāб* и Ṭахмāсп-ẖāн джалāӣр прибыли в мир украшающий дворец, а управление и должность правителя той области он пожаловал Нийāз-ẖāну, брату ʿАзӣз-Қулӣ дāдẖвāха. После получения указов царственный *наввāб* и Ṭахмāсп-ẖāн джалāӣр с группой начальников и командиров направились через Қабул в мир украшающий дворец, а Нийāз-ẖāн приложил полное старание и настойчивость к наведению порядка в той области. Царевич, пройдя расстояние, прибыл в благостный город Қабул, пробыл там несколько дней в удовольствиях и веселье и, выехав оттуда, направился к счастливцу эпохи.

Когда государь-мирозавоеватель с волнующимся, как море, войском, переходя с места на место, прибыл в район Джелалабада, то с начала его движения все кочевые племена той страны, как афганское племя, раджпуты, аламуты, сакнари[33] и какури [подчинились ему][б]. Когда слух о движении блестящих знамен распространился среди знати и простого народа, [некоторые
129б вожди], как Умарā-H̱асан, Умарā-Шāхӯ, || Умарā-Дāрӯ и Умарā-Қашмӣр вместе с газиями и старшинами с многими подношениями и подарками явились к счастливой особе и, надев себе на шею ошейник подчинения, послушания и покорности, честно и добросовестно приготовились к искренней службе. Мирозавоева-

[а] То есть автор этих тысяч сообщений. Как поэт сравнивается с человеком, нанизывающим жемчуг на нитку, так писатель-историк уподобляется Муẖаммад-Қāẓимом строителю, складывающему кирпичи.

[б] В тексте нет сказуемого, которое относилось бы к кочевым племенам. У читающего естественно возникает вопрос: а что же случилось с перечисленными кочевыми племенами? Они, конечно, подчинились, и эта догадка наша включена в квадратные скобки. Как это, так и многие другие места показывают, насколько небрежно относились писцы к произведению Муẖаммад-Қāẓима, пропуская непонятные места, коверкая текст и делая грубые орфографические ошибки.

тель приказал, чтобы они дали победоносному войску продовольствие и фураж и небрежности не допускали. Вследствие подлежащего исполнению приказа помянутые старшины были отпущены из дворца мирозавоевателя; Умара-Ҳасан, который был наиболее важным из тех людей, остался в священной свите. В течение трех дней он доставил столько зерна мирозавоевательному войску[a], что записывавшие [поступавший] ячмень для животных признавались в бессилии подсчитать его. Счастливец эпохи оказал милость сверх меры и всячески обласкал Умара-Ҳасана и прочих джелалабадских вождей.

Однако [была] часть афганского племени, имевшая в горах в четырех фарсахах[34] от того места укрепления и жилища и известная, как людоеды. В прежние времена эмир Тимур Курган целых три месяца с 700 тысяч [войска] воевал с этим племенем, большое число убил и пленил и в конце концов заключил мир и отправился в Индию; в последнее время помянутое племя стало своевольничать и противиться и было известно в это время как племя катур.

Умара-Ҳасан и прочие джелалабадские старшины доложили: «Мы все дошли до крайности от их насилий и притеснений. Если вы избавите нас, несчастных, от этого зла, Аллах и посланник божий будут довольны, потому что они далеки от бога и божьего посланника».

Сказали: «Спаси нас, судья неподкупный:
Мы очень страдаем от шайки преступной.
Так мучит народ этот злой и презренный,
Что мы обратились к владыке вселенной.
Ища постоянно войны или ссоры,
Спускаются с гор, как поток, эти воры.
Живут грабежом и законов не знают:
Как бога они ведь огонь почитают.
Сперва грабят дом. Не довольствуясь этим,
Они направляются || к женам и детям. 130а
Потом, совершивши мужчин избиенье,
Уводят всех жен и сжигают селенье.
У них и снаружи людского нет вида,
И все их занятье — грабеж и обида.

[a] Буквально: «проходящему по миру войску».

Повсюду торчат, как колючки, кинжалы;
Все злее змеи, скорпионова жала.
Нет жалости в сердце, стыда нет во взоре,
Слов нежных не слышно у них в разговоре.
Числом больше дивов разбойники эти.
Бог знает один, сколько дивов на свете!
Хотя они вшей очень много имеют,
Но все ж лихорадкой совсем не болеют
Как псы, едят падаль, и рты их зловонны,
Кричат будто коршуны или вороны
В воде, на земле что ни будет валяться,—
Они все съедят и не будут бояться.
Их голос — ослиный, они низкорослы
И, как у змеи, животы у них пестры.
В развалинах, словно сова, сбитают,—
И видом и встречей беду предвещают.
Найти чтоб жену, они стаями ходят:
За ней, как собаки, десятками бродят.
Они петухи, у них чести нет места:
Вчера была мать, а сегодня — невеста.
Из похоти сходятся между собою,
Совсем не стыдясь пред семьею родною.
Мужские, как женские, волосы длинны,
И носят одежду до пяток мужчины.
А если им ветер под мышки подует,
Ту вонь за фарсах посторонний почует.
Слоновые ноги, а руки — громада,
Всяк силой своей превосходит Фархада».

Словом, они заявили знаменитому государю много жалоб на это негодное племя. Когда он услышал этот рассказ, огонь гнева вспыхнул в очаге груди его величества мирозавоевателя, и он приказал, чтобы эмир Аслан-хан қырықлу взял шесть тысяч джезаири и шесть тысяч хорасанских ружейных стрелков и принял меры к уничтожению этого злодейского племени. Согласно подлежащему исполнению приказу счастливого государя этот высокородный хан спешил всех тех победоносных солдат, и они направились к вершине тех гор. Когда они вступили на верх горы, помянутое племя из самонадеянности в числе пяти-шести тысяч человек преградило путь победоносному войску и занялось стрельбой из ружей и бросанием кусков камня, а с этой стороны

славные джезаири стали стрелять из драконоподобных джезаиров[a], || и в этой первой атаке вследствие безостановочной стрель- 130б
бы у [кафиров] не хватило терпения, они обратились в бегство и, как вороны и коршуны, рассеялись по горам и пещерам. Победоносное войско, не дав им времени [опомниться], ружейными выстрелами убило четыре-пять тысяч человек и в первый же день овладело той горою, которая была первым жилищем этого племени; ночь оно провело в тех жилищах. Помянутое племя в числе пятидесяти-шестидесяти тысяч человек вышло из окрестных гор и пещер, и, крича, как свиньи и медведи, некоторые стали стрелять из ружей, а большинство стало бросать поленья, палки и камни. [Словно охотники], поражающие дичь, джезаири старательно стреляли пулями и стрелами и в полчаса рассеяли ряды их сплоченности, как звезды Большой и Малой Медведиц. Еще две тысячи славных бойцов, имевшие щиты и мечи и готовые нанести поражение тому племени, сейчас же атаковали ту несчастную толпу, и долины и реки наполнились телами убитых.

Когда племя катӯр увидело такую сумятицу, как во время Страшного суда, та часть его, в смерти которой произошла некоторая отсрочка, в числе пятидесяти тысяч семей, являющихся наиболее сильными в том племени, расположилась и укрепилась на горе, известной как Кӯх-и Джахāн. Эти злосчастные люди были опечалены гибелью и ограблением [части] того племени; около шестидесяти-семидесяти человек из них собрались с непокрытыми головами и босые. Что же касается победоносного войска, то оно после уничтожения и ограбления тех [людей] провело ночь у подножия той горы. Утром, когда мир мрака от действия света изменился и подошва горизонта от лучей освещающего мир солнца стала похожей на вышитый золотом шелк,

Природа вздохнула, и утро настало,—
И ночи как будто совсем не бывало.

В это время дозорные довели до слуха Аслāн-хāна, что у подошвы этой горы слышатся странные и дикие крики со стороны

[a] Так как дракона представляли извергающим из пасти пламя, ружья и пушки часто уподобляются драконам.

людоедов племени катӯр; они не могли определить, что это за голоса и крики. Высокий сердар приказал по поводу этого страш-
131а ного сообщения, || чтобы хорасанские ружейные стрелки в числе тысячи человек пошли и постарались выяснить в чем дело. После прибытия тысячи человек вдруг восемь-девять тысяч человек из этого презренного племени вышли с одной стороны той горы и сразу напали на этих ружейных стрелков. Пока хорасанские газии собирались обороняться [а], та злосчастная шайка, как волки и кабаны, настигла их и дубинами, палками и крюками [б] расстроила и разорвала на части, как холст, около пятисот-шестисот газиев; остальные из этого отряда с тысячью мучений добрались до его величества и от страха и ужаса перед тем племенем бросились в палатки. Однако вслед за этим злодейская банда расхрабрилась и в числе пятидесяти-шестидесяти тысяч человек бросилась к укреплению высокородного сердара. Когда всадник поля боя и шест арены храбрости [в] эмир Аҫлāн қырықлӯ увидел такое положение, он соскочил с лошади и всех газиев побудил к стрельбе из джезаиров, так что славные воины отказались от [спасения] своей жизни и занялись стрельбой из драконоподобных джезаиров. С обеих сторон загорелся бой [г], так что кровопийца Бахрāм в синей могиле [д] прикусил зубами палец удивления и ни на одну минуту не мог успокоиться от изумления и восхваления их, пока они не вернулись, перебив много врагов; из тех презренных было много убитых и [были] полумертвые, желавшие умереть. Еще минуты не отдохнули от боя, как новые тридцать тысяч атаковали укрепление, но и в этот раз с помощью всемогущего бога и благодаря [руководству] счастливого эмира бóльшую часть врагов уложили выстрелами из дальнобойных [ружей], а уцелевшие раненые вернулись ни живыми ни мерт-

[а] То есть выстраивались и заряжали свои джезаиры и ружья.

[б] Копья с крюками на конце употреблялись для того, чтобы стащить всадника с коня или повалить пешего.

[в] Автор сравнивает Аҫлāн-ҳāна с балансирным шестом, благодаря которому акробат сохраняет равновесие.

[г] Буквально: «базар боя»; базар и торговля фигурируют во многих аллегориях.

[д] То есть Марс в синем небе; Бахрāмом называли планету Марс.

выми. Еще не очистили [воины] свое оружие от крови врагов, как еще тысяча свежих [врагов] атаковала укрепление; и в этот раз хорасанские храбрецы, не отдохнув, подобно разъяренным львам, которые, охотясь, нападают на оленей || и [другую] 131б
дичь, непрерывно атаковали врагов. Сначала стреляя из ружей и джезаиров, они каждый раз делали десять тысяч выстрелов из дальнобойного [оружия] и каждый раз сбивали большое число людей, [так что] телами убитых были загромождены высокие горы и возвышенности.

Фирдауси: Когда звуки труб боевых раздались,
От ужаса горы вблизи затряслись.
Весь мир, как облитый смолой, почернел,
На землю посыпалось облако стрел.
Гремела секира, жужжала стрела,
Земля вместе с небом в движенье пришла.
Три дня и три ночи, пока бой пылал,
И солнце светило, и месяц сиял.
Смешалися стрелы, мечи и булат,
Свод неба от пыли туманом объят.

В тот полный волнений день, бывший образцом Страшного суда и изображением воскрешения из мертвых, сорок-пятьдесят тысяч человек из племени катур лишились здешней жизни и стали обитателями страны небытия. Воистину, старания эмира Аслан-хана, минбаши Заман-бека, сына Баба-Карима Машхади, минбаши Исма'ил-бека Радкани, Мухаммад-'Али-бека серверлю афшара и хорасанских джезаири показали в тот день такой бой, какого не будет на ристалище сражения на поверхности бытия, ибо, как в прежние времена, когда Сам, сын Нариман, Рустам, сын Заля, и Исфандийар, сын Ру'ин, ведали поле боя, так и в то старое время, когда другие руководители сражений мирозавоевания и владычества вели войну,— такого рода битва не велась ни одним могущественным лицом и никаким распорядительным человеком.

В то время, когда высокородный сердар отправил тысячу человек к подошве горы, чтобы они выяснили [причину] шума и криков и вернулись, они возвратились, потерпев там поражение. Толпа неразумных и несдержанных бежала до высочайшей став-

ки, нигде не останавливаясь; прибыв к мирозавоевательному войску, они пустили слух, что эмир Аḍлāн-ẋāн разбит, и в тот день сплетники высокого войска довели это до августейшего слуха. Счастливый государь вызвал к себе несколько беглецов и
132а целиком расследовал дело || о сражении; они доложили высочайшей особе об обстоятельствах своего ухода и прочих событиях. Счастливец эпохи приказал убить четырех беглецов и велел Имāм-Верды-ẋāну қырықлӯ взять десять тысяч газиев-афшаров азербайджанских и хорасанских и отправиться на помощь эмиру Аḍлāн-ẋāну.

А там хорасанское войско до трех суток ревностно сражалось, и из убитых образовались холмы. Свинец и порох у победоносного войска кончились и племя людоедов катӯр также устало; некоторые раненые бежали и рассеялись в горах и пустыне Около двадцати тысяч новоприбывших вступили в бой, да и те думали бежать. Победоносное войско было также обеспокоено недостатком свинца и пороха и хотело, полагаясь на милость божию и вечное счастье счастливого государя, броситься с мечами на то заблудшее племя и довести спор до конца, как вдруг в долине поднялась пыль, от которой лик мира потускнел и потемнел, и из середины пыли и центра окрестности показались десять полотнищ знамен, признак десяти тысяч победоносных воинов. Однако у хорасанского войска возникло большое опасение: может быть, новое войско подходит на помощь племени катӯр? Но вот победоносное войско подошло, друга отличили от врага и атаковали племя злодеев. Когда хорасанское войско узнало о прибытии Имāм-Верды-ẋāна, каждый, бывший борзой собакой, стал львом, и они храбро атаковали, так что то проклятое племя, не устояв против победоносного войска, бросилось бежать и рассеялось, как звезды Большой и Малой Медведиц. Эти два стремящихся в бой войска, преследуя врагов, в течение одних
132б суток всех, кого ни находили в горах || и долине, убивали и сделали так, что ни одного из них в той местности не оказалось.

В течение еще пяти суток эмир Аḍлāн-ẋāн и Имāм-Верды-ẋāн вместе обходили те горы и долины и, так как никакого признака этого племени не нашли, доложили об этом государю-мирозавое-

вателю, и им было разрешено вернуться. Помянутые ханы с большой честью и неизъяснимым почетом прибыли в мир украшающий дворец и стали объектом милостей и внимания. Слух об этом распространился по всей Индии среди знати и простого народа

В тот радостный день владыка мира, государь-мирозавоеватель устроил райское торжество для сердаров и племенных начальников, и все музыканты, певцы, танцоры и фокусники были заняты на этом небесном собрании пением песен и фокусами. В это время прибыли несколько гонцов и доложили августейшей особе, что счастливый *наввāб* Риẓā-Ḳулӣ-мӣрзā вместе с Ṭахмāсп-ẖāном джалāйром прибывает к победоносной особе; счастливый государь приказал всем сердарам и племенным вождям поехать навстречу царственному принцу. С полным почетом он прибыл в небесноподобный дворец и был удостоен чести поклониться шаху. Счастливец эпохи очень хвалил своего любимого сына, проявил [к нему] бесконечную благосклонность, подозвал к себе и, поцеловав в лоб, посадил напротив себя. В отношении Ṭахмāсп-ẖāна настолько любезен не был; некоторое время спустя он стал ему выговаривать: «Августейший правитель тебе не приказывал двигаться через реку Джейхун в сторону Мавераннахра[135], задумывать мирозавоевание и ввергать в пучину войск Турана моего любимого сына и войско, в котором каждый мне как сын. || А если бы, не дай бог, дела приняли другой оборот, 133а
ты пустил бы на ветер гибели мой дом и народ Ирана! Если бы случилось поражение, то подумай сам: если бы [ты] потерпел поражение и кто-нибудь вышел бы из боя живым, каким образом он перешел бы через Джейхун? Волей-неволей ему пришлось бы утонуть в бесконечном море. Когда ты вернулся в Балх, зачем было снова идти для завоевания Бадахшана?» Сколько счастливец эпохи ни говорил подобных речей, Ṭахмāсп-ẖāн джалāйр не давал совсем ответа и молчал; когда владыка мира закончил свои гневные речи, он стал докладывать: «Да буду жертвой твоего правосудного порога! Слава Аллаху, по его милости и благодаря вечному счастью тени Аллаха[a], ничего не случилось из того,

[a] «Тень Аллаха» — довольно часто встречающийся титул персидских шахов и турецких султанов.

что вы говорили, и я доставил старшего славного сына, единственную жемчужину царственных очей, счастливца времен, здравым и невредимым, с полной славой и несказанными знаниями и посадил на почетном месте собрания в благостном присутствии. Если этот преданный слуга негоден для службы, отдайте [мою должность] другим слугам». Когда он это сказал, слезы навернулись на глазах его. Счастливец эпохи понял, что боль овладела его сердцем, и отпустил его; помянутый сердар вернулся в свою комнату.

В тот день и вечер [Надир] распростер ковер радости и веселья и всех сердаров и командиров почтил подарками и милостями. На второй вечер он потребовал Тахмасп-хана для уединенной беседы и, оказав ему внимание, любовь и снисхождение, сказал: «Если бы я не поступил с тобой так грубо и резко, могло бы случиться, что другие сердары и племенные начальники, которых мы назначили на окраинах [богом] хранимой страны, успокоятся, отдадут на гибель победоносное войско и будут скитаться
133б в злосчастном бесславии; а так как я сделал тебе || нагоняй, другие сердары войска не совершат своеволия, которое противоречило бы приказу могущественного правительства». Помянутый сердар, начав докладывать, сказал: «Да буду жертвой твоего великодушного порога! Когда ты освободил этого слугу от присутствия в победоносной свите, ты приказал драгоценными словами: „Если ты введешь мать городов[а] во владения могущественного правительства, не будет препятствия тому, чтобы ты перешел через реку Джейхун и приступил к завоеванию областей племени кунграт[36], крепости Карши и Шуллук". В силу непреложного приказа[б] я, видя в узбекском племени признаки слабости и бессилия, перешел через реку Джейхун и приложил большое старание к подавлению врагов и непокорных той области, и, если бы было решение мирозавоевателя, я благодаря [твоему] вечному счастью включил бы Бухару и весь Мавераннахр в сферу владений мирозавоевателя. Так как в приказе было велено

[а] «Матерью городов» называли Балх.

[б] То есть приказа Надира.

вернуться, мы волей-неволей возвратились в Балх. Хотя счастливый повелитель в большом и малом взыскивает с меня, но царевич сегодня по уму, проницательности и [по способности к] мирозавоеванию является единственной жемчужиной, какую водолаз судьбы увидит до скончания мира. Такой редкостной жемчужины еще не выходило из раковины воображения на поверхность бытия и не было видано. По храбрости он равен Рустаму, сыну Дастана, и Саму, сыну Нарймана, а справедлив и щедр так, что тысячи таких, как Ануширван и Хатим Тай, должны служить ему [a]. Он не был ребенком, который ходит в школу, чтобы по каждому моему приказу и запрещению соглашаться со мной, одним из преданных слуг небесновысокого дворца,— но в соответствии с приказом счастливца он по большинству дел совещался и советовался с этим старым слугой, а иначе, во всяком случае, я поступал бы так, как решил бы высокородный царевич».

Владыка мира усмехнулся на слова этого мудреца [своего] времени и, сверх меры и воображения одарив его и обласкав, отпустил.

|| Устройство счастливым правителем собрания и назначение им своего сына Риза Кули-мирзы наследником престола Ирана 134а

Положение украшающих престол верховного господства, мудрых, счастливых государей, благополучие которых в силу творчества предвечного, единого, щедрого творца изо дня в день растет подобно сказочному цветнику,— положение таких государей, а также их современников прочно и спокойно. Близким к сказанному является положение счастливого *наввааба*, у стремени которого находится небесная сфера, высокосановного царевича Риза-Кули-мирзы. Когда прошло три дня после его прибытия, владыка мира,— этот Хусрау-мирозавоеватель, счастливый государь,— приказал, чтобы в том районе для падишахского торжества отвели восхитительную поляну и веселый

[a] То есть справедливый Ануширван и щедрый Хатим Тай стоят настолько ниже его, что годятся ему в слуги.

луг, дабы после остановки славных знамен в том месте в присутствии населения и знати Ирана назначить наместника для той страны и поводья деятельности повернуть в сторону завоевания Индии. Исполнители дел надлежащим образом, соответственно высокой энергии владыки мира, приложили крайнее старание и усердие к приготовлению всего необходимого и принятию подготовительных мер. Что касается назначения места для этого райского торжества, то выбрали восхитительное просторное место и луг с растительностью [а]; от мускусного запаха воздуха успокаивался ум, и от умеренности разносящего амбру ветерка сила воскрешающего дуновения [б] увеличивалась. Его проточные ручьи и каналы были воистину «садами, под которыми протекали реки» [в], а зелень и сады его земной поверхности, подобной раю, были образцом «Ирама с колоннами, подобного которому не было создано в странах» [г]. В этом восхитительном месте верхушки палаток, шатров, ограды и приемного шатра джемшидоподобного падишаха возвели до высоты точки стояния солнца и луны.

От автора: Все эти палатки он щедрой рукою
Египетской тканью покрыл дорогою.
И вот на земле из шатров и завес
Возвысилось сразу сто тысяч небес

Недосягаемый счастливый [государь], осветив своей небоподобной особой то отрадное место, сделал его образцом вышнего
134б рая и в том истинно райском собрании, || устраивая радость и веселье, пустил вкруговую веселую чашу с ароматным вином. У [красавцев] со щеками, подобными тюльпанам, от жара вина алое [д] лицо [стало] цвета гранатового рубина, и у сладкоустых

[а] На полях примечание автора: «Расположено на остановке Бахар-Суфла». Это же место указано и Махди-ханом.

[б] Буквально: «дуновения Иисуса»; этому дуновению мусульманские писатели приписывали чудесные свойства (см. Коран, 3_{43}).

[в] Коран, 3_{13}. Писец вместо слова جنات (сады) написал حيات (жизнь), что является бессмыслицей.

[г] Коран, 89_{6-7}. Здесь писец также сделал ошибку, написав ضات вместо ذات.

[д] Буквально: «цвета аргавана».

[юношей] постоянным движением кубков поддерживались пыл и веселье — сущность дней юности. Прекрасноголосые певцы [развлекали] веселыми напевами вместе с мелодичными соловьями и искусными музыкантами, играющими разные мелодии в созвучии с утоляющими печаль газелями.

От автора: Напевы со всех раздалися сторон
И все без различья слились в один тон.
Певец столько чувства в напевы вложил,
Что даже *рахāб ҳусайнӣ* позабыл.
Оставив вражду, *ʿирāқӣ* и *байāт*
Шагают, как в день Ашура [а], в один ряд.
В гармонии все инструменты слились,
Рыданье и стон в небесах раздались.
Тут тысячи были поэтов, певцов,—
Обилие звуков, мелодий и слов [б].

Счастливый, знаменитый [государь], как солнце среди звезд и планет, сел на престол удачи, а украшенное драгоценными камнями сиденье оставил напротив восточного солнца, как бы для звезды Юпитера, и наместник государя Ризā-Қулӣ-мӣрзā занял там место. Остальные сыновья, как Наср̣аллāх-мӣрзā и Имāм-Қулӣ-мӣрзā, встали, сложив руки вежливости на груди. Прочим великим эмирам были назначены места сиденья для султанов, высших государственных чинов (*дӣвāнийāн*), знати, вельмож и правителей (*ҳуккāм*) больших городов страны — справа и слева, соответственно чину и рангу каждого. Знать и приближенные с булавами и жезлами выстроились напротив халифского трона на почтительном расстоянии. Словом, в тот радостный день по блеску щедрой особы падишаха, имеющего [многочисленное], как звезды, войско, было установлено, что, пока глаза солнца и месяца смотрят на земную поверхность, они не видели еще ни одного великого государя, который устраивал бы подобным об-

---

[а] В тексте для соблюдения размера поставлено слово عشيران.

[б] Муҳаммад-Кāзим хочет сказать, что здесь даже несозвучные тона слились в одну стройную гармонию; так, несовместимые напевы *ʿирāқӣ* и *байāт* слились в одну мелодию подобно тому, как житель Ирака и представитель племени байат, забыв старинную вражду, идут в праздник Ашура вместе в одной процессии.

разом собрание. Старый небесный свод, несмотря на то что каждого человека видит и слышит, ни в одном веке подобного этому, вызывающему зависть рая [собрания не видел][а] и не слышал. Когда райское собрание было устроено с таким великолепием и мозг пьющих вино от паров благоуханного напитка освежился и повеселел, стольники и заведующие делами кухни украсили
135а разноцветные скатерти || разного рода благами по образцу «мяса птиц, которое они любят, и плодов, которые они предпочитают»[б]. Было столько приготовлено различных кушаний и напитков в этом восхитительном месте, что было бы достаточно до Страшного суда для ищущих пропитания, и пищи[в] хватило бы неимущим для существования до дня воскрешения из мертвых. Различные племена воспользовались трапезой, которую блестящий падишах устроил для всех людей, и ковер еды и питья был убран. Рука щедрого, счастливого, как Фаридун, падишаха украсила стан способности каждого из присутствующих на собрании пышными халатами, многочисленными одеждами из расшитых золотом тканей, атласа и парчи, собольими, беличьими и горностаевыми шубами и роскошным, дорогим и красивым верхним платьем, так что в тот счастливый день они[г] были почтены и прославлены до высшей точки небесного свода. Также в тот радостный день по щедрости и доброте высокоревностного государя случилось так, что вследствие надежды и упования он из царского великодушия и милости возложил на своего счастливого сына и зеницу ока Риза-Кули-мирзу должность наместника в Иране. Всех великих ханов, начальников и почтенных лиц он приветствовал и поздравил, а царский наместник был удостоен шахского объятия. По окончании собрания он дал своему наместнику на особой аудиенции несколько наставлений:

«Во-первых, когда ты прибудешь в Иран, то к шаху Тахмаспу Сефевиду, который находится в городе Себзеваре под домашним

[а] В тексте «не видел» пропущено ошибочно, так как дальше идет «и не слышал».

[б] Коран, 56, 20—21 (в этих стихах речь идет о наслаждениях, ожидающих праведников в раю).

[в] Буквально: «той провизии, которую уносят из гостей».

[г] То есть представители племен и знати.

арестом, назначь сторожами своих приверженцев и доброжелателей и запрети хождение простого народа, чтобы никто извне к нему не ходил. Правителей (*ḫуккāм*), калантаров и чиновников (*ẓābāṭān*), которых мы назначили на окраины страны, не сменяй и не заменяй и оказывай им такое же, [как прежде], внимание. К крестьянам (*раʿāйā*) и степным кочевникам проявляй должное внимание. Если, не дай бог, из стран Туркестана, Турции или Европы прибудет в Иран войско, посоветуйся относительно борьбы с ним || со старшинами и начальниками племен и жителей 135б
степи, дабы поступить так, [как они будут советовать], каково бы ни было их мнение о борьбе и войне. Зря не бросайся в пропасть войны; если можно, ищи мира и примирения. Наглых разбойников и людей неблагодарных наказывай безжалостно и ни на один миг не проявляй нерадения. С купцами и караванами, прибывающими с окраин страны, соблюдай приветливость, потому что слух о справедливости, правосудии и величии твоем распространится в разных странах мира. Относись с должным уважением к подданным податным (*раʿāйā*) и привилегированным (*барāйā*) и не давай хода людям, не признающим справедливости. Заботься о людях искренних и преданных, служивших в нашей счастливой свите, и возвышай их до небесного свода. Подарки и награды зря не раздавай и благоустроенной казной нашей не распоряжайся; расходы делай в соответствии с доходами. Пока не соберешь двух динаров [37], и одного динара не расходуй,—разве только в то время, когда появится непримиримый противник и прибытие его вызовет опустошение страны и истребление племен; в подобном несчастье не жалей казны на победоносное войско. Необходимого уважения и приветливости к потомкам ʿАлӣ и лучшему представителю сефевидской семьи шаху Ṭахмāспу не допускай [а]. Не проявляй нерадивости и все время посылай гон-

[а] Таков точный перевод. Персидский текст гласит: و لوازم مراعات مهربانی‌را از سلاله دودمان مرتضوی و نقاوهٔ خاندان صفوی شاه طهماسب جایز مداد. Здесь писец ошибся и надо читать: کوتاهی در لوازم مراعات و مهربانی از سلاله دودمان مرتضوی و نقاوهٔ خاندان صفوی شاه طهماسب جایز مداد («Не проявляй небрежности в [оказании] уважения и приветливости...» и т. д.).

цов в богохранимые области [с требованием] службы и приказами, хотя бы нужного дела и не было; в этом деле нерадивости не проявляй, нить управления областями держи крепко. Если, не дай бог, в течение шести месяцев не будет известий и указаний о нас, отдавай падишахские распоряжения таким образом, как ты сам найдешь полезным. Если тебе понадобится войско, тех воинов, которые находятся на границах, вроде Мерва, Меручака, Кандахара, Еревана и Хамадана, не посылай и освобождай».

Словом, он дал много наставлений и бесчисленные поручения и приказал в делах верховной власти не отдавать никакого приказа, не посоветовавшись с Кадир-Кули афшаром и Хаджи Мухаммад-беком афшаром, которые были важными лицами в помя-
136a нутом племени и людьми || старыми, бывалыми, испытавшими в жизни зной и холод. После многих указаний, избрав счастливый час, он приказал счастливому наместнику государя освободиться от счастливого стремени и отправиться в Иран. «Аллах делает, как захочет, и приказывает так, как пожелает»[а].

143a

|| Поднятие счастливым государем знамени с целью завоевания Пешавера и описание поражения Нāçир-хāна и овладения тем городом

Когда небеснопрестольный государь, обладатель многочисленного, как звезды, войска, златовенечный Надир назначил на стоянке Джелалабад своего достойного счастливого сына Риза-Кули-мирзу в Хорасан, он выступил из той области, как бурная туча и раскаты грома, с величественным, как Страшный суд, войском и направил поводья движения в 1150 году[б] хиджры к завоеванию Пешавера. Поверхность долины и степь с появлением ароматных растений и различных цветов стали подобными хамелеону. Пылающие щеки розы и благоуханные локоны гиацинта вырвали у обезумевшего от любви соловья признание из сердца и терпение из души, и он запел на лугу. Могучею рукою султана весны открылись ланитам времени двери радости и язык фактов, и, восхваляя красавиц цветника роз, он начал такую песню:

[а] Коран, $5_{,1}$; $3_{,35}$; $22_{,19}$. [б] Ошибочно вместо 1151 г. (1738-39).

Опять на нашем поле рисунок изумрудный,
Опять нас услаждает весенний воздух чудный.
||На горы и долины, зеленые поляны 143
Небесный свод рассыпал кровавые тюльпаны.
Вновь соловей влюбленный на ветке распевает,
Да горлинка рыданьем тоску нам нагоняет.

Словом, небеснопышный государь, Надир[а] арабских и персидских стран с могучими полками, [передвигаясь] со стоянки на стоянку[б], охотясь на яйлаках[38] той области и наслаждаясь свежим воздухом, направился к месту цели. Когда он подошел к Пешаверу на расстояние трех переходов[39], дозорные, следовавшие непосредственно перед войском, доложили счастливому государю, что прибыл отряд из племени раджпутов, преградил ущелье под названием Хайберская теснина, которое является местом прохождения путников, и стену и башни, [сооруженные в нем], наполнил ружейными стрелками. Это было сделано потому, что когда о движении блестящих знамен счастливца стало известно Насыр-хану Пишавари,— а он был человек настолько щедрый, что тысячи подобных Хатим Таю были слугами в его дворце, а в отношении справедливости был редкостным драгоценным камнем чистой воды и цвета, так что Ануширван Справедливый был его рабом, и в то время подобных ему не было,— когда он узнал о прибытии могущественного, как Джамшид, государя, он сначала написал командирам, племенным вождям и старшинам своих окраин, областей и уездов, чтобы явились к нему со своим войском. Двадцати тысячам метких, опытных и обученных ружейных стрелков, которые в темную ночь огненной пулей выбивали камешек из затылка змеи, он приказал отправиться с Йунус-ханом Турани к тому проходу, приложить необходимое старание к охране его и не допустить, чтобы кызылбашское войско прошло через те пределы в эту страну. После отправки Йунус-хана он занялся подготовкой остальных своих газиев, выступил из самого города и, разбив палатки и шатер

[а] Здесь слово *надир* употреблено в значении «редкость», «диковина».

[б] Наверху приписка: «12 [числа] месяца ша'бана» (25 ноября 1738 г.); эта дата приведена по Махди-хану.

на берегу реки, протекавшей в двух фарсахах от города, стал очень хвастать, что, дескать, если всевышнему богу будет угодно, я благодаря вечному курканову счастью сотру с лица земли
144а хорасанца Нāдира. || Некоторые командиры, племенные начальники и вообще войско говорили ему, что борьба правителя с победоносным счастливцем является безумием и беспечностью, потому что у трехсот тысяч семейств людоедов племени катӯр, которые обессилили все области Индии и были всегда заняты убийством и ограблением мусульман, он сжег в пламени счастливого государя основу [a] их прочности и спокойствия. Афганец Ḫусайн-ḫāн имел пятьсот тысяч семей афганского племени и изумрудный Қайтӯл [40] был в его подчинении; последний был разрушен пламенем его огня, подобного Страшному суду. «Откуда взять силы, чтобы в схватке победить такого мудрого повелителя? Это — безумное предприятие!» Нāṣир-ḫāн сказал в ответ: «То, что вы сказали, есть изложение действительного, но у меня есть дело, которого вы не знаете». Все стали просить, чтобы он сказал. Он заявил: «Благодаря могуществу и милости падишахов, [потомков] эмира Тӣмӯра Счастливого, я получил в наследство от предков величие и покой. [Теперь], в конце [моей] жизни, когда победоносные кызылбашские войска прибыли в эту страну, если я ради пятидневной тленной жизни откажусь от благодарности падишаху Кӯркāну и без боя и сопротивления встречу счастливого правителя, все население Индии и Синда будет укорять и проклинать меня и до дня Страшного суда я буду обесславлен в жизни и наказан господом-творцом. Если вы, военачальники, откажетесь от своей многолетней благодарности и пожелаете встретить счастливца, не будет никаких препятствий тому, чтобы вы пошли к нему и приобрели для себя полный почет, но я,
144б бьюсь об заклад жизнью, не явлюсь || к блестящей, священной, высочайшей особе».

Когда командиры и племенные начальники услышали речь о верности и твердости, все они сказали: «Если ты намерен сра-

[a] В тексте употреблено слово خرمن, означающее урожай или кучу зерна; так как на урожае основывается благосостояние людей, что и имелось в виду автором, в переводе употреблено слово «основа».

жаться и жертвовать собою, мы также не распустим подол терпения и выносливости [a], сделаем необходимое для службы и соблюдения благодарности и пожертвуем головой и имуществом на пути веры и для курканова государства». Все военачальники заключили друг с другом договор и союз и, подвязав подол геройства к поясу храбрости, занялись приготовлением дротиков и копий.

Что касается [войска Нāдира], то сколько счастливый государь ни назначал джезаири и славных бойцов, чтобы они оттеснили отряд раджпутов и назначенных в то ущелье, удачи не было. Он назначил несколько человек из передового отряда, чтобы они пошли, захватили в окрестностях и округах той области языка и привели. Согласно подлежащему исполнению приказу мирозавоевателя помянутые дозорные тотчас сели на быстрых, как ветер, коней, захватили десять человек из числа жителей степи той области и доставили к могущественному, как Джамшāд, государю. Когда он расспросил о том, как пройти из этой местности в Пешавер, один человек из той группы доложил августейшей особе: «Да буду жертвой твоего правосудного порога! Четыре-пять дней тому назад я остановился в самом городе Пешавере, когда правитель Нāṣир-ẋāн с величественным, как Страшный суд, войском в четырех фарсахах от того города раскинул палатки и шатры, и каждый день из окраин и областей к нему прибывали полки и отряды войска и ополчение. Он себя неоднократно успокаивал, что надирово войско не имеет силы и возможности пройти сюда через теснину Хайбера и, если даже будет продовольствие и фураж для войска, оно рассеется, обратится в бегство и уйдет. || Он ведет в таком роде хвастливые речи и со- 145а
бирает стремящееся в бой войско». Когда мирозавоеватель усвоил смысл речей этого умного человека, он сказал: «Когда ты прибыл в эти пределы, откуда ты пришел?» Тот доложил: «В трех переходах от этих гор имеется узкая дорога и темное ущелье. Если счастливый государь желает направиться в ту сторону, я поведу [его] по той дороге и за четверо суток доведу до войска

[a] Это выражение значит: «не потеряем терпения и выносливости». «Подвязать подол» означает «взяться за что-нибудь» или «приступить к чему-нибудь».

Наср-хāна». Когда мирозавоеватель уяснил смысл заявления этого человека с приятной речью, он тотчас приказал, чтобы четырнадцать тысяч сильных и смелых воинов сели на быстрых, как ветер, коней, а войско поручил своему знаменитому сыну Насраллāх-мирзе и дал указания: «Каждый день у входа в теснину занимайте себя стычками с вражеским войском, дабы противник не узнал о нашем движении, пока вы не получите от нас сообщения». Могущественный, подобно Джамшиду, государь в тот день подождал, пока сияющее солнце ушло в мрачную яму и мир потемнел, и, взяв проводником того самого человека, быстрым маршем отправился с победоносным войском для победы над Нāср-хāном. Пройдя [некоторое] расстояние, достигли бесподобной горы, в сравнении с которой высоту высшей точки стояния Сатурна ты счел бы вышиной дворца, а Млечный Путь на небе — проезжей дорогой; ни на стреле воображения не было возможности подняться на нее, ни птице-мысли — взлететь. Взору счастливого государя представилось ущелье, полное страха и ужаса и с признаками мрака и враждебности. Волей-неволей — по словам стиха «кто положится на Аллаха, тому этого достаточно»[a],— он сошел со счастливого коня, вступил в эту страшную
1456 расщелину и отправился в путь. В течение одних суток || все победоносное войско прошло через это темное ущелье в то место, где был простор и открытое пространство, и остановилось. С того места счастливый правитель, вставив ногу в счастливое стремя, пошел быстро и направился в Пешавер. Спустя сутки на другой день, когда взошли на песчаный холм, вдруг на месте восхода солнца взгляд дозорных победоносного войска упал на войско правителя Нāср-хāна, который вполне спокойно раскинул палатки и шатер и предался отдыху, удовольствиям и веселью. Дозорные доложили о положении [вражеских войск], и счастливец эпохи расположил победоносное войско по отрядам, а сам взошел на вершину холма, как златокрылый сокол, и стал смотреть вправо и влево от тех людей. Потом, разделив смелых, как Бахрāм, газиев на четыре отряда, сам с группой преданных *мула-*

[a] То есть, кто полагается на Аллаха, того он удовлетворит (Коран, 65, 3).

зимов под надировым знаменем, как восходящее солнце, сел на быстрого златоуздого коня и сразу приказал играть барабанщикам и трубачам.

Победоносные воины, как голодный сокол, нападающий на фазана, и как пылающий огонь, охватывающий лес, взявшись за мечи, копья и стрелы, напали на то величественное, как Страшный суд, войско. В это время правитель Наҫир-ҳан был занят в своей палатке обязательной молитвой, как вдруг призыв «Когда потрясется земля сотрясением своим»[а] раздался в мире, шум и сумятица битвы и звон золота и серебра оглушили уши неба. Наҫир-ҳан, ошеломленный, сел на свою лошадь и, побуждая своих храбрецов к бою, говорил: «Что это за шум? Уж не протрубила ли труба Страшного суда или происходит сотворение нового мира?» Каждый из его войска говорил то же самое. Кто спал, кто бодрствовал, [когда началась] кровопролитная битва,— все были ошеломлены и удивлены и спрашивали друг у друга свое имя и признаки. || Спустя час темным индийцам стало ясно и очевидно, 146а
что кызылбашское войско напало на них, превратило светлый день их в темную ночь, и вследствие могущества и храбрости победоносного войска у этих несчастных отнята [способность] движения. Волей-неволей и без задержки они обратились в быстрое бегство и призывали друг друга к этому невыносимому расставанью[б]. [Кызылбашское] войско, не обнажая сабель, как неизбежная судьба, спешило вслед за ними, на каждом шагу сбивало всадника, как тень, на землю унижения и отправляло в ночь небытия; остатки того войска[в] в стесненном состоянии и полном расстройстве укрылись в крепости и на высоких местах.

Один из афшарских воинов во время схватки настиг сзади Наҫир-ҳана и уже хотел ударом смертоносного[г] копья покончить с ним, как один из его гулямов закричал: «Эй, молодец! Этот человек — правитель Наҫир-ҳан. Если ты возьмешь его живым и доставишь к счастливцу эпохи, ты по богатству мирскими

[а] Коран, 99, 1.

[б] В тексте явное искажение: افرار вместо افراق.

[в] Имеется в виду индийское войско.

[г] Буквально: «подобного ядовитой змее».

благами уподобишься Қарӯну»[41]. Так как в смерти Нāṣир-ҳāна произошла отсрочка, тот воин протянул руку, схватил его за кушак и стащил с лошади. Сойдя с лошади, он связал обе его руки, посадил верхом сзади себя и отправился к небесносановному государю. Он нашел его на верху песчаного холма и доложил, что это правитель Нāṣир-ҳāн. Мирозавоеватель позвал несколько других пленных и спросил; все доложили, что это действительно так. Владыка мира возблагодарил бога и тотчас приказал надеть на него роскошное падишахское платье, подарил ему лошадь с убором, украшенным драгоценными камнями, и проявил дружеское и милостивое отношение сверх меры, так что трудно представить это. Он назначил грубых и строгих *насāқчӣ*[42], чтобы приказать победоносному войску, преследовавшему разбитое войско, вернуться в высокий лагерь и не причинять беглецам затруднений,— но какая была от этого польза, если победоносное войско до ворот крепости воздвигло холмы из убитых и из тысяч не ушел
147а живым и один человек, || потому что все были убиты или взяты в плен победоносным войском. Остальное войско, занимавшееся поисками беглецов, вернулось в мирозавоевательный лагерь, и владыка мира вместе с правителем Нāṣир-ҳāном прибыл в тот день в палатки и шатер.

Так как победоносное войско прибыло быстрым маршем и палаток с собой не имело, в тот радостный день оно остановилось в палатках и шатрах правителя Нāṣир-ҳāна. Группу командиров и начальников того войска, которые были захвачены храбрецами и которых собирались убить, владыка мира приказал отпустить и почтил помянутых сердаров роскошными халатами и подобающими лошадьми. Вызвав к себе правителя Нāṣир-ҳāна с командирами, он сказал: «Что касается необходимого постоянства и самопожертвования, которые вы проявили, то мироукрасительным умом это понято так, что из уважения к падишаху Индии вы проявили больше прежнего хорошее старание в службе, честности и порядочности. Когда вы первый раз совещались, вы сначала были намерены встретить нашу августейшую особу; потом, когда правитель Нāṣир-ҳāн, имея в виду самопожертвование и благодарность кургановой [династии], решился на сражение, чтобы

выполнить договор и союз, и пришел с этим намерением [принять] бой,— он с помощью всеславного, всемогущего [бога] и благодаря неустанному счастью мирозавоевателя попал в руки победоносного войска. Теперь я вас отпускаю с тем, чтобы вы пошли в Пешавер, успокоили жителей той местности и вернулись в мирозавоевательное войско. Знайте, что всю эту дружбу и снисхождение к вам || я проявляю по той причине, что вы со- 147б
хранили верность и благодарность нашему старшему брату падишаху Муҳаммаду, не были нерадивыми в борьбе и защите и, показав больше прежнего свое усердие, не пожалели своей жизни и имущества. Такому преданному слуге нужно оказать дружеское расположение и внимание. Если богу будет угодно, нами намечено после завоевания силою вечного счастья стран Индии возвысить и отличить правителя Наҫир-ҳана среди ему подобных современников». Словом, оказав сверх меры милости и обнадежив дружественной поддержкой, он отпустил их и назначил на службу в Пешавер.

Помянутые ханы с большой радостью прибыли в прекрасный город Пешавер и рассказали знати и простому народу о щедрости и справедливости счастливца эпохи и его заботливости о подданных.

В тот счастливый день по приказу правителя Наҫир-ҳана старшины (*кадхудā*) и старосты (*рāшсафīд*) базарного люда и кварталов занялись украшением и иллюминацией [улиц]. На другой день жители этого прекрасного города, чрезвычайно радуясь счастливому прибытию, поспешили навстречу счастливому кортежу и вследствие этой радости украсили и убрали город таким образом, что майдан [43] выровняли и посыпали песком, а стену и потолки его украсили рисунками и картинами. По краям майдана в виде четырехугольника [поставили] решетку...[a] и талантливые мастера с большим искусством [сделали] из раскрашенного дерева кипарисы, чинары, чудесные цветы и подвижное небо. С каждой стороны решетки он устроил празднество. Бесконечные свечи и светильники поместили на этих деревьях, гиацинтах и

[a] Пропуск; далее искажение: شکمهای خبیث

небесах и ночью, [кроме] зажигания светильников и ламп и воспламенения огней, майдан украсили, привязав веревками фигуры животных и бесподобные ракеты. Во время зажигания све-
148a чей, || светильников и факелов огонь воспламенил эти ракеты и наполнил мир, подобно кузнечному горну, разноцветными искрами [a].

Незадолго до прибытия счастливца эпохи дорогу на протяжении двух фарсангов устлали узорной шелковой тканью, камкой, парчой и златотканым бархатом и устроили аллею из разноцветных картонных деревьев, разукрашенную пестрыми цветами. Когда правитель Нāṣир-ẋāн явился для встречи к светлейшей счастливой особе и стал просить, чтобы он счастливыми шагами украсил и освятил город Пешавер, как небесный рай, музыканты и фокусники по индийскому обычаю наигрывали мелодии *рāк* и *ḳābulī*. Чтобы удовлетворить желание правителя Нāṣир-ẋāна, владыка мира отправился и прибыл в тот прекрасный город. Когда благосклонный взгляд упал на разостланные ковры, убранство и украшения жителей того места, он очень обрадовался и приказал, чтобы грубые и строгие *насāḳчī* в самом городе приказали: если кто-нибудь из победоносного войска совершит насилие и несправедливость в отношении податного и неподатного населения, его голову отделят от тела. В тот радостный день владыка мира похвалил Нāṣир-ẋāна, подарил ему лошадь, снаряжение и украшенный драгоценными камнями пояс и, остановившись в шахском дворце, поднял славу до высшей точки стояния молодого месяца.

Он приказал, чтобы быстрые всадники вместе с людьми Нāṣир-ẋāна отправились к Хайберской теснине и Йӯнус-ẋāна, сторожившего проход, вернули бы без боя к священной особе. Но дело было в том, что в ту ночь, когда войско Нāṣир-ẋāна потерпело поражение, несколько человек из разбитого войска,

[a] Описание украшений майдана наполнено орфографическими и иными ошибками. Видимо, сам автор, основываясь, в лучшем случае, на рассказах очевидцев, не представлял себе ясно эту фееричекую картину. Тем более не разбирался в этом писец и, конечно, исказил некоторые слова до неузнаваемости.

2. Вступление Нāдир-шāха в Пешавер (миниатюра из тома II сочинения Муҳаммад-Кāзима, л. 146б)

у одного из которых был там брат, а у другого — отец, пришли и рассказали || о поражении Наср-хана; те двадцать тысяч чело- 112б
век рассеялись в горах и долинах. Так как каждый день между *навваб*ом Насраллах-мирзой и тем отрядом происходили стычки, на другой день дежурная часть[а] явилась на поле сражения, но сколько [кызылбаши] ни ждали, признаков того войска не было. Объяснив это хитростью того отряда, они вернулись обратно и ждали[б] до заката: может быть, покажутся признаки [войска], но оно не появилось. Счастливый *навваб* приказал нескольким дозорным добыть и доставить определенные сведения. После прибытия дозорных и получения известия о бегстве того отряда счастливый царственный *навваб* с войском, подобным волнующемуся синему морю, выступил и направился в Пешавер. В пути он встретил гонцов, которых послал мирозавоеватель.

В тот день счастливый повелитель [сидел] с сердарами, племенными вождями и Насир-ханом на верху очень высокого замка, который был выше и крепче всех зданий Пешавера. Его построили знающие мастера и сделали окно...[в] так, что если смотрели на обширную равнину, то видели [вдаль] на десять фарсангов.

В тот день правитель Насир-хан говорил своим военачальникам, что у счастливца эпохи войска и свиты нет; с этим самым войском, которое он имеет с собой, он хочет захватить Индию. В это время на обширной равнине со стороны Хайберской теснины показалась пыль и [послышался] гром, так что лик солнца потускнел и потемнел, и поднялись шум и волнение, подобные величайшему ужасу[г]. У Насир-хана и сердаров желчь в теле превратилась в воду[д], и они говорили про себя: «Уж не прогремела

[а] Буквально: «ежедневное войско».

[б] В тексте ошибочно «не ждали», что является бессмыслицей.

[в] Здесь писец также достаточно напутал, и если точно переводить написанное им, то получится бессмысленная фраза, а именно: сделали окно «на танга, украшенные драгоценными камнями»; *танга* — серебряная монета.

[г] То есть Страшному суду.

[д] Печень считалась вместилищем храбрости и силы. Поэтому слово زهره имеет значение «желчь» и «храбрость», «сила», и это образное выражение означает, что Насир-хан и сердары испугались.

ли труба Исрафила[44], что оттуда показались древки и полотнища знамен, каждое из которых является знаком тысячи человек?»
149а || Под тем знаменем, которое было внушительнее и красочнее всех, показался воин с темным лицом и в кольчуге, чрезвычайно важного вида. Наср-хан спросил Мирзу Заки, приближенного счастливца эпохи, относительно этого знаменитого воина и этого войска. Тот сказал, что этого молодого человека зовут эмир Аслан кырыклу; он является сердаром и командующим (*сахиб ихтийар*) войском Хорасана. Час спустя показались другие знамена, внушительнее и больше тех; [впереди] с независимым видом[a] [ехал] человек сильного сложения, с большими руками, верхом на лошади с золотым седлом, перед ним [шли] четыреста скороходов. Правитель Насир-хан спросил, и Мирза Заки ответил: «Этого человека зовут Тахмасп-хан джалаир *вакил ад-даула*; он пришел с войсками Астрабада, Гургана, Мазандерана, Атека и Хорасана». Словом, победоносное войско пришло полками и отрядами и, остановившись вне крепости, поставило свои палатки и шатры.

На другой день проворные слуги поставили надирову палатку и шатер, верхушка которого затемняла лик солнца и луны. Когда победоносное войско расположилось и успокоилось, в тот же день и счастливец эпохи поднялся на верх того сильного замка и разговоривал с Насир-ханом об Индии, как вдруг показалась пыль и [послышался] сильный гром, как будто возник Ноев потоп. Наср-хан и военачальники Индии взволновались: не прибывает ли падишах Индии или Синда,— и стали рассматривать то войско. Показалось сорок полотнищ золотых и серебряных знамен и под сенью каждого полотнища знамени была тысяча покрытых золотом [воинов], сверкавших, как восходящее солнце. Под сенью знамени, украшенного драгоценными камнями
149б и блестящего, как солнце, был красивый юноша, || весь в драгоценных камнях, с драгоценным султаном на шапке. Тысяча двести скороходов, одетых в *диба*[45], с украшенными драгоценными камнями булавами шли впереди него, и еще сорок тысяч человек

[a] Буквально: «с полной независимостью».

отрядами в полном порядке шли сзади него,— каждый, как воинственный Бахрам.

Правитель Насир-хан спросил об этом войске и этом юноше: «Кто этот знаменитый воин, у поводьев лошади которого идут во дворец все сердары этого войска?» Мирза Заки сказал: «Этот юноша — Насраллах-мирза, старший сын счастливца эпохи». Словом, в тот день до захода солнца войско счастливца прибывало отрядами и останавливалось. У Насир-хана при виде этого войска рассудок улетел из головы. Он говорил: «Боже! Тебе подобает царство и власть, ибо все это величие и сан ты дал смертному рабу своему и подчинил ему всех людей».

Словом, милостивый падишах[а] три дня спустя прибыл в надиров шатер и предался удовольствиям.

|| Поднятие знамени счастливцем эпохи для завоевания столицы Лахора и овладение той областью 186а

От автора: Опять пишу повествованье это
Все о тебе, завоеватель света.
Вот поднялось небесное светило,
Пространство мира все позолотило.
Лучи свои златые, как бывало,
Над Индией повсюду разбросало.
Такой приказ был отдан войску чести:
«Пусть воины наденут пояс мести[б],
Дабы мечами мироистребленья
Пронзить индийцев грудь без сожаленья.
Всю кровь я выжму из сердец их силой,
Потом внедрю в сердца их дух унылый.
Их капища и кельи я разрушу,
Печалью поражу смертельной душу».
От страшной силы царственного слова
Небес поколебалася основа.
Ирана войско с радостью узнало,
Какая всех добыча ожидала.
У всех такое к бою было рвенье,
Как будто с миром предстоит сраженье.

[а] То есть Надир.

[б] «Надеть пояс»—значит приготовиться или приступить к чему-нибудь.

Сверкают все знамена белизною,
Пылает войско злобой и враждою.
Весь род людской волненье охватило,
И скрылся лик небесного светила.
От топота копыт земля дрожала,
У сфер небесных мужества не стало,
Когда Ирана рать вступила в дело;
В глазах врагов, как ночью, потемнело.
Ирана шах, как солнце на вершине,
К небесной обратился так твердыне:
«Прошел черед твой! Мой черед явился,
Аллаха взор на мне остановился.
На счастье свое прочно опираюсь.
Я всей эпохи редкостью [а] являюсь».
Небесный свод на все его угрозы
Сказал ему с улыбкой вешней розы:
«Диковинок таких, как ты, немало
В одно мгновенье без следа пропало.
Пройдут года, и ты в одно мгновенье
Исчезнешь, как подобные творенья».
Теперь, мой милый виночерпий, сразу
Прислушайся к дальнейшему рассказу.

Когда александроподобный падишах, [величественный, как] Хусрау-мирозавоеватель, назначил Аслан-хана в области Азербайджана и Мухаммад-'Али-хана в области портов [16] и наступило полное успокоение, он отдал прекрасный город Пешавер на ответственность и попечение правителя Насир-хана. Оставив там две тысячи иранских воинов, государь арабских и персидских стран с многочисленным, как звезды, войском направил поводья намерения в сторону города Лахора. На протяжении пути на каждой стоянке, если кто-либо из проживавших там кочевых
1355 племен, податного и неподатного населения приходил || с открытой душой и честно в величественный, как Сатурн, лагерь, тот удостаивался чести поклониться [б] [Надиру] и, обласканный сверх меры, находился в спокойствии и безопасности; кто же восставал и противился, тот ударами острого молниеносного меча победоносных войск подвергался избиению и пленению.

[а] Опять игра слов: Надир (имя) и *надира* (редкость).

[б] Буквально: «поцеловать землю».

Во время выступления победоносных знамен несколько индийских военачальников и племенных вождей были отправлены в город Мультан к тамошнему правителю; было написано письмо мультанскому хану с требованием, чтобы тот, будучи правителем области, послал своего старшего сына с двенадцатью тысячами мультанских *мулазимов* в прекрасный город Лахор для получения чести поклониться счастливцу; если же он проявит небрежность и легкомыслие и не пошлет, пусть будет готов к гневу счастливого государя и нападению: дескать, после завоевания области Лахора я пошлю в ту область [а] полк газиев и славных воинов и так накажу, что будут рассказывать потомкам до Страшного суда. Он отправил помянутых гонцов и командиров в город Мультан с роскошным падишахским халатом и лошадью с золотым убором, а сам с величественным войском подошел к Лахору на расстояние трех переходов. В это время до августейшего слуха довели, что правитель Лахора Закарийа-хан с всемьюдесятью тысячами человек приготовился на берегу реки к бою и так порешил со своим войском, что вследствие глубины помянутой реки переправа кызылбашского войска на эту сторону на небольших судах и лодках невозможна. В одном-двух местах, где имеется брод для победоносного войска, они оставили десять тысяч артиллеристов и ружейных стрелков, чтобы, если кто-нибудь захочет переправиться, воспрепятствовать этому стрельбою из пушек и ружей.

Когда победоносная особа [б] приблизилась к области Пешавера, || Закарийа-хан отправил несколько курьеров во дворец 187а
убежища мира падишаха Мухаммада, повелителя Индии, и просил помощи и поддержки; по приказу потомка кургановой семьи на обязанность и усердие Мухаббат-хана раджпута, бывшего сердаром и правителем области Агра, было возложено с сорока тысячами человек отправиться быстрым маршем в область Лахор и присоединиться к войскам Закарийа-хана, чтобы стараться отразить надирово войско. Вследствие приказа высокосановного государя Мухаббат-хан приготовил помянутое войско и напра-

[а] Гонсть в Мультан.

[б] Имеется в виду Надир.

вился в Лахор. В это время несколько шпионов, назначенных в разные стороны и области, прибыли и довели до августейшего слуха, что сердар Агры Муҳаббат-ҳан на другой день присоединится с группой раджпутских войск к войску Закарийа-ҳана. Когда владыка мира узнал о прибытии индийского войска, он приказал, чтобы Ҳаджи-ҳан Курд ҳамза-канлу, взяв четырнадцать тысяч подчиненных ему хорасанских *мулазимов*, занялся отражением того отряда и не допустил присоединения его к Закарийа-ҳану; согласно этому приказу Ҳаджи-ҳан Курд и назначенное войско направились наперерез войску раджпутов. Когда они прошли около восьми миль пути, несколько человек дозорных, назначенные по приказу помянутого сердара для получения сведений о той группе злодеев, сообщили, что показались признаки помянутого войска. Так как Ҳаджи-ҳан был человек умный и вполне сведущий в руководстве войсками, он с тремя-четырьмя рустемоподобными воинами быстро прошел две-три мили, поднялся на вершину холма и, рассмотрев войско, сделал вывод о том, что прибывает сорок тысяч человек. Он подумал про себя: «Если я
187б выйду против этого враждебного войска и построю ряды, || сражение затянется и из моего войска часть будет убита и часть ранена; лучше устроить в этом проходе засаду: может быть, я легко покончу с этим войском». И он тотчас с величайшей поспешностью вернулся. Поблизости было ущелье, темное, как тюрьма; если бы в нем спряталось тридцать тысяч человек, никто не узнал бы об этом. Он оставил одиннадцать тысяч человек в том ущелье и около холма в засаде, а сам, взяв одну тысячу воинов, преградил дорогу войску раджпутов и приготовился к бою.

На [индийской] же стороне дозорные Муҳаббат-ҳана сообщили ему, что какое-то войско преградило дорогу и неизвестно, друзья это или враги. Он тотчас послал несколько иранских монголов, находившихся у него на службе, чтобы они узнали, что это за войско.

Приблизившись к войску Ҳаджи-ҳана, они спросили: «Что вы за люди и по чьему приказу загородили дорогу?» Те ответили: «Мы принадлежим к войску счастливца эпохи и при-

шли, чтобы в этом месте преградить дорогу Муҳаббат-ҳāну, сразиться с ним и отвести его живым во дворец мирозавоевателя». Помянутые газии вернулись и сообщили Муҳаббат-ҳāну, каково было заявление того отряда. Услышав эти слова, он разгневался [а] и приказал, чтобы сразу двадцать тысяч раджпутов с мечами в руках атаковали победоносное войско.

Ҳāджӣ-ҳāн с тысячью человек преградил дорогу тому войску и около одного астрономического часа [б] вел бой. Восклицания «отлично!» и «молодец!» раздавались со стороны друзей и врагов. Каждый миг и каждый час войско противника увеличивалось и подходили все новые полки и отряды. Ҳāджӣ-ҳāн, также сражаясь, отходил назад. Когда он дошел до места засады, он пустился в быстрое бегство и около двух миль шел, стеснив сзади себя в той пустыне раджпутское войско. Вдруг с двух сторон того войска вышли те одиннадцать тысяч воинственных храбрецов || с саб- 188а
лями в руках и напали на тот несчастный отряд. В этой сумятице с обеих сторон пустили вскачь быстрых коней и, устраняя ногтем мужества и смелости зуд привязанности к непрочной жизни, вступили на поле боя, прося победы у господа-творца. Поражая друг друга мечом и копьем ненависти, начали бой и завещали миру смелость и отвагу. Смертоносные копья в тот день, подобный Страшному суду, были как пламя огненного гнева и искры, [взлетающие] от мощных [ударов] кузнечных молотов. В тот ужасный день били друг друга по темени мечами и кинжалами и посылали взаимно стрелы смертоносные, как быстрые кокетливые взгляды кашмирских красавиц. От огня убийственных ружей сгорали сердце и печень врага, и вследствие создавшегося положения стало ясным и очевидным толкование слов достославного Аллаха: «Все погибнет, кроме него» [в].

Словом, победоносное кызылбашское войско в тот день сумятицы дало такое сражение тому ничтожному племени и вызвало такое смятение, что войско раджпутов не имело ни смелости

[а] Буквально: «дым недовольства пошел из отверстия его мозга».

[б] То есть точно в течение одного часа, а не в смысле «в течение некоторого времени».

[в] Коран, 28, 88.

сражаться, ни возможности бежать: если они бежали вперед, они подвергались ударам кровожадного меча, а если путь бегства держали назад, их поражали на поле боя удары копий быстрых всадников.

Когда Хаджи-хан отдалил помянутый отряд на одну милю от места засады, до него донесся шум со стороны войска, которое находилось в засаде. Он также с одной тысячью человек повернул обратно, и на каждом шагу они повергали на землю гибели одного быстрого всадника и у каждого колючего кустарника — выдающегося бойца. Когда раджпуты увидели себя погруженными в водоворот несчастья, они употребили старание выше предела и усердие сверх меры, чтобы выбраться хоть куда-нибудь. В это время Мухаббат-хан двигался под своим знаменем с большой важностью и вдруг заметил свое разбитое войско, которое бежало, ругая вышеупомянутого хана и говоря: «....[а]! Хвастун!» Всякому, кто спрашивал: «Что случилось, почему вы
188б бежите?», они говорили: «Пятьсот тысяч || иранцев вышли из-за этого холма и никого не оставили в живых; сейчас очередь дойдет до тебя!» — и бежали, восклицая: «Рам, рам!»[б]. Видя в таком положении свое разбитое войско, он не выдержал и с тремя тысячами личных *мулазимов*, которые его окружали, взошел на песчаный холм и стал смотреть на свое войско. Вдруг взгляд его упал на победоносных кызылбашей, которые, как ревущий лев в степи и пустыне, виднелись на том поле боя с блестящими острыми мечами и смертоносными копьями; по тем горам и пустыне текли [красные], как аргаван, потоки крови смельчаков, подобные Тигру и Индийскому океану. Когда Мухаббат-хан увидел такое положение, он захотел спуститься с холма, подобно потоку, вперед, на помощь своему войску, но его гулямы доложили: «Нет пользы идти в сторону своего войска, потому что, насколько видит глаз, мы не видим ничего, кроме кызылбашского войска». Они взяли Мухаббат-хана и направились в Джеханабад[в].

[а] В тексте: بتی حی ولن ترافی (?).

[б] Рам, рам! (инд.) — «боже, боже!».

[в] У Мухаббат-хана, по словам Мухаммад-Казима, было сорок тысяч воинов. Из них он отправил против Хаджи-хана двадцать тысяч,— следо-

Однако кызылбашское войско, преследуя то войско, прибыло на их стоянку; овладев их имуществом и вещами и захватив живыми пятьдесят их командиров, оно привело их к помянутому Ҳаджӣ-ҳану. Ҳаджӣ-ҳан приказал некоему *мӣнбашӣ* Амӣр-ҳану преследовать Муҳаббат-ҳана, захватить его и не дать ему уйти. Когда помянутый Амӣр-ҳан прибыл к обозу того отряда, сколько он ни приказывал подчиненным ему газиям, чтобы они прекратили [собирать] добычу и преследовали Муҳаббат-ҳана, никто не слушал его слов: [все] были заняты грабежом и сбором имущества. Когда Ҳаджӣ-ҳан прибыл и спросил об Амӣр-ҳане, ему доложили, что он занят грабежом имущества. Он вызвал его с тремя начальниками к себе и сказал: «Я назначил вас для службы, а вы, оказывается, не придали значения моим словам и занялись грабежом». || Амӣр-ҳан-бек доложил: «Сколько я ни приказывал 189а
пятисотникам и сотникам, никто не слушал моих слов, и [все] были заняты сбором добычи». По поводу этого заявления он привел в свидетели несколько командиров, но этим огонь гнева сердара не был потушен, и он приказал дать ему тысячу ударов палкой, а двум пятисотникам и четырем сотникам, нерадение которых выяснилось, отрубить голову и тела их бросить среди войска, чтобы были назидательным примером для прочих непокорных. Собрав имущество, добычу и лагерное снаряжение Муҳаббат-ҳана, он направился к высокому, являвшемуся местом поклонения государей дворцу счастливца, прибыл к величественному двору и был удостоен шахского внимания и царских милостей. Близкие и родственники пятисотников и сотников, которых Ҳаджӣ-ҳан убил, явились с жалобой к мирозавоевателю и доложили, что Ҳаджӣ-ҳан убил помянутых людей без вины. Подлежащий исполнению приказ мирозавоевателя был таков: «Наша августейшая особа сделала Ҳаджӣ-ҳана сердаром и полномочным лицом. Если бы победоносному войску было причинено несчастье, мы, конечно, отрубили бы ему голову. Так как с их стороны было нерадение, это [его приказание] было очень уме-

---

вательно, при нем должно было остаться, помимо трех тысяч «личных *мулазимов*», еще семнадцать тысяч человек.

стно; нужно было и Амīр-ҳāна убить». Эти люди, [пришедшие с жалобой], вернулись разочарованными.

Счастливый государь оказал большую милость и внимание Ҳāджī-ҳāну, захваченное имущество поделил в назначенном войске [а], а казну, которую привез с собой Муҳаббат-ҳāн, сдал казначею высочайшей казны; вышеупомянутому сердару он пожаловал в подарок тысячу туманов [47].

Что касается пятидесяти командиров и двух тысяч человек из войска раджпутов, которые были взяты в плен, то по приказу мирозавоевателя командирам были даны халаты, а тем двум тысячам было также разрешено уйти в Лахор. Помянутые люди
189б прибыли к берегу реки Джамиль, || и после того как с той стороны пригнали лодки, они, сев на них, переправились через реку и прибыли к Закарīйā-ҳāну. Они сообщили о положении дел, прибытии Муҳаббат-ҳāна и поражении, нанесенном [ему] Ҳāджī-ҳāном. Дрожь напала на члены Закарīйā-ҳāна и военачальников той области, но вследствие благородства, проницательности и милости счастливого государя они успокоились. Однако чувство чести и упрямство заговорило в нем [б] и не позволило ему подчиниться. Он приказал своим военачальникам и вождям племен занять место переправы через реку Джамиль и не допускать, чтобы кто-нибудь переправился на эту сторону, а сам остановился с большим войском в саду, который был в двух фарсахах от Лахора и назывался Дильгуша.

Счастливец эпохи подошел к берегу помянутой реки, и, с какой стороны ни хотел перейти, индийские газии старательно препятствовали и не давали никому войти в реку. Когда счастливец эпохи увидел такое положение, он спросил у пешаверских газиев о броде через ту реку. Они доложили, что выше в восьми фарсахах имеется другой брод, где можно переправиться совсем легко. Услышав эти речи, мирозавоеватель очень обрадовался; он тотчас приказал четырнадцати тысячам рустемоподобных воинов сесть на быстрых коней и вместе с ними быстрым маршем направился к месту цели, а величественное войско поручил

[а] То есть в том отряде, который был назначен против Муҳаббат-ҳāна.
[б] То есть в Закарīйā-ҳāне.

своему сыну Наср̣аллāх-мӣрзе, Ҳāджӣ-ҳāну и прочим сердарам. На закате они [а] прибыли к месту переправы и этой же ночью, засветив золотые и серебряные факелы, переправились на ту сторону. Они задержались столько времени, чтобы дать лошадям по горсти ячменя, и, выступив далее, в ту полночь подошли к Лахору на расстояние двух фарсахов. Он выслал разведчиков, чтобы доставили сведения о войске Закарӣйā-ҳāна; вернувшись, те 190а
доложили, что все они [б], наслаждаясь покоем, || отдыхают со спокойным умом и спят. Государь-мирозавоеватель сделал остановку до тех пор, пока сияющий Джамшӣд не вступил на свой бирюзовый трон и, подобное индийцам, войско мрака не обратилось в бегство. Тогда он с величественным, как Страшный суд, войском двинулся на тех несчастных индийцев.

В тот день Закарӣйā-ҳāн с намерением поохотиться и прогуляться по тюльпанному полю сел с группой своих приближенных на быстрых коней; [как вдруг] показалась пыль и [послышался] великий шум. Закарӣйā-ҳāн сказал: «Не послал ли его величество Қӯркāн войско нам на помощь?» Несколько состоявших у него на службе дерзких иранских солдат доложили: «Это похоже на признаки неприятельского войска, и, если [ты] задержишься в этом месте, это вызовет смуту и беспорядок». Помянутый хан со всей возможной скоростью явился в свой лагерь и известил индийских *мулāзимов* о подходе неприятельского войска с тем, чтобы они, взяв свои дальнобойные [ружья], встали на краю укрепления.

В это время сильное, как Страшный суд, войско подошло справа и слева; уколами копий, молниеносными ударами мечей и [выстрелами] из огненных ружей оно повергло во прах рассеявшихся в той пустыне индийских солдат, и кровь их смешалась с землей. Из убитых образовались высокие валы и недоступные холмы. Қогда [воины Нāдира] подошли к краю укрепления Закарӣйā-ҳāна, лахорские газии стали стрелять из смертоносных ружей. Часть победоносных солдат подошла к краю лагеря индийцев, но вследствие потерь от ружейных выстрелов отступила

[а] Имеется в виду Нāдир с его отрядом воинов.

[б] То есть Закарӣйā-ҳāн и его войско.

и чуть не обратилась в бегство. Когда государь-мирозавоеватель увидел слабость войска, он приказал три тысячи смелых джезаири немедленно посадить на лошадей [а] и спешно доставить на поле сражения. Он приказал, чтобы они без опасения и страха напали на тех неблагодарных людей и чтобы следом за ними рустемсподобные конные воины с острыми мечами и смертоносными
190б копьями || приступили к делу. Произошло такое сражение, подобного которому военачальник звезд в четвертом климате неба[48] не наблюдал; [никогда он] не видел битвы, столь ожесточенной и трудной. Из тучи боевого оружия во все стороны текли ручьи крови, повсюду были [кровавые] реки. Тела убитых [плыли, перевертываясь], в реках крови, как будто играли тритоны; кровожадные стрелы, как неожиданное бедствие, летели в грудь и печень бойцов, смертоносные копья каждый миг повергали на землю какого-нибудь смельчака, острый меч каждое мгновенье лишал жизни тысячи людей и каждый [выстрел] убийственного ружья сбивал по двести воинов.

Набросок: Бойцы в том сраженье врагов поражали
И головы в сагак кровавый бросали.
Так много изрублено было мечами,
Что кровь поднималася вверх облаками.
Собралась убитых такая громада,
Что горы высокие скрылись от взгляда,
И столько вражды в том побоище было,
Что с горя земля до луны подскочила.

От присутствовавших в этом бою пришлось слышать, что если бы государь-мирозавоеватель не послал в это великое дело джезаири и вел бой, довольствуясь тем [войском, которое было с ним], все кызылбаши обратились бы в бегство; но славные джезаири, не боясь ружей и *сафтӯгансв* того войска и действуя храбро, в атаке разбросали и рассеяли нить порядка и сплоченности его [б], как звезды Большой и Малой Медведиц. Неудачливые

[а] В подлиннике сказано: «посадить на зад лошадей»; автор хотел сказать, что каждый из трех тысяч всадников должен был посадить джезаири за спину, на круп лошади.

[б] То есть вражеского войска.

индийцы в это время затрудняли друг другу дело и, боясь натиска победоносного войска и пуль джезаиров, свалились в кучу, как щепки; не осталось у них ни пути к бегству, ни силы сражаться, и все они в этой пучине ждали своей смерти.

Видя такое положение, Закарийа-хан сказал своим военачальникам: «Если все сердары и правители каждой области приложат столько старания, конечно, войску счастливца наступит конец. Этот бой был для охраны прав и в благодарность падишаху Мухаммаду Куркану, дабы народ Индии впредь || не укорял и не поносил меня, а иначе — как может воробей выдержать удар сокола высокого полета». Сказав эти слова и повернув поводья лошади в сторону лахорской крепости, он обратился в бегство, бросился в крепость Лахора и засел в осаду. 191a

Когда государь-мирозавоеватель нанес поражение тому племени, он захватил все имущество, вещи, шатры и палатки и приказал опытным людям[a] приготовить лодки, барки и суда и перевезти войско через реку на эту сторону. Двинувшись с берега реки и поставив шатры вокруг лахорской крепости, [иранские войска] охватили ее подобно камню в перстне.

Когда Закарийа-хан и военачальники увидели с высоты минаретов, мечетей, *ханкахов*[49] и прочих высоких мест все это могущество кызылбашского войска, дрожь напала на члены этих людей, и они доложили Закарийа-хану: «Если не пойдешь мирным путем и задумаешь держаться в осаде, [то знай, что], если из этого войска, которое видно, каждый человек бросит горсть земли на крепость, в короткое время эта крепость скроется под землей. Будет лучше без боя и сражения открыть ворота примирения и поспешить навстречу». Закарийа-хан как будто ожидал услышать эти слова; он сказал: «Ваша речь разумна и приятна». Он тотчас отправил несколько человек в качестве послов к мирозавоевателю и успокоился. Они представили взору стоящих у царского дворца, опирающегося на небесный свод, много подношений и подарков, в том числе четыреста ярдов[50] шали «термэ»[51], шестьсот ярдов индийских тканей высшего качества и пятьсот тысяч ту-

[a] В тексте: آب بازان

манов деньгами. Закарīйā-ҳāн получил честь поклониться правосудному порогу и был удостоен шахских милостей. Государь-мирозавоеватель сказал: «Какова была причина невежливости?» Тот доложил: «Да буду жертвой твоего правосудного порога! Из рода в род и от поколения к поколению мы служили потомкам
1916 эмира Тимӯра счастливого || и спокойно жили под властью правителей из этой семьи. Если бы без боя и сражения мы в этом преклонном возрасте удостоились служить вашему величеству, люди Индии многие годы и бесчисленные века укоряли бы нас и позорили среди знати и простого народа. А теперь мне очень стыдно, и стремление к здешней временной жизни прекратилось; если будет приказ мирозавоевателя убить этого непокорного, я буду очень рад». Государь-мирозавоеватель был очень обрадован хорошим заявлением этого мудрого человека и сказал своими драгоценными словами: «Ты будешь нам вместо отца. Если всевышнему богу будет угодно, я проявлю к тебе сочувствие и внимание».

В тот день он почтил его царским халатом и удостоил должности правителя Лахора. На другой день Закарīйā-ҳāн был отпущен и прибыл в помянутый город; приготовив все для победоносного войска, он собрал много зерна и продовольствия, которого было достаточно для победоносной армии, и на своих вьючных животных доставил в величественный лагерь. Он отчеканил монету и велел [прочитать] *хутбу* на знаменитое имя и драгоценное прозвание государя-мирозавоевателя и отправился в халифский дворец.

Счастливым государем было приказано, чтобы несколько человек пошли в крепость и объявили приказ, чтобы никто на улице и базаре не совершал притеснения податному и неподатному населению и вообще жителям той местности. Один из тех, кто объявлял этот приказ, [рассказывал], что некий афшар Қахрамāн-бек, состоявший [в свите] мирозавоевателя, пришел в это время в помянутую крепость и, купив в лавке одного *сāмсāра*[52] на десять туманов вещей, дал восемь туманов. *Сāмсāр* требовал остальные два тумана, но Қāхрамāн-бек в раздражении несколько раз обругал *сāмсāра*, да ударил еще его по темени пал-

кой, так что кровь потекла из его головы; тот человек замолчал. Несколько человек из объявлявших приказ присутствовали при этом, но Кахрамăн-бек был важнейшим афшарским начальником, и они, не сказав ему ни слова, ушли. На другой день мирозавоеватель приказал начальнику *насăкчи* (*насăкчибăши*) Мухаммад-Ризă-беку || привести *сăмсăра* с теми *насăкчи*[а], которые присутствовали при 192а
споре Кахрамăн-бека с *сăмсăром*. Когда привели, он расспросил об ущербе в предыдущий день; тот доложил августейшей особе: «Мы — люди торговые, и таких споров и ссор много случается; я не знаю того лица». Государь-мирозавоеватель спросил у *насăкчи*: «Вы присутствовали во время ссоры Кахрамăн-бека [с торговцем], почему не препятствовали?» Они доложили: «Когда мы туда пришли, столкновение уже окончилось». Он сказал: «Почему вы не взяли два тумана и не отдали ему?» Они опять доложили: «Владелец не заявил нам о своей обиде». [Надир] спросил у *сăмсăра*: «Из этих шести человек сколько человек было около тебя?» *Сăмсăр* указал на трех человек, которые присутствовали. Этих трех человек отделили от других, и он[б] приказал привести также Кахрамăн-бека. Афшарские военачальники тотчас пошли в палатку Закарийă-хăна и сказали, чтобы он пошел к счастливцу и попросил за Кахрамăн-бека, — может быть, ради него он простит вину. Помянутый хан согласился и пошел ко дворцу счастливого государя, но владыкой мира гнев овладел в такой степени, что, когда Кахрамăн-бек пришел, он сказал: «Ты был самым главным из моих врагов. Если бы ты думал о последствии, такого насилия в настоящее время с твоей стороны не произошло бы». Он тотчас приказал, чтобы особые палачи накинули на шею Кахрамăн-бека и тех трех человек шелковую веревку и убили [их] позорнейшим и самым жалким способом; тела их бросили у подножия лобного места около передних ворот [дворца], где он[в] всегда [его] возводил, — дабы это послужило назиданием для проходящих.

[а] В тексте здесь ошибочно ед. число.

[б] То есть Надир.

[в] То есть Надир.

Когда Закарийа-хан подошел к караульному помещению и увидел, как палачи притащили тех четырех человек, накинув им на шею веревку, к подножию лобного места и бросили,— этот высокосановный хан задумался над подобным падишахским порядком и наказанием и сказал про себя:

192б || «Царская власть и мирозавоевание приличествуют такому правителю, который [даже] на комариное крыло не допускает насилия и гнева в отношении подданных и бедных и за небольшую несправедливость вот так убивает своих приближенных. Конечно, силою своего постоянного счастья он завоюет семь климатов[а]. Так как справедливым и заботящимся о населении государям необходимо обязательно проявлять к податному и неподатному населению и подчиненным милосердие и любовь, то, подобно тому как нежный отец занят постоянно заботой о детях, а садовник — выращиванием деревьев и цветов, такого же [справедливого] обращения он должен держаться с людьми, которые в порядке неподчинения совершают такого рода насилие и несправедливость по отношению к слабым. В особенности эта [обязанность] лежит на государе-мирозавоевателе, ибо если со стороны его солдат обнаружится небольшая небрежность [в выполнении его приказов], это повлечет явное противодействие и открытый мятеж племен; если, приложив старание, он приведет их вторично к подчинению и покорности, они опять задумают бегство или начнут вражду и вызовут гибель большого числа людей, и в делах государства произойдет большое расстройство, и возникнет великая разруха. Слава Аллаху и благодарение! Сильные руки государя-мирозавоевателя прочно держат справедливость, заботу о подданных, управление, порядок и устройство дел в войске и населении; со времен Адама до настоящего времени никогда не наблюдалось, чтобы какой-нибудь счастливый государь с таким величием и могуществом завоевал пространство мира»[б].

В настоящее время безопасность в стране такова, что два торговца из области Демир-капу[33] — дагестанского Дербента —

[а] Иначе говоря, всю населенную часть земного шара.

[б] Мухаммад-Казим хотел сказать, что в целях защиты интересов подданных государь должен справедливо наказывать тех, кто нарушает порядок.

нагрузили тканями десять бердааских[а] мулов и для торговли прошли путь из Азербайджана в Ирак[б], из Ирака в Хорасан, из Хорасана в Кандахар, Кабул, Джелалабад и Пешавер и прибыли в Мультан. Отправившись из области Мультана в то время, когда блестящие знамена двинулись в сторону Джеханабада, они в области Лахора с полным спокойствием присоединились к величественному войску.

Да не будет скрыто от людей сановных и могущественных и от владетелей государств и народов, что так как знаменитое имя и драгоценное прозвание этого славного государя стало Надир[в], то в соответствии с поговоркой «имена сходят с небес» || действия 193а
и поступки этого государя, подобно его имени, стали редкими и диковинными.

Словом, владыка эпохи и государь-мирозавоеватель несколько дней пробыл в тех пределах и, приготовив как следует все необходимое для победоносного войска, закончил все для своего похода.

От автора: Дивлюсь я на счастье: хоть бог посылает,—
Счастливцу все мало, все больше желает.

Поход счастливого государя для завоевания Шахджеханабада и посылка письма падишаху Индии

Когда воля всесильного, всевышнего и предвечного бога направлена к успеху одного из смущенных рабов, всемогущий портной надевает на его стан одеяние способности, совершенная его мудрость заменяет ничтожность, позор и унижение высоким достоинством и почетным саном и прославляет во всех странах мира; завистников и порицателей его поражает несчастьем и унижает перед ним, а бразды их власти влагает в руки его могущества; со дня на день увеличивает его богатство, счастье, пышность и величие и постоянно создает удачу в достижении цели; султанов мира и ханов его времени подчиняет его приказу

[а] Вместо براعی нужно читать بردعی «бердааский», ибо город Бердаа славился своими мулами.

[б] Имеется в виду Ирак Персидский.

[в] То есть «редкий», «диковинный». Далее игра слов.

и делает так, что великие его эпохи и повелители каждой страны вдевают в ухо серьгу [а] службы ему и носят на плече попону повиновения; со дня на день своей помощью и поддержкой укрепляет основы его царской власти. Смысл этих слов состоит в описании положения мирозавоевателя, у которого Дарий служит привратником [б].

До этого было упомянуто, что владыка мира отправил группу начальников в Мультан, чтобы склонить [правителя] на свою сторону и чтобы население тех областей заявило о подчинении и покорности мирозавоевателю. В это время Бахāдур-ҳāн, бывший правителем и полновластным лицом в этой области, умер, и вместо него посадили на трон управления его сына ʻИнāйаталлāх-ҳāна, который и занимался приведением в порядок дел этой страны. Когда он узнал о содержании почтенного, благословенного, подлежащего исполнению письма, он послал много
1936 подношений и подарков с искренним докладом || о повиновении и подчинении и отправил несколько своих военачальников в мир украшающий дворец. Во время отбытия блистательных знамен для завоевания Шахджеханабада его дары и подарки вместе с докладом представили священному, августейшему взгляду. Но вследствие неприбытия ʻИнāйаталлāх-ҳāна в августейшее сердце проникла досада и, не оказав большого внимания его посланным, он двух-трех из них удостоил шахиншахских халатов и отпустил.

Исследователи событий и собиратели сведений сообщили, что еще до этого, после поражения афганца Ашрафа и во время осады Кандахара, мирозавоеватель отправил правдивых послов и благомыслящих старшин в Шахджеханабад к государю Индии по поводу наказания шайки афганцев, бежавших в некоторые земли Индии,— чтобы тот вменил в обязанность военачальникам и пограничной охране (*мустаҳфиẓāн*) своих областей не пускать их и наказать. Вышеупомянутый государь содержание письма счастливого правителя принял как насмешку, слова его счел

[а] В Иране серьга в ухе была отличительным признаком раба.

[б] Иначе говоря, могущество Нāдира превосходит даже могущество царя Дария.

пустыми и, решив молчать, ответа не дал. В удачное время [54], с божьей помощью, в конце месяца шаввāла 1151 года хиджры [55] [Надир-шах] выступил с внушающим ужас войском из Лахора и направился в Шахджеханабад. На третьей остановке он сообщил письмом относительно движения победоносных знамен в ту сторону; содержание [письма] таково:

«После нанесения поражения афганцу Ашрафу в Иране мы назначили ʿАлӣ-Мардāн-ханā файлӣ послом в Индию к уважаемому брату, и было сообщено, что так как афганцы, разбойники Кандахара и прочие являются источником злодеяний и беспорядка и многие из той шайки направились в некоторые области Индии, то пусть назначат войско, чтобы в случае, если та шайка побежит в другую сторону, преградить ей дорогу и не допустить, чтобы кто-нибудь мог выйти из той области. А между тем во времена покойного || падишаха Хумāйӯна, который является великим предком главы курлановой династии [а], какие только трудности и бедствия ни причинялись [этому падишаху] афганцем Ширӣмом [56]! Наконец, с помощью кызылбашских войск Ирана мусульмане Индии были избавлены от злодеяний той презренной шайки. Дорогой высокосановный брат внешне дал обязательство по этому вопросу, но в действительности закрыл глаза и совсем не обратил внимания на это дело. После прибытия победоносных знамен в Кандахар часть газиев была назначена для наказания афганцев на границы Газнийской области, и никакого следа ваших обязательств и прибытия войска в том направлении обнаружено не было. Снова для напоминания об этом деле я назначил Мухаммад-ханā Туркмāна и отправил [его] на курьерских к блестящему властелину. Во время прибытия помянутого посла ваша высокая особа [б] и вельможи государства не исполнили обещания и, проявив пренебрежение, не дали ответа и задержали посла. Поэтому с помощью божьей милости я выступил для наказания афганцев Газни и Кабула. После наказания помянутой шайки, так как небрежность и невнимание уважаемого брата

194 а

[а] То есть предком Мухаммада-шāха.

[б] Буквально: «обитатель неба».

в деле отправки посла перешла за пределы дружбы, я направился посмотреть пространство Индии, прошел через Джелал-абад, Пешавер и Лахор, который был столицей прежних султанов, и завоевал их. Я напрасно прождал несколько дней, надеясь, что благомыслящие люди этой высокой династии прибудут, вновь заложат основы дружбы и состоится свидание. Волей-неволей с многочисленным, как звезды, войском я выступил в помянутом году; проходя переход за переходом, я с большой радостью явлюсь к вам и заложу основу собеседования и союза».

Цель написания этого дружественного письма состояла в том, чтобы тот высокосановный [государь] во время счастливого прибытия победоносного войска догадался придумать какое-нибудь
194б извинение: дескать, мы || не знали,— словом, был бы во всех отношениях гостеприимным и подготовленным. Письмо отправил с несколькими индийцами к высокому представителю курканової династии. После прибытия послов и прочтения письма падишахом овладела досада[a], и он сказал: «Какую он имеет силу и смелость, что мог ступить ногою в эту страну?» Еще до получения письма счастливого государя он разослал по окраинам своего государства гонцов и отовсюду потребовал *мулазимов*[57]. Изо дня в день полк за полком приходило войско и присоединялось к его армии, так что с разных сторон собралось множество солдат и несметное число знаменитых людей. Отдельное письмо было написано Са'адат-ханy, который был *бурхан ал-мулком*[58] у помянутого государя и правителем Агры и других областей Индии, и сообщено о прибытии его величества мирозавоевателя. Было строго указано, чтобы сразу по получении сообщения он без задержки спешно отправился к победоносному стремени, ибо в это время по величию, пышности и опытности другого такого военачальника и могущественного лица, как он, в той стране не было.

Описание его жизни и положения таково. Родиной его был Нишапур, принадлежащий к областям Хорасана. Среди людей своего круга он пользовался вполне хорошей репутацией и был

[a] Буквально: «неприятный дым вышел из отверстия мозга».

ра'ийатом[59] той области. В дни юности, когда одолевают страсти, он много времени проводил в питье вина и разбоях и предавался разного рода распутству. Власти помянутого города неоднократно его арестовывали и много раз наказывали. Как-то из Ирака прибыл в Рабāṭ-и Зафарāнӣ караван, направлявшийся в священный Мешхед. Помянутый Са'āдат-ẋāн с группой черни и искателей приключений напал на тот караван, убил несколько человек, ранил остальных и, овладев их имуществом, направился в Себзевар. Продав там их имущество и успокоившись, он прибыл в город Нишапур. || Один *мукāрӣ*[60] узнал 195а
одного из разбойников, тотчас пошел к *дāрӯġе*[61] Нишапура и сообщил, как разбойники ограбили [караван] и как он узнал одного из них. Помянутый *дāрӯġа* вызвал разбойника и сильно мучил и наказывал его, пока тот не рассказал подробно, что, дескать, мы совершили этот гнусный поступок и постыдное дело с одобрения нишапурца Са'āдата. В это время Са'āдат-ẋāн узнал о задержании того разбойника и открытии тайны и обеспокоился, [зная], что если на этот раз *дāрӯġа* и [городские] власти накажут его, то ему не отделаться взысканием и он будет убит. Волей-неволей он распрощался со своими детьми, в ту же ночь вышел из Нишапура и, пустившись в бегство, направился в священную землю[62].

Он пробыл там несколько дней, как вдруг услышал в толпе, что правитель Нишапура написал относительно его поимки правителю священного Мешхеда: «Такой-то человек с несколькими товарищами напал на иракский караван и захватил его имущество. Если он прибудет в вашу местность, непременно задержите его и отправьте к нам для того, чтобы отнять у этих [разбойников] имущество каравана и вернуть владельцам». Са'āдат, услышав эту страшную новость и считая пребывание в той области настоящим источником зла и несчастья для себя, с четырьмя-пятью товарищами-разбойниками ушел из священного Мешхеда и направился в Герат. Там они тоже напали на дом одного гератского вельможи, унесли кое-какое имущество и отправились в Фарах. Свое пребывание там они также сочли неосторожным и решили отправиться в Кандахар, прожить там несколько

дней, уйти в Фарс и там жить. Прибыв в Кандахар, они остановились в караван-сарае хорасанцев и предались удовольствиям и развлечениям.

Вечером между *дарӯғой* Кандахара и Са'адат-ханом произошел спор из-за безобразия, которое он совершил в отношении
1956 публичной женщины той местности, и *дарӯға* || ударил Са'адат-хана палкой по темени, так что пробил ему голову и потекла кровь. Са'адат-хан также разгневался, схватил кинжал и одним ударом покончил с *дарӯғой*. Когда слуги и сопровождавшие *дарӯғу* увидели такое дело, все они, схватившись за палки, дубины и сабли, бросились на Са'адат-хана, но он в храбрости равнялся диковине своего времени, счастливому эмиру Хамзе, которого мудрецы приводят в пример. Схватив острый меч, он четырех из той группы убил, а остальных ранил; все убежали и о положении дела доложили правителю Кандахара. Однако Са'адат-хан и [его] товарищи после убийства тех людей без замедления сели на своих быстрых коней, ушли из Кандахара и поспешили в горы. В ту темную ночь они спрятались в горной пещере. Благодаря счастливой случайности, так как было начало месяца *джадди*[a], в ту ночь выпало много снега, так что следы копыт их верховых животных стали невидимы. Около десяти дней они пробыли в том месте, и сколько ни разыскивали их люди кандахарского правителя, никаких признаков их обнаружено не было.

По прошествии означенного промежутка времени Са'адат-хан так посоветовался с товарищами: «Так как нами в этой стране было совершено много дурных поступков, то, если мы вернемся в Иран, мы в конце концов попадем в руки одного из областных правителей и будем убиты. Поэтому нам лучше направиться в Индию, потому что умереть на чужбине лучше, чем жить с позором в своем краю». Все его товарищи согласились с этим, и они отправились в Газни. После прибытия в те края они несколько дней пробыли там и выехали в Кабул, где удостоились чести явиться к *сӯбадару*[63] той области. Рост, сложение и разговор

[a] Дословно: «начало перехода [солнца] в знак Козерога», то есть 21 или 22 декабря.

этих нескольких людей очень понравились правителю, || он при- 196а
нял их любезно и неоднократно делал предложения: дескать, если они останутся в его краю и поселятся, все, что требуется по части дружеского и внимательного отношения, будет действительно сделано. Са'āдат-ẋāн, отклонив это, доложил: «Мы прибыли сюда из Ирана, желая посмотреть Джеханабад. Мы просим, чтобы вы не препятствовали нам явиться для службы к высокой особе государя Индии[а] и позволили отправиться». Когда правитель Кабула увидел настоятельное желание этих людей, он дал им некоторые средства на расходы и то, что нужно для путешествия, — и в счастливый час они были им отпущены и отправились в Джелалабад. Не останавливаясь также и там, они направились в Пешавер, а оттуда в Лахор и по обычаю остановились в углу *рабāṭа*[64] для мусульман.

Случилось так, что деньги на расходы у них кончились и они были этим расстроены и обеспокоены. Когда они захотели двинуться в Индию, они все условились друг с другом, что оставят свой дурной разбойничий образ действий и такими делами больше заниматься не будут. Когда они прожили [в Лахоре] уже десять дней, они услышали крик *чāўшей* и *джāрчī*: «*Дўр бāш!*». Са'āдат-ẋāн спросил: «Что это за крик?» Кто-то сказал, что правитель этой области выезжает из крепости на охоту. Когда эти несколько человек узнали, что правитель отправляется на охоту, они подумали про себя: «Так как прошло несколько дней, как мы прибыли в эту область, и мы очень скучаем, — что случится, если мы поедем посмотреть на охоту индийцев?» С этим желанием они, подобно рассекающим ряды храбрецам, «утонули в море стали и железа»[б], по обычаю иранцев сели верхом и поехали на место охоты.

Охота продолжалась от восхода солнца почти до заката, и люди убили множество онагров, газелей, || зайцев и дичи и 196б
окрасили это место охоты кровью животных в цвет тюльпанов

[а] Буквально: «не затрудняли пожертвовать собою для трущегося о звезды темени государя Индии».

[б] Это выражение означает, что они надели доспехи.

и аргавана. Вследствие сильной жары Са'адат-хан поднялся с группой товарищей на песчаный холм, чтобы часок отдохнуть. В это время индийские воины гнались за дичью в той пустыне. Вдруг из укромного места вышел лев, сильный, как слон, и бросился на ту большую группу людей. Индийские воины, подобно стае лисиц, повернули из той долины назад и разбежались в разные стороны. В это время отец Закарийа-хана [а], человек старый и бывший правителем и полновластным лицом в Лахоре, также уйдя с пути того зверя, волей-неволей повернул назад и гнал лошадь куда попало. Лев растерзал несколько человек вместе с верховыми животными, так что в пустыне поднялись шум и сумятица. Когда Са'адат-хан увидел такое положение, он также сел на свою лошадь и, поглядывая во все стороны, погнал ее. Вдруг взгляд его упал на отца Закарийа-хана, который из страха перед львом бежал куда глаза глядят. Он подумал про себя: «Если я устраню причиняемое этим львом бедствие, я надеюсь, что по милости всемогущего господа я приобрету уважение и буду счастливым. Если же случится наоборот и я в этой степи стану пищей этого льва, я освобожусь от печальной судьбы и неудачной участи». Имея такое желание, он поступил в соответствии со священным стихом: «Кто полагается на Аллаха, тому этого достаточно» [б], — положил руку на рукоять острой хорасанской сабли и напал на льва. Это свирепое животное, заметив врага, повернулось в его сторону и стало копать когтями и разбрасывать землю. В это время правитель Лахора, увидев такое положение, подъехал к пяти товарищам Са'адат-хана и сказал: «Вы знаете меня?» Они доложили: «Ваша милость,
197а взгляните на удар руки нашего товарища!» Он повернулся || и стал смотреть, как Са'адат-хан приблизился ко льву, а тот прыгнул, чтобы разорвать, как холст, этого бесстрашного человека. Са'адат-хан нанес саблей удар по передней лапе льва и отрубил ее, как свежий огурец. Лев в крайней ярости нанес другой лапой такой удар по груди лошади Са'адат-хана, что разорвал эту

[а] Его звали Рахматаллах.

[б] Коран, 65, 3.

лошадь на части. Бесстрашный смельчак прыгнул и ударил льва саблей по пояснице с такой силой, что разрубил его пополам, и тот упал. Крик «Отлично! Молодец!» поднялся из среды людей той страны до седьмого неба Раҳматаллāх, правитель Лахора, увидев такой удар, немедленно сошел с лошади, поцеловал в лоб Са'āдат-ҳāна, подарил этому храбрецу лошадь с золотой уздечкой и полным убором и назвал при этом своим сыном. Когда вернулись с охоты в крепость, он приказал положить тело льва на повозку и привезти в крепость, чтобы люди посмотрели на него и всем были очевидны смелость и ум Са'āдат-ҳāна. У всякого, кто смотрел на этого мертвого льва, дрожь пробегала по телу из-за его страшного вида.

В этот день Раҳматаллāх-ҳāн роздал один лак [65] рупий [66] бедным и нищим за устранение этого несчастья и еще лак рупий назначил в подарок Са'āдат-ҳāну; [деньги] тотчас вручили ему. Рядом со своим дворцом он подарил ему высокий и обширный дворец и в течение года пожаловал столько золота и украшений, что в его доме находилось четыреста или пятьсот работников и слуг и каждый был занят каким-нибудь делом. Когда стали очевидны полная зрелость его ума и храбрость, его несколько раз посылали с пятью-шестью тысячами храбрецов на войну с афганскими эмирами, которые в тех областях проявляли непокорность. || Каждый раз он возвращался с победой и служил 197б искренне и с любовью.

Как-то между Раҳматаллāх-ҳāном и его двоюродным братом Кубāд-ҳāном возникла вражда. Несколько низких злоумышленников и лживых интриганов стали приверженцами этих двух лиц, сплотились около них и благодаря этому получали от них золото и украшения; некоторые, усердствуя в приверженности Кубāд-ҳāну, хотели его сделать правителем,— другие старались помогать Раҳматаллāх-ҳāну. Так как с обеих сторон пути к улучшению [отношений] не выявилось, приверженцы Кубāд-ҳāна послали к Раҳматаллāх-ҳāну старшин с сообщением: «Если ты хочешь, чтобы у нас были союз и единство, свяжи руки и шею нишапурцу Са'āдат-ҳāну и отправь к нам, чтобы мы его убили за незаконный поступок, совершенный им в отношении слуг

Қубāд-ҳāна, потому что во время войны с афганскими эмирами он убил двух слуг Қубāд-ҳāна за проступок с их стороны и несколько человек других отпустил, отрезав им уши и носы; за эти действия они очень обижены на Сa'āдат-ҳāна». Раҳматаллāх-ҳāн отказал в выдаче его. Когда их настояния достигли пределов чрезмерности, Сa'āдат-ҳāн, узнав об этом, сказал: «Если твое благо основано на моем небытии, то свяжи мне руки и шею и отправь меня к Қубāд-ҳāну». У Раҳматаллāх-ҳāна вследствие слов этого умного мужественного человека явилась жалость, и он сказал: «О сын! Я считаю полезным, чтобы ты сегодня ночью забрал своих работников и слуг и отправился в Джеханабад. Может быть, эта смута и беспорядок прекратятся». Сa'āдат-ҳāн согласился на это и в ту же ночь вместе с пятьюстами своих слуг и пятью прежними товарищами, забрав свое имущество, напра-
198а вился в Джеханабад. Три-четыре дня спустя || Қубāд-ҳāн узнал о бегстве Сa'āдат-ҳāна, и в конце концов установились единство и союз. Как-то в полночь один доверенный человек Қубāд-ҳāна вошел [к нему] в спальню, отделил его голову от туловища и принес Раҳматаллāх-ҳāну,— и смута и беспорядок в Лахоре полностью прекратились. Некоторое время спустя и Раҳматаллāх отдал разрушителю наслаждений[a] капитал жизни и распрощался с этим жилищем; сына его Закарийā-ҳāна утвердили вместо него на седалище управления.

Когда Сa'āдат-ҳāн прибыл в Шахджеханабад, Муҳаббат-ҳāн, принадлежавший к доверенным лицам двора Фарруҳ-сийара, довел до священного слуха, что Сa'āдат-ҳāн Нишāпӯрī, бывший на службе у Раҳматаллāх-ҳāна, прибыл на службу его величества. По приказу владыки мира в тот же день Сa'āдат-ҳāну дали чин тысячника, и он вошел в ряды великих эмиров. Несколько дней спустя группа из племени раджпутов закрутила поводья враждебности и с боем и смутой вошла в область Акбарабада. По приказу Фарруҳ-сийара было решено, что для наказания мятежников той области отправится Муҳаббат-ҳāн с шестьюдесятью тысячами славных индийских [воинов]; так

[a] То есть ангелу смерти 'Азрā'īлу.

как Са'адат-хан еще прежде заложил с ним основы дружбы, то направился в ту область вместе с ним. В пути чаша жизни Мухаббат-хана переполнилась, и он из кубка смерти вкусил неприятный напиток кончины. После этого ужасного события индийские начальники предложили всем разойтись и каждому отправиться в свою область. Са'адат-хан стал приводить в порядок войско[а] этих неединодушных: в ту же ночь собрал подчиненных и сопровождавших Мухаббат-хана, которых оказалось шесть тысяч человек, и присоединил к себе. Когда командующий звездным войском и восседающий на троне четвертой небесной сферы снял покрывало мрака и сел на свой престол[б], [Са'адат-хан] вошел в палатку Мухаббат-хана и вызвал всех начальников и значительных лиц. || Несколько человек отказались прийти: 198б
дескать, как смеет нишапурец Са'адат вызывать нас к себе? После этих речей они пробили в барабан похода и пошли к месту цели. Когда весть об уходе этой группы дошла до слуха того знаменитого[в], он спешно взял семьсот иранских *мулазимов* которые еще до того прибыли в Индию, и отправился вслед за той группой. Когда он приблизился, отряд был на марше. Он тотчас убил пять выдающихся начальников, из которых каждый имел ранг пятитысячника и четырехтысячника. Все остальные, увидев такое положение, остановились и успокоились. Са'адат-хан, вернувшись, приказал, чтобы барабанщики и литаврщики били в литавры о его начальствовании и полномочиях, а громогласные *джарчи* и красноречивые *накибы*[67] выкрикивали для сведения знати и простого народа поздравления и радостную весть о спокойствии. Когда индийские солдаты увидели такую его энергию и смелость, все из страха и боязни полностью подчинились и покорились и служили вполне искренне. Когда он достиг полного успокоения, он направился с победоносным войском для наказания племени раджпут. Пройдя [некоторое] расстояние, он встретился в пяти фарсахах от Акбарабада с тем

[а] Буквально: «стал тесьмою распадения листов», т. е. тою тесьмою, которою соединяются листы книги в корешке переплета.

[б] То есть когда взошло солнце.

[в] Имеется в виду Са'адат-хан.

сборищем, и между обеими сторонами произошло ожесточенное сражение. В конце концов, благодаря счастью лучшего представителя курлановой династии и высокой удаче Са'āдат-ẋāна, он нанес сильное поражение тому племени. Во время боя Са'āдат-ẋāн смертоносным копьем сбивал со слонов на землю предводителей войска и начальников солдат; многих из того племени он убивал и многих взял в плен живыми. Вещей, денег и прочего имущества столько досталось победоносным воинам, что ум не в состоянии представить это и перо бессильно описать.

199а С такой выдающейся победой он вернулся || в Шахджеханабад. После прибытия к шахскому двору он подробно доложил шаху о смерти Муẋаббат-ẋāна, беспорядке среди газиев, казни нескольких военачальников, обстоятельствах сражения с племенем раджпут, захвате предводителя того племени и другие сведения. Милостивый падишах вследствие пылкой преданности и смелости Са'āдат-ẋāна встал, поцеловал его в лоб, назвал своим сыном, дал ему в тот день чин семитысячника и почетное прозвище Кāфи[а].

От автора: Если счастье помогает, то поможет и судьба:
В войске Индии и Рума ты найдешь себе раба.
Нападет твой полк, и станет раджа пленником твоим,
Кровный враг твой станет близким твоим другом и родным.

Когда таким образом прошел один год, Фарруẋ-сийар распрощался с бренным миром[68] и внял призыву: «Возвратись к господу твоему»[б]. Одного из сыновей его назначили вместо отца. По истечении четырех месяцев эмиры того государства возмутились против него и падишахом сделали другого, по имени Рафи' ад-дараджāт. Царствование его продолжалось шесть месяцев; после этого эмиры низложили и его. В этот раз с помощью Са'āдат-ẋāна посадили на царский престол Муẋаммад-шāха, который был старшим сыном покойного падишаха, и стали [чеканить] монеты и [читать] *ẋутбу* на его знаменитое и уважаемое имя[69]. Самый важный чин в Индии — *бурẋāн ал-мулк*,

[а] Кāфи означает «способный, компетентный».

[б] Коран, 89, $_{28}$ (обращение к душе верующего).

и он был дан Са'āдат-ẋāну. Этот выдающийся хан двинул войско на окраины индийской страны и всех непокорных и мятежников тех областей одолел и подчинил вышеупомянутому падишаху. По приказу названного государя ему была дана должность правителя области Агра[a] и нескольких крепостей. Со дня на день его положение возвышалось и улучшалось. Словом, по получении письма Муẋаммад-шāха Са'āдат-ẋāн в короткое время собрал тридцать-сорок тысяч индийских воинов и приказал своему племяннику Абӯ-л-Мансӯр-ẋāну || прибыть с семьюдесятью тысячами человек. Сам он, получив приказ спешно выступить, отправился быстрым маршем к помянутому падишаху. 199б

Противодействие Муẋаммад-шāха счастливому государю, подготовка войска Индии и движение его с целью перерезать путь мирозавоевателя не скрылись от наблюдавших за движением, ибо когда Муẋаммад-шāх получил соответствующие действительности сведения о движении славных знамен счастливого правителя, он послал много писем и приказов во все страны Индии до границ Декана и Тибета и потребовал к себе войско из каждой области. За короткое время к падишаху явилось девятьсот пятьдесят тысяч солдат и было приготовлено две тысячи пушек и двенадцать тысяч *ṣаффӯзанов*[70]. Он приказал, чтобы сначала отправили артиллерию и до его выступления остановили [ее] на расстоянии одного фарсаха. Открыв казначейства, он роздал жалованье и дорогие подарки индийским солдатам и приказал некоторым из своих доверенных лиц отправиться в разные области Индии и, где бы ни оказался йог, *ḳаландар*[71], дервиш, предсказатель, колдун, заклинатель и волшебник, доставить их к его победоносной особе. Во время беседы [с этими колдунами] он приказал: «Так как держится упорный слух, что Нāдир есть божья сила и счастливый завоеватель стран и что в какую бы область и место он ни явился, он подвергает все истреблению и ограблению и жителей тех областей пленит и убивает,— то, если, не дай бог, он овладеет этой областью, он ни одного человека не оставит в живых и произведет всеобщее избиение.

[a] В тексте: سویه داری و صاحب اختیاری ولایت اکره

Нужно подумать об устранении этого и найти средство». Они не знали о смысле двустишия:

Когда господь светильник зажигает,
Кто дует — свою бороду сжигает.

Группа заклинателей и прочих приняла [к исполнению] этот нелепый приказ и приготовила то, что нужно для кол-
200а довства. || [Некоторые занялись этим в Шахджеханабаде, а некоторые отправились в свите победоносной особы и обязались во время боя сделать так, что огонь упадет на кызылбашское войско и целиком его сожжет и уничтожит. Другие из этой группы говорили, что во время построения рядов для боя и подготовки сражени они так крепко свяжут кызылбашские руки, что они совсем не будут в состоянии двигаться и разум у кызылбашей отнимется. Другие говорили: «Мы будем читать такие заклинания, что счастливец[а] со связанными руками и шеей будет доставлен во дворец падишаха». Одна группа доложила: «Мы устроим такой ураган, что все то войско будет уничтожено ураганом, молнией и сильным холодом». Словом, каждый делал заявления, какие хотел. Но десять йогов из области Декан, бывшие известными и знаменитыми в той местности, доложили: «Созвездие счастливой звезды мы видим очень высоко и по всем признакам мы думаем, что он[б] владеет полным счастьем и покорит Индию. Но если нас десятерых отпустят, мы поедем на острова Қāбӯнӯс[72], которые являются местом произрастания чудодейственных деревьев и трав. Там есть трава, на которой, если мы ее достанем, мы будем колдовать, и получится так, что Нāдир разгневается на жителей Ирана и все население той страны перебьет и ограбит, [так что], несмотря на процветание Ирана, разорит его и опустошит и в конце концов будет убит одним из жителей той страны». Александроподобный падишах был обрадован нелепым обещанием тех дурных людей, замысливших зло, и отпустил их. Десять йогов, бывшие [известными] аскетами Индии, вышли [из дворца] пади-

[а] Имеется в виду Нāдир-шāх.

[б] То есть Нāдир.

шаха Кӯркана и [занялись] делом, которое они согласились довести до конца через год.

Когда падишах || Индии приготовил свое войско, он пол- 200б
ностью успокоился и приказал, чтобы то огромное войско было приведено в порядок, село на коней с золотыми уздечками и выстроилось на обширной равнине к северу от Шахджеханабада, дабы недосягаемо высокий [a] государь выехал на смотр бесконечного войска и увидел свою мощь, пышность и величие. По приказу бесподобного государя чудесное войско выстроилось в той бесконечной пустыне по полкам и отрядам и показывало себя: некоторые — игрою в чоуган [73], некоторые — стрельбой, часть — скачками и часть — метанием дротиков,— каждый каким-нибудь образом показывал свое искусство и радовался. Высокосановный государь и группа его великих эмиров и благородных начальников сели верхом на быстрых коней с золотыми уздечками, поднялись на высокий холм и смотрели на те бесчисленные войска.

Когда Муҳаммад-шах увидел такую снаряженную армию и нарядное войско, он захотел увидеть конец ее и протяжение; это не удалось. Им овладело чрезмерное тщеславие, и он сказал: «Если каждый из моего войска бросит горсть земли на кызылбашских солдат, они скроются под покровом земли, и будет так, что следа от них не останется».

Он приказал, чтобы на несколько дней поставили палатки и ограды и чтобы музыканты и певцы приложили необходимое старание к [наигрыванию] мелодий и [пению] песен и игре на *чанге* и *ʿӯде* [74], [также] чтобы привели для танцев резвых слонов и забавных обезьян. Словом, в тот день разостлали в этом месте ковер веселья и разукрасили собрание подобно саду Ирама. В это время из района Амбалы прибыло несколько разведчиков и лазутчиков, и они доложили шаху, что счастливец эпохи, государь-мирозавоеватель прибыл с победоносным войском в район Амбалы, захватил этот город, отнесся к жителям этой местности очень внимательно || и милостиво и направился в эти 201а

[a] Буквально: «обитатель созвездия Плеяд».

пределы. Тимуроподобный[а] падишах, узнав о движении счастливого государя, убрал ковер веселья, и эти развлечения и радость сменились горем и печалью. Он отдал приказ ударить в барабан выступления и вместе с чудесным войском направился в Панипат.

Остановившись в этом месте, он прежде всего приказал, чтобы *сам̣сам̣ ад-даула* Хан-Даурān, который был *амīр ал-умарā* всей Индии, с восемьюдесятью тысячами человек в качестве авангарда армии занялся разгромом стремящегося в бой войска, а Музаффар-хān и Динāшур-хān, сыновья его, отправившись в разведку, показали бы свою зрелость и опытность. В правое крыло войска он назначил[б] Вāс̣илī-хāна, который был могущественным военачальником, с несколькими сердарами, а в левое крыло — эмира Гулī-хāна и ʿАлī-Мухаммад-хāна, сыновей Хасан-хāна Кūка, и Ашраф-хāна[в]; в тылу тех и других он поставил Агбар-хāна[г], ʿĀкил-бек-хāна, ʿАлī-Асад-хāна и Шахдāд-хāна[д] афганца. В центр войска он назначил *низām ал-мулка*, который был правителем семи областей Декана[ж] и *вакāл ас-салт̣ана*[75]. Камар ад-Дūн-хāна, бывшего главным везиром, и несколько других ханов он расположил резервом со ста шестьюдесятью тысячами человек, которых разбил на четыре отряда, и дал наставление войску, чтобы, если кто-нибудь из ханов, назначенных для боя, ослабнет, назначенный в помощь отряд подошел и не допустил бы поражения. Остаток войска[з] он поручил ханам и надежным начальникам, чтобы они под курковым знаменем приложили необходимое стара-

[а] Буквально: «имеющий в основе Тīмūра» (پادشاه تیمور اساس). Государи династии Великих Моголов были потомками Тīмūра, и потому употребленный здесь эпитет имеет два значения: «величественный, как Тīмūр» и «имеющий предком Тīмūра».

[б] Над словом «назначил» написано цифрами: 140 000.

[в] Над именем Ашраф-хāна написано цифрами: 130 000.

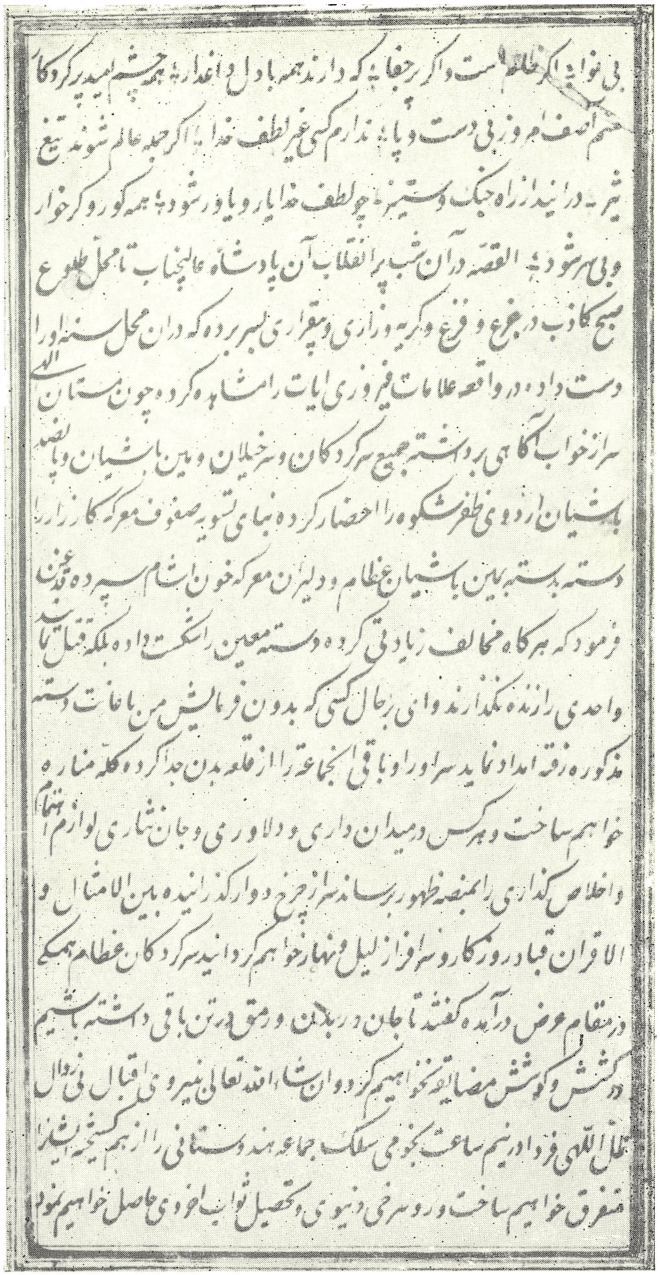
[г] Имя явно искажено.

[д] После имени Шахдāд-хāна над строкой написано цифрами: 100 000

[е] Над словом «назначил» написано цифрами: 110 000.

[ж] В тексте вместо Декан — Рекан.

[з] Наверху приписано цифрами: 44 000.

3. Рукопись сочинения Муҳаммад-Кāзима, т. II, л. 208а

ние и наблюдали за боем обеих сторон. Артиллерийских начальников по имени Баҳши и Мир-Калан он поставил в том месте во главе артиллерии, чтобы вели стрельбу ядрами и бомбами. Когда он установил этот порядок для войск, двенадцать тысяч избранных молодцов войска под командой Хан-Нийаз-хана он назначил в передовой отряд и для разведки, || чтобы они каждый 201б
день сообщали свежие сведения о движении мирозавоевателя.

Когда рассудительный падишах пробыл несколько дней в Панипате, до слуха его довели, что если он уйдет с этой стоянки и остановится на стоянке Карнал, то победоносное войско не будет чувствовать затруднений в [снабжении] водой и фуражом. Александроподобный падишах ушел с помянутой стоянки и на стоянке Карнал довел знамена пышности и славы до высшей точки подъема молодого месяца. Во-первых, он приказал, чтобы победоносное войско воздвигло вокруг себя неприступную стену с крепкими башнями и построило мощную и оборудованную крепость, а башни и окружающую стену укрепило бы пушками, крепостными мортирами (*хумбара*), фальконетами и льющими огонь *сафбузанами*. Передовому отряду он приказал пойти наперерез мирозавоевательному войску, каким бы то ни было образом добыть языка у тех людей и доставить к небесному двору. Он провел здесь несколько дней [в ожидании] прибытия Са'адат-хана: посылая одного за другим курьеров и гонцов, он требовал, чтобы [тот] явился как можно скорее. Са'адат-хан спешно в ночь на вторник пятнадцатого зу-л-ка'да помянутого года[а], час спустя после наступления ночи[б], прибыл в ставку Мухаммад-шаха и был удостоен шахского объятия. Вследствие прибытия этого высокосановного хана у всех людей лагеря и у Мухаммад-шаха появились радость и восторг в такой степени, как будто они получили вторую жизнь и новое существование; в ту ночь заставили литавры радости и курканов барабан бить [призыв] к бою. Каждый из сердаров и начальников хвастал бога-

[а] 24 февраля 1739 г.

[б] Так буквально; в действительности это значит: час спустя после заката солнца.

тырскими и полководческими качествами и обещал другому иранское имущество, вещи и пленных.

Однако Са'āдат-ӽāн, находясь в ту ночь у туркменского падишаха[a], исследовал вопрос об устройстве армии и полководческих качествах солнцевенечного эмира. Лазутчики давали сведения о войске, свите, рустемоподобных молодцах и победо-
202а носных богатырях. Са'āдат-ӽāн | был человек умный, деловой и в науке военного командования и ведения войны очень талантливый; от речей лазутчиков на его тело напала дрожь и сердце забилось в груди. В ту ночь он довел до августейшего слуха: «Да буду жертвой твоего справедливого порога! Я, жалкий и слабый, в течение сорока-пятидесяти лет проявлял в службе и самопожертвовании полную искренность и получал от этого вечного государства выгоды и пользу. В прошлую ночь я видел тревожный сон, и мне приходит на ум, что, если я доведу до августейшего слуха его действительное содержание, командующие, начальники и эмиры припишут [это] моей трусости и страху. Если всевышнему богу будет угодно, во время восхода мир освещающего солнца первым человеком, который вступит на поле битвы и будет рисковать своею жизнью на пути веры и вечного государства, буду я. Впредь поступай так, как ты считаешь полезным для своей власти». Когда небеснопышный падишах и могущественные эмиры услышали речь Са'āдат-ӽāна, все они опустили голову размышления на колени изумления. *Ҫамҫāм ад-даула-ӽāн*[76] сказал: «То, что ты сказал, есть сообщение о действительном. Но глаза этой армии обращены на тебя и твое войско. Тебе нужно за многолетнюю хлеб-соль августейшего правителя отплатить благодарностью и, не поскупившись на самопожертвование, поддержать полностью репутацию свою и своих детей». Са'āдат-ӽāн сказал: «Что нужно для самопожертвования, будет мною сделано». Словом, в ту ночь рвущееся в бой войско занялось приготовлением оружия войны; снарядили двенадцать тысяч боевых слонов, чтобы во время сражения пустить их в дело и разжечь

---

[a] То есть у Муӽаммад-шāха. Туркменами персидские историки того времени иногда называли чагатайцев, в том числе Бабуридов.

к битве. Са'āдат-ẋāн, проведя ту ночь в отдыхе у небесноподобного падишаха, об образе действий жестокой судьбы не знал и об обманах счастья не ведал.

|| Никто, кроме бога, не в силах узнать, 2026
Что хочет судьба с нами завтра сыграть.

Выступление войска, подобного граду, и завоевание крепости Амбала

Кто повесть старинную эту писал,
Тот так о герое своем рассказал:
Трон счастья великий любимец судьбы
Добыл себе после удачной борьбы.

Венценосный государь и высокосановный эмир выступил из области Лахора с огромным войском и поводья движения направил в сторону Амбалы. Прежде всего он назначил в тот город Ẋāджī-ẋāна Курда с двенадцатью тысячами отборных победоносных воинов, чтобы, если до прибытия августейшей особы[а] в течение одного дня не сдадут крепость, взять ее приступом и жителей подвергнуть всеобщему избиению. Этот высокосановный хан подошел к крепости, охватил ее кругом, как камень в перстне, и [уже] хотел приложить старание к уничтожению ее, как начальники и вожди города явились к этому высокосановному хану с большими подношениями и подарками, вдели в ухо серьгу подчинения и покорности счастливому государю и доставили много провианта в виде зерна и прочего необходимого. На другой день показались признаки победоносного войска, и знамена величия и славы были подняты в той области до высшей точки стояния молодого месяца. Жители той местности были удостоены чести поцеловать порог правителя мира и стали объектом бесконечных милостей мирозавоевателя. Счастливец эпохи полностью успокоил жителей той местности и оставил в тех пределах имущество, грузы и обоз войска[б].

[а] Буквально: «августейшей свиты».

[б] На полях приписка: «оставил там уважаемый гарем под начальством Ни'мат-'Алī-ẋāна».

Во время выступления из Лахора он отправил в войско Мухаммад-шаха *сарханги*[77] Зид-хана[a] в качестве шпиона. Этот знаменитый *сарханг* и два дервиша-послушника приняли вид индийских йогов, и, пройдя расстояние, они прибыли в ставку Мухаммад-шаха в виде странствующих дервишей. Сколько он ни старался определить [численность] того войска, ему не уда-
203а лось. От самого || Джеханабада до Карнала он шел с войском Мухаммад-шаха. Из-за многочисленности войска им овладел страх, ибо больше того было невозможно представить. Как-то ночью он захотел отправиться в ставку счастливого государя. Он подумал про себя, что уйти с пустыми руками совсем глупо; лучше пойти в палатку одного из важных ханов, взять для себя немного золота и украшений и отправиться к месту назначения. С этим желанием однажды в полночь он вошел в палатку Камар ад-Дин-хана и сначала хотел отрубить ему голову и заняться намеченным делом; но потом он испугался взыскания и допроса счастливого государя и отказался от своего намерения. Однако пояс с кинжалом, ручка которого была усыпана изумрудами и яхонтами, сабельный убор и несколько золотых кубков и чаш, украшенных драгоценными камнями, он положил в пояс, вышел из палатки, убил стороживших у палатки четырех часовых, ушел из лагеря Мухаммад-шаха и направился в лагерь мирозавоевателя. [Здесь] он доложил шаху о многочисленности индийцев, прибытии Мухаммад-шаха в Карнал и хвастовстве индийских военачальников и сказал: «Если бы я не побоялся счастливого государя, я убил бы и Камар ад-Дин-хана и представил бы его голову светлейшей, священнейшей особе». Государь-мирозавоеватель сказал: «Для чего ты ходил в его палатку?» Тот доложил: «Так как во время отъезда из Джеханабада я каждый вечер ходил под видом странствующего монаха в его палатку, получал из его кухни немного пищи и вина и съедал, то в ту ночь, когда я решил вернуться, я сказал: немного средств на расходы в пути нужно иметь. Волей-неволей я пошел в его

[a] Писец не разобрал это имя и писал صاد خان и ضاد خان; то и другое — искажение.

палатку, взял немного вещей на расходы, четырем часовым в виде платы за посещение отрубил головы и прибыл во дворец убежища мира». Государь-мирозавоеватель сказал: «О старый вор-негодяй! || Дело было не в расходах на дорогу в 10—12 миль, — 203б
ты завладел имуществом и вещами Камар ад-Дин-хана. Принеси сейчас, чтобы я разделил с тобой пополам!» Зад-хан отказался от этого. По приказу владыки мира *фарраши* [78] вдели его ноги в *фалаку* [79] и нанесли ему по пяткам около сорока ударов палкой; он начал стонать и кричать и сказал: «Если прикажете *фаррашам* убрать руки, я представлю вещи и возьму [их] стоимость». Было приказано отпустить его. Он тотчас пошел и принес светлейшей особе помянутые вещи целиком и полностью. Владыка мира спросил: «Еще было?» Зад-хан доложил: «То, что было,— и есть то, что я представил». Снова ноги его вдели в *фалаку* и стали бить палкой. Зад-хан поднял крик и говорил смешные слова; мирозавсеватель очень смеялся. Когда Зад-хан увидел, что *фарраши* в битье нерадивсстн не проявляют и он уже достаточно вкусил палок, он закричал громким голосом и поклялся: «То, что я принес, это и есть [все], и я даю зарок больше правду не говорить». Владыка мира приказал оценить вещи и деньги вручить Зад-хану. Пссле пслучения денег он подошел к шаху и доложил: «Эти деньги взамен битья, которое я вкусил. Прикажите уплатить мне стсимссть вещей». Владыке мира речь его очень понравилась, и он подарил ему вещи. Сердар Зад-хан с веселым сердцем и в превосходном настроении пошел в свою палатку и стал молиться за государя-мирозавоевателя. Некоторые сведения о нем будут упомянуты, если богу будет угодно, в рассказе о положении в Индии.

Когда владыка мира и государь-мирозавоеватель выступил из Амбалы и направился в Карнал, группа мятежников и непокорных из афганского племени, которое жило в том районе, полностью положила голову || подчинения и нужды на землю 204а
унижения и сгорчения и явилась во дворец убежища мира. Победоносная особа в эти счастливые времена остановилась на берегу реки, поросшем многочисленными деревьями и зеленью; в это время победоносные дозоры задержали нескольких индий-

цев, возвращавшихся по торговым делам из лагеря Мухаммад-шаха на свою родину, и доставили их во дворец убежища мира. Когда у них навели справки о положении падишаха Индии, [они] доложили его величеству, что падишахские знамена остановились в районе Карнала и ожидают прибытия Са'адат-хана, чтобы после его прихода как можно быстрее направиться сюда. Упоминалось, что Са'адат-хан в течение этих нескольких дней прибудет к Мухаммад-шаху. Двенадцать тысяч человек из племени раджпут под начальством Джан-Нийаз-хана Узбека назначены в качестве передового отряда, а хан этот по известности и храбрости равен Джаханбахшу, сыну Фарамурза, сыну Рустама, сыну Дастана. В присутствии того падишаха[a] он обязался разбить кызылбашское войско и Надира Счастливца вместе с его сердарами доставить ко двору падишаха. Услышав эти речи, эмир-мирозавоеватель невольно улыбнулся. Но в это время Хаджи-хан Курд, Касим-бек каджар, Махмуд-бек и Мухаммад-'Али-хан афшар находились в присутствии священной особы. Когда они услышали хвастливые слова, Хаджи-хан доложил августейшему государю: «Если будет приказ мирозавоевателя, этот искренний слуга доставит счастливому государю головы Джан-Нийаз-хана и его воинов». Был отдан непреложный приказ, чтобы Хаджи-хан, выбрав шесть тысяч рустемопо-
2016 добных иранских молодцов, || направился быстрым маршем наперерез тем презренным.

Посылка счастливым мирозавоевателем Хаджи-хана Курда наперерез пути Джан-Нийаз-хана и одержание им победы

Что касается [индийской] стороны, то, когда согласно приказу Мухаммад-шаха дело передового отряда было возложено на Джан-Нийаз-хана, то есть [было приказано], чтобы он занялся этим важным делом, этот высокомерный человек, отдалившись со своим войском на четыре мили пути от лагеря своего падишаха, остановился на берегу реки в изобилующем расти-

[a] Имеется в виду Мухаммад-шах.

тельностью месте и назначил несколько своих опытных газиев в дозор, чтобы они несли караульную службу в месте прохождения войска противника и, если обнаружится какой-нибудь признак войска государя-мирозавоевателя, сообщили бы ему. Двое суток они[а] провели в этом месте в курении *чарса* и *бангаба*[80] и бесконечной болтовне: обещали друг другу имущество иранцев и сообщали радостную весть о [взятии] пленных. А Ҳаджӣ-ҳӑн Курд также остановился во время захода солнца на расстоянии одной мили пути, который оставался между ними[б], и ту ночь провел там в покое и отдыхе.

На другой день, когда лезвие меча утра рассекло темя индийца ночи и армию эфиопов мрака рассеяло авангардом войска света, сердар Ҳӑджӣ-ҳӑн двинулся с рвущимся в бой войском, и те шесть тысяч человек разделились на три отряда: в правом крыле [был] Ҡӑсим-бек ҡӑджӑр, в левом — Муҳаммад-ʻАлӣ-ҳӑн, в центре войска расположился сам Ҳӑджӣ-ҳӑн и назначил в окрестности несколько дозорных. В это время помянутый дозор доложил могущественному сердару[в], что несколько всадников показались на вершине песчаного холма и неизвестно, кто они и по какому делу были там. Сердар Ҳӑджӣ-ҳӑн взял десять победоносных воинов и тотчас стремительно напал на тех людей, которые были дозорными Джӑн-Нийӑз-ҳӑна: восемь человек из них он убил или захватил [в плен], а два человека бежали. || Когда 205 а
помянутый сердар выяснил обстановку, он тотчас послал обратно несколько человек и потребовал войско. Когда войско явилось к Ҳӑджӣ-ҳӑну, высокоблагородный сердар с знаменитыми начальниками признал полезным следующее: пока еще индийское сборище не решилось твердо на бой, мы направимся сразиться с ними до того, как они построят ряды, и расстроим их дело. Они осведомили об этом великих эмиров и благородных газиев, и все согласились с этим мнением. Подняли выше небес победоносные знамена, и, подобно потоку, падающему с высоты в ни-

---

[а] То есть Джӑн-Нийӑз и подчиненные ему командиры.

[б] Имеется в виду расстояние между лагерями Ҳӑджӣ-ҳӑна и Джӑн-Нийӑза.

[в] То есть Ҳӑджӣ-ҳӑну.

зину, эти шесть тысяч знаменитых всадников, бывших цветом кызылбашского войска, с острыми саблями и сверкающими, как молния, пиками двинулись на врага и, следуя один за другим, совершили нападение.

Когда те два бежавших человека прибыли к Джāн-Нийāз-ḫāну, они доложили ему: «Десять кызылбашских бойцов появились внезапно, как смерть, восьмерых из нас убили и пленили, а мы двое бежали и явились к тебе». Тот бесстрашный кровопроливец приказал пролить кровь этих двух несчастных и сказал: «Откуда у кызылбашского войска выдержка и смелость, чтобы десять человек из них могли пройти в это место!». Во время этого разговора, хвастовства и болтовни вдруг показались признаки победоносного войска. Пораженный Джāн-Нийāз-ḫāн побуждал своих газиев к бою, а племяннику своему Исфандийāр-ḫāну с группой бойцов приказал пойти наперерез кызылбашам и не давать им продвигаться вперед, чтобы в это время построить ряды для сражения и подготовиться к бою. Однако от этих оборонительных действий руки и сердца врагов ослабли, и они были заняты делами боя в стесненном положении. Исфандийāр-ḫāн,
205б который || всегда был известен как хвастун и обладал смелостью и быстротой, некоторое время держался при нападении и проявлял бесполезные усилия защищаться и противодействовать. В конце концов раненный, по различным рассказам, стрелой или случайной пулей, он отдал наличную жизнь принимающему души[а]. Так как тот отряд после его смерти остался без военачальника, то каждая группа там, где находилась, занялась своей собственной защитой; знаменитые бойцы и славные молодцы с четырех сторон общей массой, как поток, смели то разрозненное сборище, как пыль с лица земли, многих утопили в том глубоком море[б], а остальных рассеяли и, достигнув рядов Джāн-Нийāз-ḫāна, вступили в бой. В этой сумятице сражения Муḫаммад-ʿАлӣ-ḫāн қāджāр встретился с Джāн-Нийāз-ḫāном, и оба обменялись несколькими ударами копья. Муḫаммад-ʿАлӣ-ḫāн

[а] То есть ангелу ʿАзрāʾйлу.

[б] Морем здесь названа река.

одним ударом смертоносного копья в грудь освободил его от этого обмена, тотчас отрубил голову, насадил на копье и поднял. Когда индийское войско увидело своего сердара убитым, каждый, имевший силу ехать верхом, обратился в бегство; палатки, ковры, вьюки и грузы бросили и воспользовались оставшейся жизнью.

Стихи:

Спасаясь от львов, побежали газели,
И сил ни в руках не осталось, ни в теле.
Хотя они смелыми были и сами,
Но мчались, как серны, гонимые львами.
И весь этот строй смельчаков так помчался,
Что даже Эльбурс на кусочки распался.
Без платья бежит один, душу спасая,
Другой бросил шлем, от врагов убегая.
Все войско, в конец истощив свои силы,
В воде и огне свою смерть находило,
И с сотней уловок, усилий, мучений
Ушло только сто человек из сраженья.

Из тех двенадцати тысяч человек только небольшое число, смерть которых была отсрочена, благополучно унесло свою душу. Они пришли к Мухаммад-шаху || и доложили о происше- 20 а
ствии; от этих слов дрожь охватила эмиров и падишаха.

Такой овладел существом его страх,
Что с неба посыпался на́ землю прах.
От этого стал еще больше дрожать
И сгорбился он, и согнулася стать.
Сошли все индийцы от горя с ума:
Погибнут их семьи, погибнут дома.
У этого сын убит, там убит брат
И там же отец и два дяди подряд.
Злодейкой-судьбой перебиты они,
Живые остались совсем без родни.
Так в Индии эта злосчастная рать
Заставила всех безутешно рыдать.

Словом, по приказу рассудительного падишаха все начальники, командиры, великие эмиры и почетные сердары явились к обладателю благости и от овладевшего ими страха решили на этой стоянке Карнал построить сильное укрепление и приго-

товиться к бою. Поэтому они соорудили очень сильную и оборудованную крепость с прочными башнями. Вокруг той крепости расставили пушки и *ҫафбӯзаны* и выкопали глубокий ров. Со дня на день войска с окраин Индии [подходили] полками и присоединялись к армии Муҳаммад-шāха. Однако на Муҳаммад-шāха в ту ночь напал такой страх, что он каждую минуту давал наставления сердарам, начальникам и эмирам относительно защиты и охраны укрепления и о непроявлении нерадивости в сражении. Он говорил: «Если, не дай бог, произойдет несчастье с вашим войском, вы все погибнете». Сердары усмехнулись, услышав эти слова, и доложили: «Откуда сила и смелость у иранца Нāдира, чтобы противостоять нашему войску?» Так они говорили и веселили этим свое сердце.

Когда Ҳāджӣ-ҳāн, Муҳаммад-ʿАлӣ-ҳāн и Маҳмӯд-ҳāн одер-
206б жали такую || выдающуюся победу, государь-мирозавоеватель с ужасающим войском также прибыл на то место. Увидев эту битву, он счел ее хорошим предзнаменованием, роздал начальникам обильные подарки и оказал милости. В это время до его слуха довели, что завтра, в понедельник, Саʿāдат-ҳāн с большим войском прибывает в лагерь Муҳаммад-шāха. Был отдан приказ, чтобы Ҳāн-ʿАлӣ-ҳāн[a] и Ҳāджӣ-ҳāн Курд, взяв двенадцать тысяч человек, преградили дорогу Саʿāдат-ҳāну и постарались отбросить его. Согласно подлежащему исполнению приказу мирозавоевателя помянутые ханы двинулись с победоносным войском и направились наперерез Саʿāдат-ҳāну. ||

Пройдя около восьми миль, они оказались на расстоянии четырех миль от войска Муҳаммад-шāха. Туда, где были большие проезжие дороги, они выслали дозоры [с приказом], если обнаружатся признаки войска, сообщить им. Как раз в то время, когда отправляли дозоры, в это место прибыл кашмирский сердар Химмет-ҳāн. Ҳāн-ʿАлӣ-ҳāн и Ҳāджӣ-ҳāн, не приводя войско в порядок и не выстраивая рядов, сели на быстрых, как ветер, коней и сплошной массой сразу атаковали тот несчастный отряд. В течение одного часа между обеими сторонами шел бой. Так

[a] Наверху приписка: «гоклāн».

как у черного ворона нет силы выдержать удар высокопарящего царственного сокола и слабый воробей не может видеть орла, индийцы с криком «рам, рам!» в поисках [спасенья][а] бросились бежать и рассеялись подобно звездам Малой Медведицы. Кызылбашские газии обагрили и украсили поверхность долины кровью индийцев, как тюльпанами и аргаваном, а головы и руки богатырей сверкали на поле боя подобно мячам и палкам чоугана[б]. Победоносным газиям достались вещи и добыча того войска, а Химмет-хан был взят одним туркменом в плен.

Когда они прекратили усердное уничтожение [врагов] и успокоились, до слуха сердаров довели, что еще около || пяти- 207а
шести тысяч человек с имуществом и снаряжением[в] показались на этой равнине. Хан-'Али-хан гоклан с четырьмя-пятью тысячами славных победоносных воинов направился преградить дорогу тому отряду. А с этим отрядом было так: Са'адат-хан прибыл быстрым маршем в августейшую ставку, [причем] он оставил сзади обоз со снаряжением, а сам со всадниками на быстроногих конях прибыл к помянутому государю. Когда [люди] того отряда увидели признаки войска, они сказали себе: «Конечно, это Са'адат-хан послал помощь, чтобы мы привели обоз в лагерь в полной безопасности». Так они говорили, как вдруг кызылбашские газии окружили их и часть их убили, а некоторых, связав им руки, взяли в плен; остальных вместе с обозом Са'адат-хана погнали вперед и присоединили к войску Хаджи-хана.

Немногие ушедшие из этого сражения пришли к Са'адат-хану и рассказали ему о гибели [отряда] и ограблении [обоза]. Это известие распространилось по всему войску Мухаммад-шаха. Все сердары и солдаты вследствие этой страшной вести были охвачены страхом и ужасом. Люди, бывшие вне укрепления, воспользовались случаем и бросились внутрь его.

[а] Искажено: بتی جتی جویان, — вероятно, نجاتی جویان.

[б] То есть отрубленные головы катались по земле, как мячи, а руки валялись, как палки чоугана.

[в] В тексте *карханаджат*, то есть мастерские; в действительности это, конечно, обозы со снаряжением.

Что касается той стороны[a], то Ҳан-ʿАли-ҳан и Ҳаджи-ҳан, [возвратившиеся] с выдающейся победой, присоединились к победоносным войскам государя мира. Счастливый мирозавоеватель проявил в отношении их необходимое внимание и милость и наградил царскими халатами. Остановившись в ту ночь в двух фарсахах от ставки Муҳаммад-шаха, кызылбашские газии были заняты устройством своих дел и готовили орудия войны и боя и оружие сражения и битвы. В ту ночь рвущиеся в бой богатыри
207б и славные воины совсем не опускали спину отдыха || на постель покоя и постоянно думали, как опередить друг друга в завтрашнем бою. Все славные воины приняли обязательство, пока душа останется в теле, стараться в бою пожертвовать собою на пути истинной веры, не быть небрежными в искоренении врагов главы пророков и не проявлять легкомыслия.

В ту ночь счастливый государь, воздвигнув палатку поклонения, предался молитве и, обнажив голову, просил у щедрого бога победы, проливал кровавые слезы из скорбных очей и говорил:

Набросок: «О боже всесильный, тебя я молю
Меня не унизить и в этом бою.
Я поднят тобой до такой высоты
И сделал героем меня только ты.
Когда мое знамя в движенье пришло,
Повсюду молву обо мне разнесло.
Везде моей славы сияют лучи,
И ты ее в Индии не омрачи.
Пусть я непокорен и стыд потерял,
Кругом обесславлен и грешником стал,
Но все-таки я ведь воспитан тобой
И поднят высоко твоею рукой!
По милости только твоей, о творец,
Добыл я и славу и царский венец!
Я стал государем на диво царям,
Ты дал мне престол, и я правлю уж сам.
К тебе я взываю, в руках твоих власть:
Не дай мне на свете позорно упасть.
Победу мне в этом сраженье пошли

[a] То есть кызылбашского войска.

И в душу унылую бодрость всели.
О, сжалься над плачущим сердцем моим,
Ведь я лишь тобою всечасно храним.
Пусть я опозорен, потеряна честь,
Но сто тысяч войска, наверное, есть,
И если в моих это войско руках,
То волей твоею: ведь ты падишах.
Сюда из Ирана привел я с собой
Огромное войско, чтоб дать этот бой.
По воле твоей эта смута идет:
То яд смертоносный даешь нам, то мед.
Порадуй меня этим медом своим,
Конец положи всем печалям моим!»
Так он говорил, и при этом не раз
Горючие слезы лилися из глаз.
Дивлюсь я, взирая на нашу судьбу:
Кого ни возьму я: царя, голытьбу,
Беднягу несчастного иль богача,
‖Тирана бесстыдного иль палача, 208а
Когда поражает печаль их сердца,
Свой взор обращают они на творца.
Āçаф я, и нет у меня ничего,
Надежда моя на него одного.
Пускай целый мир ополчится войной
И будет пытаться вступить с нами в бой,—
Но если господь будет нам помогать,
Ослепнет, оглохнет и сгинет та рать».

Словом, ту полную волнений ночь высокосановный падишах провел в печали, страхе, плаче, рыдании и беспокойстве, пока его не одолела дремота, и во сне он увидел приметы победы. Когда пользующийся покровительством бога поднял голову ото сна, он вызвал всех начальников, командиров, тысячников и пятисотников победоносного войска, поручил высоким тысячникам и воинственным храбрецам строить отряды в ряды для боя и приказал: «Если противник, получив перевес, разобьет какую-нибудь часть [войска], даже перебьет [ее всю] и никого не оставит в живых,— горе тому, кто без моего приказа пойдет на помощь и окажет поддержку: я голову этого [военачальника] и каждого, кто выступит с ним, отделю от туловища и воздвигну [из этих голов] башню; а всякого, кто в борьбе, храбрости и само-

пожертвовании проявит необходимое старание и искреннюю преданность, подниму выше небесного свода и среди равных и близких сделаю Кубāдом [81] эпохи и окружу постоянным почетом» [a]. Все высокие начальники доложили: «Пока душа будет в теле, у нас не будет затруднения по части убийства и усердия. Если богу угодно, силою вечного счастья тени Аллаха мы завтра в полчаса астрономического времени разорвем нить индийского сборища, рассеем их и приобретем веселое лицо в этой
206 жизни и награду в будущей». || Милостивый падишах одобрил и похвалил этих уничтожающих врагов людей и разрешил им удалиться.

О сражении Нāдира эпохи с падишахом Индии Мухаммадом, о поражении государя Кӯркāна и о пребывании его в осаде по гордости и незнанию

На другой день, когда царь четвертого климата сел на голубого коня и лучезарным копьем разогнал и уничтожил звездное войско,—

Смеется в небе солнце и землю озаряет,
На смену темной ночи день ясный наступает,
Все звездочки померкли на небосводе синем,
Сияет лотос белый, куда мы взор ни кинем,—

государь-мирозавоеватель сел на коня с золотой уздечкой, приказал двинуть счастливые знамена и золотое надирово знамя и поднял величие и славу до небесной высоты. Он так построил правое крыло, левое крыло, центр и арьергард, что могущественные государи не видали подобного. В [один из] отрядов войска он [назначил] своего благородного сына Муртазā-Кулӣ-мӣрзу, который в том бою был назван Насраллāх-мӣрзой [82], и дал ему в помощь несколько опытных сердаров, а сам с пятьюдесятью-шестьюдесятью преданными гулямами занялся построением рядов для боя. В это время победоносные дозорные захватили несколько человек из индийского войска и привели к блистательной, счастливой особе. Когда он производил допрос

[a] Буквально: «...почетом ночью и днем».

этих злоумышляющих людей, они доложили ему, что Муҳаммад-шāх не начинает [сражение] из-за неприбытия Са'āдат-ҳāна, который в этот день прибудет в мир озаряющую ставку. Счастливый государь сказал: «[Мои воины] доставили мне вчера имущество и вещи этого [отряда] и доложили, что Са'āдат-ҳан прибыл к своему государю». Те люди [а] доложили: «Мы так поняли, как докладываем, потому что сегодня из Панипата || сообщили, 209а
что он выступил и прибыл в ставку своего государя»[6]. Счастливец эпохи сказал: «Может быть, другое войско придет к нему на помощь. Поскольку мы выступили, то лучше будет направиться восточнее ставки Муҳаммад-шāха и в дороге сразиться у Панипата, чтобы в случае, если прибудет откуда-нибудь [в] войско, не допустить соединения с ним». С этим намерением страшное войско подобно сильному грому и кипящему морю прошло мимо места построения рядов падишаха Индии и из той сбширной равнины направилось на восток от его лагеря.

Индийские дозоры доложили своему падишаху о движении [войск] счастливого государя. Муҳаммад-шāх сказал: «Его действия показывают его слабость, потому что он хочет отойти в сторону». Он приказал своим войскам также очистить поле боя и построить ряды в той стороне. По приказу падишаха Индии это бесчисленное войско направилось из укрепления в те пределы; привезли из укрепления на поле боя тысячу пятьсот пушек, а пятьсот пушек оставили вокруг крепости, которую раньше построили для себя. Двенадцать тысяч *сафпӯзансв* и двенадцать тысяч фальконетов с четырьмя тысячами снаряженных боевых слонов и огнеметами [83] расположили на поле боя. На правом крыле и левом крыле, в центре и на флангах расположились *самсам ад-даула* Ҳāн-Даурāн, Музаффар-ҳāн, *сашур ад-даула*, Вāҫилӣ-ҳāн [г], Са'āдат-ҳāн, эмир Гулӣ-ҳāн, 'Алӣ-Муҳам-

[а] То есть захваченные солдаты.

[б] Так буквально, с сохранением порядка слов. Ввиду отсутствия знаков препинания в персидском языке можно понять и иначе: «...сообщили, что он сегодня выступил из Панипата...» и т. д.

[в] Буквально: «извне».

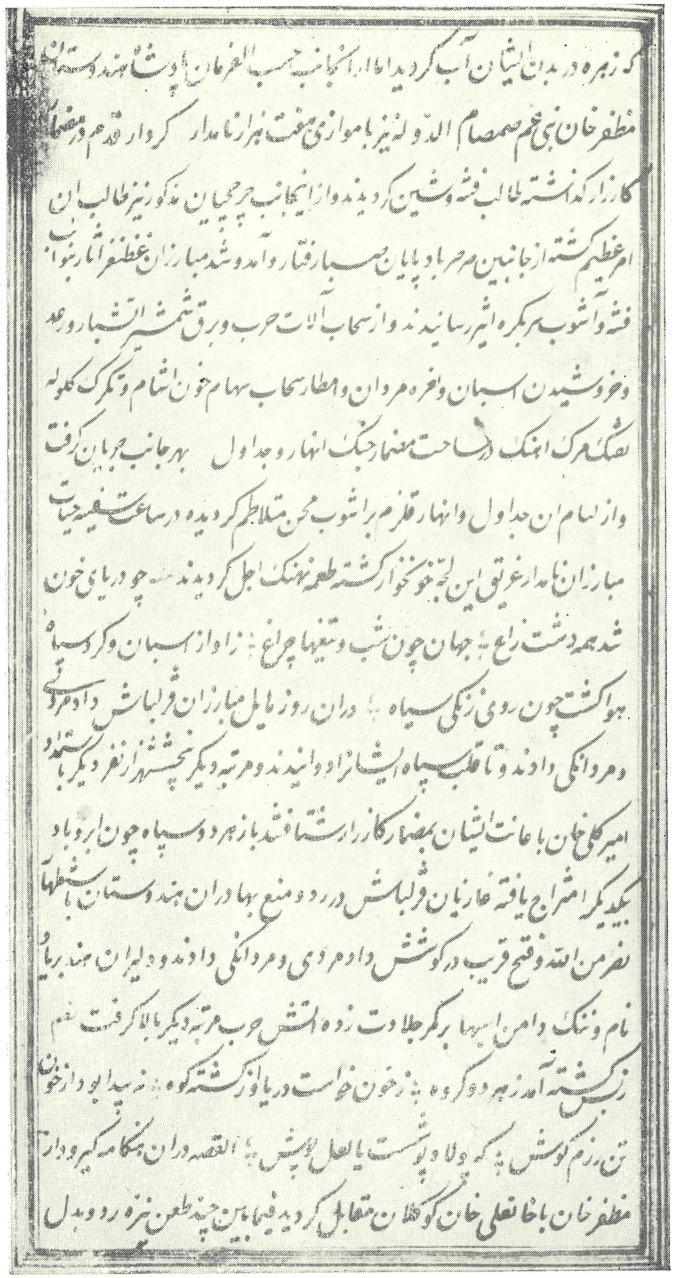
[г] В тексте: خان واصلی.

мад-ҳāн, И'тибāр-ҳāн, 'Ākил-бек-ҳāн, 'Алӣ-Асад-ҳāн, Шахдāд-ҳāн, Музаффар-ҳāн, Атāй-ҳāн и Нӯраллāх-ҳāн. Мухаммад-шāх, сев на белого слона, расположился впереди войска, и около два-
209б дцати тысяч || раджей самоотверженно окружили его, говоря: «Рам, рам!»[а]. Перед войском поставили разрушительные пушки и бесчисленные *сафпӯзаны* и с каждой стороны выстроили один за другим несколько рядов для боя. Сзади войска *низам ал-мулк*, великий везир Қамар ад-Дӣн-ҳāн, *сӯбадāр* Иҳлāс-ҳāн, Шахдāд-ҳāн афганец, Джанӣ-Қурбāн-ҳāн и несколько важных эмиров выстроили [свои войска], и они стояли сплошной массой до места укрепления на расстоянии более одной мили; вокруг себя они создали преграду из пушек и огнеметов. По словам внушающих доверие рассказчиков, [индийское войско] было раз в десять-двенадцать больше войска верховного турецкого паши 'Абдаллāха. Когда злостные индийцы и храбрецы сражений увидели это множество людей и скученность своего войска, они сказали про себя: «Если по числу небесных звезд, песков пустыни, деревьев и колючек кустарников все превратится в войско и нападет на нас, то от шума, суматохи, крика людей и ржанья лошадей все размякнет, как сироп[б], и уничтожится». Напустив на себя гордость и высокомерие, они занялись рассматриванием победоносного войска.

Счастливый государь и мирозавоеватель, сев на легкого, бодрого коня и построив один за другим семьдесят два ряда, своею драгоценной и всегда счастливой особой прибыл к помянутым рядам и стал приводить строй в порядок и расстанавливать по местам бойцов и командиров (*сарҳайл*) войска. Перед войском он поставил страшную артиллерию. Маҳмӯд-бек афшāр, Қāсим-бек қāджāр и Ҳāн-'Алӣ-ҳāн гоклāн в качестве авангарда, производя разведку, первыми вступили на поле боя и, забавляясь военными действиями, нагнали такой страх на сторожевое охра-
210а нение индийцев, || что желчь в их теле превратилась в воду.

[а] Здесь эти слова имеют значение «Слава! Слава!»

[б] В тексте ошибочно *кӯштāбӣ* вместо правильного *кӯшāбӣ*. Это сгущенный сок винограда, имеющий вид меда или патоки.

4. Рукопись сочинения Муҳаммад-Кāзима, т. II, л. 210a

По приказу падишаха Индии двоюродный брат *ṣамṣām ад-даула* Музаффар-ҳан с семью тысячами отличных...[а] вступил на арену боя, и они стали добиваться бедствия и несчастья; а с [иранской] стороны помянутые разведчики стали стремиться к этому великому делу, и с обеих сторон ветер от быстрых, как вихрь, коней и движения подобных львам бойцов вместе с бедствиями смятения и волнения достиг сферы эфира.

От тучи орудий войны, молний огненных мечей, грома и топота коней, крика людей, тучи разящих стрел, града пуль смертоносных ружей на поле боя во все стороны потекли реки и ручьи крови[б]. Из подобных[в] ручьев и рек образовалось полное несчастий бурное море; быстро корабль жизни знаменитых борцов погрузился в эту кровожадную пучину и стал пищей акулы смерти.

Стихи: Равнину всю залил кровавый поток,
Как ночью темно, лишь сверкает клинок.
От шума и пыли, людей и коней
Стал воздух той местности негра черней.

В тот ужасный день кызылбашские воины показали мужество и храбрость и гнали [индийцев] до центра войск. По просьбе эмира Гулй-ҳана еще пять-шесть тысяч человек поспешили на помощь на поле боя. Опять оба войска, как туча и ветер, смешались друг с другом, и кызылбашские газии в схватке с богатырями Индии, прося «помощи от Аллаха и близкой победы»[г], старательно проявляли мужество и храбрость, а смельчаки Индии, помня славу и позор, усиленно приготовились мужественно сражаться — и огонь битвы вторично вспыхнул.

Стихи: С потерями страшными гибнут войска:
Гора из убитых, из крови река.
Не видно среди окровавленных гор,
Лежат ли доспехи иль алый убор.

[а] Пропуск.

[б] Здесь слово искажено писцом.

[в] В тексте لسام; вероятно, لئام «подобный».

[г] Коран, 61, 13.

Словом, во время сумятицы сражения Музаффар-ханā встретился с Ханā-'Алī-ханом гоклāном; они обменялись несколькими
210б ударами копья, || и в конце концов от удара стрелы, попавшей в грудь Музаффар-ханā, он отдал душу тем, кто принимает души [а]. Эмир Гулī-ханā выстрелом из ружья отправил в вечный мир одного из славных азербайджанцев. Отряд без начальника повернул обратно с поля боя и отступил к своему войску. Когда Мухаммад-шāх увидел такое положение, он приказал выдающимся артиллеристам и искусным огнеметчикам открыть стрельбу разрушительными снарядами и огненными бомбами. Индийские артиллеристы открыли стрельбу, как из грозового облака. [Выстрелы из] ружей, громовой звук *бадлиджей* и *зарбзанов*, убийственные удары ружейных пуль сделали воздух места боя таким, как будто в пространстве мира в сторону касающегося неба знамени единоутробного брата счастливого государя Лутф-'Алī-ханā, стоявшего на правом крыле с Ханаджī-ханом Курдом, сыпался град. Авангард поля боя все время из-за сильного ружейного огня [б] отходил к тому победоносному войску; не раз у него было желание [в], так как ни у кого не было возможности стоять и держаться перед тем войском, но славный авангард, боясь гнева счастливого государя, проявлял необходимое мужество и держался стойко. Когда войско противника было близко к тому, чтобы вырвать из рук бойцов свободу действий на поле боя, а доблестный Ханā-'Алī-ханā отражал его атаки [г], государь-мирозавоеватель, видя такое положение, приказал [через] двух личных гулямов, чтобы авангард оставил поле боя, отошел в тыл войска Лутф-'Алī-ханā и остановился. Лутф-'Алī-хану было приказано, чтобы пешие ружейные стрелки и артиллеристы занялись стрельбой и проявили необходимое му-
211а жество. || Когда помянутые ханы [д] были освобождены от сраже-

[а] То есть ангелам смерти.

[б] Буквально: «вследствие силы ружейных пуль».

[в] Фраза явно незаконченная; автор хотел сказать, что у авангарда было желание отступить под защиту правого крыла главных сил.

[г] Буквально: «намерение».

[д] То есть Махмуд-бек, Касим-бек и Ханā-'Алī-ханā, бывшие в авангарде.

ния, те десять-двенадцать тысяч славных бойцов старательно занялись стрельбой из ружей, *бадлиджей*, *зарбзанов*, пушек, мортир (*хумбара*) и *сафбузанов*... [а], так что на земле поля боя от пыли, грома и урагана нельзя было различить, ночь это или день. Но еще восьмидесяти тысячам с артиллерией и ружейными стрелками, бывшим под командой *самсам ад-даула*, было приказано атаковать левое крыло войска, которым командовали Фатх-'Али-хан, брат Лутф-'Али-хана, Мухаммад-Риза-хан афшар, Музаффар-'Али байат, Мухаммад-Риза-бек муқаддам, 'Али-Мардан-бек афшар и некоторые другие начальники, и напасть с правого и левого крыла, из центра и с флангов войска Индии [б]. Государь и мирозавоеватель также приказал высокимтысячни. кам и почтенным пятисотникам ссвершить с двух сторон нападение; звуки боевых труб, литавров и боевых барабанов...[в] именитых-богатырей... [г] боевых коней поднялись с обеих сторон выше высокого неба,— и храбрецы той и другой стороны, сев на коней беды и несчастья, устремились отнимать жизнь друг у друга. [Всех] охватил величайший ужас, и [поле боя] стало подобным площади Страшного суда. Неутомимые кызылбашские храбрецы вышли с разных сторон этого внушающего ужас войска и стали старательно проявлять надлежащее мужество в уничтожении [врага]. Если погибал один отряд, другой усердствовал в бою; если, разбив какой-нибудь отряд, [кызылбаши] сами падали сверху [на трупы], как мусор, то другие со свежими силами приступали к бою... [д] войско Индии, часть стреляла из ружей, *бадлиджей* и *зарбзанов*, а часть начала пускать стрелы и... [е] стреляла так, что вследствие непрерывного мелькания [в воздухе] стрел... [ж] борцов-газиев, над полем боя образовался как бы

[а] Пропуск.

[б] То есть в атаке на левое крыло кызылбашей должны были участвовать войска всего индийского фронта.

[в] Пропуск.

[г] Пропуск.

[д] Пропуск.

[е] Пропуск.

[ж] Пропуск.

211б свод из древков стрел, || и те, кто пускал стрелы, не отдыхал ни одного мгновения.

Когда счастливец эпохи и государь-мирозавоеватель увидел, что возникло странное скопище, как удивительная сказка, так что друга не отличить от врага, и от множества индийских войск пыль, гром и ураган привели в изумление и омрачили всевидящее око судьбы, что время от времени первые и вторые ряды победоносного войска отступают, но благодаря стрельбе джезаири каждый миг и каждый час ряды индусов рассеиваются, как звезды Малой Медведицы,— владыка эпохи сошел с златоуздого коня на землю, бросил в сторону шахскую корону и надиров шлем, пролил алые слезы из полных крови глаз, положил на землю свое бесподобное лицо и стал, рыдая, говорить единому, всемогущему [богу]: «О отверзающий врата желаний и указывающий средства счастья! О раздающий щедрые дары и не отказывающий ни одному просящему! Ради приверженных к пути твоему, нуждающихся в царстве твоем, бодрствующих ночью и [молящихся] утром, ради стонов больных твоих, ради слез плачущих сирот твоих и мучительной сердечной боли вдов твоих, ради главы пророков и посланников и лучшего из предавшихся воле твоей, ради ʿАлӣ Муртазы и послушания прочих имамов-руководителей даруй мне, доведенному до крайности, в этот миг и этот час радостную весть о победе в этой полной опасности пучине и спаси все войско из этого полного потрясений урагана».

Словом, он час плакал и умолял вечного бога, пока его ума не достигли признаки победы и освежающий душу ветерок радостной вести. Он поднялся [с земли], надел надирову шапку с шахским султаном и вдел ногу в победоносное стремя: издал громовой крик...[а] и дал нескольким другим стоявшим [в резерве]
212а отрядам разрешение идти. || Страшные газии и благочестивые воители за веру, подобно яркой падающей звезде, снова вспыхнули пламенем в сторону индийских дьяволов[б]; быстрое нападе-

[а] Пропуск.

[б] По мусульманскому представлению падающие звезды — это небесные стрелы, которыми ангелы поражают демонов (см.: Коран, $37_{,10}$).

ние могучих газиев[а], как посох Мусы[б], положило начало уничтожению колдовства индусов. Проливающим кровь мечом, как смертоносной стрелой, они поражали[в] боязливое сердце противника, а тяжелой булавой [били] по голове воинственности и по сердцу страстной вражды. Словом, стремительные, как лев, газии и подобные леопарду борцы за веру проявили в тот ужасный день предел мужества и отваги, и большое число индийцев ударами меча и стрел уложили на землю несчастья, но индийские войска, как бы по уступчивости судьбы и...[г] земли были без...[д]. В стрельбе, работе кинжалами и уменье сражаться они усердствовали, насколько было возможно, и их артиллеристы ни на минуту не имели отдыха от стрельбы из пушек и ружей и от разжигания огня сраженья. Все время сто тысяч смертоносных ружей распространяли по свету призыв: «Когда...»[е],— и дым от их выстрелов делал сердце голубого неба неясным и темным, как ночь. Поэтому от убийства и...[ж] войска ими овладело изнеможение, а на стороне победоносного войска небольшое число неустрашимых газиев от ружейных выстрелов противника вкусило напиток мученической кончины. Надеясь на милостивые слова гласящего о сокровенном: «Кто сражается на пути божием, получит великую награду»[з],— они отправились в постоянное жилище. От сильного ветра этого события огонь пламенного гнева

[а] Буквально: «быстрая в нападении акула подобных льву газиев».

[б] Посох Мусы (Моисея) уничтожил чары волшебников фараона (Коран, 20, $_{5-975}$).

[в] Буквально: «делали меч собеседником сердца».

[г] Пропуск.

[д] Пропуск. Очевидно, пропущено «страха», ибо *бак* (страх) рифмуется с *хак* (земля).

[е] Пропуск. Здесь писец или сознательно не закончил арабскую фразу или не понял ее, как и многие другие места. Несомненно, что пропущен первый стих 99-й суры Корана: اذا زلزلت الارض زلزالها — «Когда потрясется земля сотрясением своим». Вся эта сура посвящена описанию начала Страшного суда. Махди-хан, описывая этот бой, приводит тот же самый стих Корана.

[ж] Пропуск.

[з] Коран, 4, $_{76}$.

александроподобного государя вспыхнул в его ревностном уме и пламя раздражения разгорелось в его пылком сердце. Трем
129б тысячам хорасанских джезаири, || находившимся под командой *мīнбāшī* Исма'īл-бека, сына Бāбā-Карīма Машхадī, был отдан строгий приказ приложить старание в стрельбе из джезаиров и продвинуться вперед для того, чтобы оказать помощь в случае, если произойдет беспорядок и в войсках будет слабость и расстройство. Разбив в первой и второй атаках строй *ṣамṣāм ад-даула-ḫāна*[a], они дошли до войска Са'āдат-ḫāна и порвали нить единства тех групп. В это время, когда порядок в индийском войске был расстроен и произошла сумятица, был отдан приказ, чтобы подобные страшным драконам и рычащим львам газии, курды, карачурлу, каджары, славные афшары, гокланы, всадники Ирака и Азербайджана, стоявшие под знаменем Насраллāх-мīрзы и ожидавшие разрешения счастливца эпохи, бросились в атаку. Бахрамоподобные воины погнали быстрых скакунов и, как голодные соколы, атаковали индийское войско. Опрокинув сначала в этой первой атаке помянутое войско, они повергли золотые и серебряные знамена Муḫаммад-шāха и внезапно, как смерть, напали для уничтожения того сборища. От удара копьем одного из славных афшаров *ṣамṣāм ад-даула-ḫāн* отправился в вечное жилище; 'Ашур-ḫāн и правитель (*ḥākим*) Бекхурā 'Алī-Муḫаммад-ḫāн были убиты мечами славных карачурлу. Когда Муḫаммад-шāх увидел такое положение, он соскочил со слона на землю и сел на свою верховую лошадь; группу окружавших его гулямов он отправил вперед, и все они отправились в укрепление.

Что касается Са'āдат-ḫāна, то во время сумятицы сражения он приказал направить в середину кызылбашского войска сна-
213а ряженных [для боя] слонов. || Помянутые слоны вследствие ран от [пуль] джезаиров и ружей повернули с поля боя, бросились на индийское войско и многих убили. Когда Са'āдат-ḫāн увидел это, он положил перед собой колчан со стрелами и из паланкина на [спине] слона стал пускать смертоносные стрелы

[a] Здесь и ниже звание *ḫāн* поставлено неправильно после *лақаба*.

В это время один видный воин карачурлу, по прозвищу Шахбāз-бек, приблизился к слону и бросил в него копье. Не успел Са-ʿāдат-ẋāн защититься, как он метнул копье ему в спину и сбросил его со слона на землю вниз головой; он хотел уже покончить с ним другим ударом копья, но какой-то индиец сказал: «Это Саʿāдат-ẋāн». Тот воин сошел с лошади, связал ему шею[a] и направился к мирозавоевателю.

Победоносное войско справа и слева было занято истреблением войска Индии, и лились Тигры крови.

От автора: Вступили иранцы с индийцами в бой
И вспыхнули снова старинной враждой.
От дыма ружейного мир почернел,
И взгляд в этом мраке от страха мертвел.
Такие послышались вопли и крик,
Что шум этот берега Инда достиг.
Индийцы мечами так сильно дрались,
Что всюду кровавые реки лились.
Удары и треск боевой булавы
До верха небесной дошли синевы.
Мечи извергали огонь, как вулкан,
И солнце окрасилось, как аргаван.
От множества дротиков, копий и стрел
Земной шар высоко над солнцем взлетел.
Посыпались копья над бедной землей,
Как будто дождь смерти весенней порой.
Катилась неистовых воплей волна,
Дрожали испуганно солнце, луна.
От дыма и пыли так было темно,
Как будто уж ночь наступила давно.
Холмы из убитых, из крови река
Остались в том месте, где были войска.
|| Из облака бедствий и муки злой рок 2136
Послал во все стороны смерти поток.
Как в схватке индиец и тюрок сплелись,
Так в небе ночь с днем воедино слились.
Поэтому мир, также став двух цветов,
Земле дал из барсовой шкуры покров.
Так белое с черным он вместе смешал
И этим нарядом эпоху убрал.

[a] Точнее: связал ему руки и привязал их к шее.

Сражались начальники войск впереди,
Со злобой рубились друг с другом вожди.
Знакомство со смертью свели коротко,
Душа расставалася с телом легко.
Разумный стремянный, совсем озверев,
Бросался на всех, как неистовый лев.
Как много желаний осталось в сердцах!
Как много надежд сдуло ветром, как прах!
Как много осталось умов без идей!
Совсем уж не видно с огнем фонарей.
Индийское войско везде в этот день
Попадало наземь, как черная тень.
Так были разбиты индийцы тогда,
Что мчались, как ворон летит из гнезда.
Низринулся златобашмачный [а] сапсан,
И был опрокинут блестящий Кӯркāн.
В плену оказалось во время войны
Немало эмиров индийской страны.
Удача теперь отвернулась от тех,
На долю Нāдира достался успех.
Индийского рода князья и цари,
Шеддадские, адские богатыри [84],
Высокосановный народ молодой,—
Все были убиты иранской рукой.
Приди, виночерпий! С вчерашнего дня
Ты выпей с похмелья да слушай меня!
Возвысить тебя коли нужно судьбе,
Монархов отдаст в услуженье тебе,
Войска тебе даст всех земель и царей,
Весь мир подчинит только воле твоей,
Унизит противников гордых твоих,
И будешь ты дерзким начальником их.
Таков уже нрав этой старой карги [б],
Что жить не дает никому без тоски:
То в жизни мученья, жестокостей тьма,
Иль полностью губит людские дома,
То счастье приносит, то радость дает,
То дарит богатство и жизнь без забот.
То разум приносит, талант иногда,

[а] Автор употребил эпитет «златобашмачный» потому, что у сокола-сапсана желтые лапы.

[б] То есть судьбы.

То власть к нам приходит, а то и беда.
Вот эта изменчивость в мире — закон.
Здесь Афрасиаб [85] был, здесь был Соломон.
Шайтаны, животные все целиком
Кто был Соломону слугой, кто рабом.
Но как-то ушел его перстень из рук,
И все его чары рассеялись вдруг.
‖Хоть Афрасиаб и великий был шах
И царствовал долго во многих краях,
Но жил неспокойно в владеньях своих,
Покамест Рустам оставался в живых.
Так, если судьба предлагает нам мед,
Другою рукою — отраву дает.
Индийский владыка по воле небес
За два часа боя утратил свой вес.
Войска необъятной индийской земли
В глазах всего мира разгром понесли,
Чтоб стал в этом мире Надир знаменит
И славой среди государей покрыт.
Но разве отдаться злодейке не жаль,
Отдать свое сердце на скорбь и печаль?
Не верь злой судьбе-интриганке, мой брат!
В натуре ее вероломство и яд.
Дела ее все — чародейство и ложь,
Деяния добрые — фокусы сплошь.
Не знаю, еще что о ней мне сказать?
Она — казначей, наше дело давать.
Без средств и без сил прозябаем в плену,
То мирно живем, то ведем мы войну.
Не знаю, что делать. Она — чародей,
И бог лишь защита для слабых людей.
Асаф! Наставленья свои прекрати!
Ты был постоянно на ложном пути.
Надежда моя на творца только та,
Что может спасти лишь его доброта.
Я не из таких, чтоб умолкнуть... о, нет!
Скажу хвалу богу, а людям привет.
Затем ставлю целью себе рассказать,
Как била индийцев надирова рать. 214а

Словом, индийское войско вследствие ударов меча иранских победоносных молодцов, повернув с поля боя, обратилось в бегство и бросилось в укрепление, которое ранее построило для себя.

Было убито около трехсот-четырехсот ханов, султанов[86] и именитых эмиров, которые были семитысячниками, восьмитысячниками и четырехтысячниками[а]. Другая группа в числе около трехсот важных эмиров была взята в плен.

Са'адат-хана, связав ему голову и шею, привели к священной особе. Государь-мирозавоеватель спросил его красноречивыми
214б словами: «Не ожидали мы от тебя этого спора, войны || и хлопот. Так как ты принадлежишь к людям Ирана и в Индии стал обладателем богатства, славы и величия, тебе как большому человеку (*кадхуда*)[87] следовало в союзе и единстве не допускать, чтобы дело дошло до этого». Са'адат-хан доложил: «Сейчас уже более сорока лет, как я получил от Мухаммад-шаха титул султана, полновластие и величие сверх пределов и стал важнейшим из эмиров Индии. Острым мечом все области Индии, отвратившие голову от повиновения и подчинения помянутому падишаху, я снова привел к послушанию и покорности. Мог ли я ради пяти дней суетной жизни опозорить очаг иранского народа[б]? Ибо если на другой день кто-нибудь из помянутой страны прибудет в эту страну, не подвергнется ли он упрекам и порицанию со стороны жителей Индии, и не скажут ли, что нишапурец Са'адат прибыл в эту страну с лошадью и плетью, стал правителем семи областей Индии и командующим в этой стране и в конце концов, ради двух дней жизни в презрении, сговорился с иранцами и отказался признавать право Мухаммад-шаха на его многолетнюю благодарность. До дня Страшного суда я подвергался бы проклятиям и упрекам. Мое самолюбие хорасанца не было лишено рвения и чести, я сделал свою грудь щитом и проявил надлежащую твердость и упорство, чтобы впредь не заслуживать порицания и упреков со стороны жителей Ирана и Индии. Так как постоянное счастье мирозавоевателя было редкостью, я и вызвал негодо-

---

[а] Против этого места на полях приписка: «В этот день было убито из индийского войска около пятидесяти тысяч человек».

[б] Будучи хорасанцем, Мухаммад-Казим называет очагом иранского народа Хорасан.

вание и гнев счастливого правителя [а]». Владыке мира очень понравились мужественные слова Са'āдат-ẖāна; он приказал отвести его в отдельную палатку и велел искусным лекарям постараться вылечить его рану таким образом, чтобы здоровье быстро вернулось к нему. Но его рана || была неизлечима, и он через 215а
три дня отдал свою душу творцу душ.

Когда победоносное войско, усердствуя в истреблении того племени и преследуя его до линии укреплений, повергло на землю унижения и презрения и убило около двадцати тысяч тех злополучных людей, оно окружило укрепление Муẖаммад-шāха, как камень в перстне. Счастливец эпохи после поражения Муẖаммад-шāха бросился на землю, сделал несколько благодарственных земных поклонов богу и приказал поставить палатки и надиров царский шатер в том самом месте, где были одержаны победы. Эмиры, выдающиеся бойцы, богатыри, герои и пехлеваны полками и отрядами являлись к победоносной особе и владыке мира с многими [отрубленными] головами и живыми [пленниками]; одобряя и хваля каждого из выдающихся и смелых людей, он оказывал им честь подарками, халатами и ласками сверх меры. В этот радостный день своего достойного сына, именовавшегося Муртаẓа-Ḳулӣ-мӣрзой, он назвал Наṣраллāх-мӣрзой. Аллах творит то, что хочет.

Получение Муẖаммад-шāхом пощады от владыки мира и предоставление ему чести посещения благородного порога

Когда при поддержке всемогущего и всевышнего [бога] и в силу постоянной удачи бесподобного счастливого государя стала очевидной такая выдающаяся победа,— по слову священного стиха: «Подлинно, мы одержали для тебя явную победу» [б],—

[а] Смысл этой фразы таков: «Так как мирозавоевателю и здесь сопутствовала постоянная удача, я был побежден и подвергся его гневу». Можно было бы сконструировать фразу проще и логичнее, но автор ввернул слово *нāдира* (редкость, диковинка), чтобы получилась игра слов по созвучию с именем Нāдира.

[б] Коран, 48, 1.

Муҳаммад-шāх со всем своим войском и высокими эмирами засел в той самой крепости, которую ранее построил для себя, и в голове и груди у него утвердились печаль и горе; каждую минуту ему было стыдно своих действий, и он боролся со своим несчастьем. Он так советовался с оставшимися эмирами и вельможами: «Если мы приостановим войну, уйдем в Шахджеханабад, откроем казначейство и снова наберем триста тысяч || человек, то на этот раз победа, может быть, будет наша». Бестолковые эмиры согласились с этими словами. Но владыка мира держался правильного мнения относительно подавления противника: он поручил победоносным эмирам и газиям окружить индийское укрепление, чтобы преградить пути и дороги, дабы никто не мог привезти их войску продовольствие. В том числе он приказал Ҳāн-ʿАлӣ-ҳāну гоклāну, Муҳаммад-Риẓā-ҳāну Курду, Ибрāхӣму...[a] и Қāсим-беку қāджāру с отрядом победоносных солдат, смелых, как Бахрāм, *қӯрчӣ*[88], гулямов, подобных Сатурну, и *мулāзимов* великих эмиров, — всего их было десять-двенадцать тысяч отличных всадников,— вырвать из рук индийцев путь [из] Панипата, находиться там и действовать так, чтобы закрыть дорогу в Шахджеханабад и другие пути, дабы продовольствие и необходимые припасы не привозились в индийский лагерь. Согласно приказу владыки мира этот [отряд] направился на помянутую дорогу и не допустил движения ни одного человека из укрепления Муҳаммад-шāха. С другой стороны, приближенный к государю афганец Ганӣ-ҳāн абдāлӣ с полком победоносных солдат по приказу владыки мира поднял знамя движения в сторону кашмирской дороги, потому что в той области нагрузили продовольствием и фуражом десять-двенадцать тысяч вьючных животных с целью доставить [эти припасы] в ставку Муҳаммад-шāха; все было захвачено помянутыми газиями, и та дорога была закрыта. На шахджеханабадской дороге [обоз из] тридцати-сорока тысяч верблюдов, слонов, мулов и лошадей, на которых погрузили продовольствие и фураж и везли для войска Муҳаммад-шāха в сопровождении Иʿтимāд-ҳāна Ҳоджи и Шахбāз-ҳāна Ӯзбека, был встре-

[a] Пропуск.

чен на стоянке Панипат победоносным войском Ҳāн-ʿАлī гоклāна и прочими, и между обеими сторонами произошел трудный бой: благодаря удаче счастливого, как Фарīдӯн, падишаха || Шах- 216а
бāз-ҳāн и Иʿтимāд-ҳāн были разбиты и бежали. Большое число их солдат погибло от меча и стрел газиев-мирозавоевателей, шахджеханабадские дороги были закрыты, и помянутое имущество и вещи были посланы счастливому мирозавоевателю. Таким образом закрыли все дороги и пути полностью, так что ни у кого не было возможности войти или выйти из ставки Муҳаммад-шāха, и, если кто-нибудь пытался выйти из укрепления, победоносные воины убивали его.

Великий страх и ужас овладели Муҳаммад-шāхом и его сановниками-эмирами; люди погибали от отсутствия пищи, животные — от недостатка фуража; верховые животные все пошли на пастбище небытия, и у большинства людей от бессилия была отнята возможность встать и сесть. Государем-мирозавоевателем было приказано, поставив артиллерию вокруг того неприступного укрепления, заняться его разрушением и со всех сторон закрыть Муҳаммад-шāху путь бегства и надежды. Когда помянутый государь увидел себя окруженным со всех сторон водоворотом бедствий, то сколько он ни совещался относительно бегства и сколько ни советовался относительно спасения с высокосановными эмирами и почтенными приближенными, кроме подчинения и повиновения [они] выхода не находили. Волей-неволей в четверг помянутого месяца [89] слабый и растерявшийся, он обратился к посредничеству. Он послал во дворец правителя мира верховного везира *низāм ал-мулка* с несколькими толковыми почтенными эмирами, с[видом] слабости и огорчения, и обильной лестью просил мира и заявлял о подчинении: дескать, может быть, таким путем из этого водоворота бедствий он доведет пожитки жизни до берега спасения. После прибытия послов в тот халифский дворец, когда они доложили подножию халифского престола счастливого государя о своем положении, подчинении и повиновении, великодушный государь поступил по смыслу неподражаемых слов главы || святых, то есть ʿАлī Мур- 216б
таҙы:

Когда ты одолеешь врага, вот мой совет:
Прости его, ведь в мире людей безгрешных нет.
Но если в его пользу не скажут ничего,
Твое великодушье не защитит его,—

и милостью, высоким благоволением, умом, милосердием, справедливостью и щедростью надировой сделал очевидными свое великодушие и благородство. Обещанием мира он простил этих презренных людей и, обласкав и одарив послов, согласно их требованию отправил обратно. Когда послы заявили об отсутствии фруктов, он отправил для златовенечного государя с одним-двумя из своих доверенных людей около тридцати верблюдов с фруктами, съестными припасами, шоколадом и сладостями. После прибытия туда помянутые послы доложили о доброте и снисходительности Надира, о том, что он простил их вину и пощадил во всех отношениях, и о прочих пунктах. Вышеупомянутый падишах каждому из двух высокодоверенных лиц, доставивших съестные припасы, дал тысячу туманов и с несколькими другими лицами отправил во дворец мирозавоевателя. Было решено, что на другой день помянутый падишах с эмирами и вельможами прибудет к небесновысокому порогу счастливого правителя и будет иметь беседу.

Когда владыка эпохи узнал о прибытии падишаха, лучшего представителя курковой семьи, он тотчас же приказал, чтобы высокие военачальники, благородные *минбаши* и победоносные газии, украсив себя серебряными и золотыми одеждами [а], а другие, «погрузившись в море железа и булата», сели на коней с золотыми уздечками и построились по четыре-пять в ряд от выхода из укрепления Мухаммад-шаха до высочайшей ставки, то есть на расстоянии двух законных фарсахов. Группе высоких ханов и знатных командиров было приказано пойти для встречи
217а до места укрепления помянутого падишаха || и, как только просвещенный падишах выйдет из укрепления, совершить необходимые поклоны, какие *мулазимы* делают государям, всем сойти с лошадей и с поводьями в руке [б] идти пешими полмили; когда

[а] То есть одеждами, расшитыми серебром и золотом.

[б] В тексте ошибочно: «в удилах поводья». Здесь явная несуразица: ведь сначала нужно спешиться и уж потом делать поклон.

помянутый падишах несколько раз потребует сесть верхом — сесть и по правилу слуг следовать сзади него плечом к плечу с прочими *мулазимами*. Словом, он дал помянутым командирам правила встречи и отпустил.

Просвещенный [индийский] падишах с Камар ад-Дин-ханом, *низам ал-мулком* и прочими сердарами и *субадарами* Индии, выйдя из упомянутого укрепления, направился во дворец, являющийся местом земных поклонов государей. Как было упомянуто, все сердары и военачальники встали у начала укрепления, у выхода, напротив небеснопрестольного государя и удостоились поклониться шаху. Когда он проехал около мили и о его прибытии было сообщено владыке мира, обнаружились знаки шахиншахской милости: по приказанию счастливого государя знаменитые эмиры, высокосановные везиры, могущественные *садры*[90], пышные *курчи*, блестящие сотники и прочие чиновные и должностные лица отрядами и группами приступили к встрече и удостоились поклониться ему. Счастливый падишах[a] рассмотрел каждого соответственно его рангу и разрешил ехать. Когда осталось около полумили пути до высочайшей ставки, по приказу мирозавоевателя его старший славный сын Насраллах-мирза с достославными чинами августейшей канцелярии и личным *надимом*[91] счастливого государя Назар-'Али-ханом направился для встречи.

Когда показался кортеж помянутого государя, Насраллах-мирза с прочими великими эмирами сошел с высокого вороного коня, и все эмиры удостоились поклониться шаху, || а Насраллах- 217б
мирза побежал вперед и хотел коснуться своим небесным лицом ноги и стремени его; благородные *ишик-акаси*[92] доложили помянутому государю: «Это Насраллах-мирза, дорогой сын его величества счастливца эпохи, поспешил навстречу и желает поцеловать стремя». Помянутый государь был очень обрадован прибытием Насраллах-мирзы; не допустив поцеловать стремя, он поцеловал его в лоб и приказал сесть на лошадь и ехать рядом с ним. Несмотря на чрезмерные предложения помянутого пади-

[a] Наименование Мухаммад-шаха счастливым (صاحب اقبال) показывает, с какой щедростью и безразличием наш автор раздает пышные эпитеты.

шаха, Наср-Аллах-мирза, соблюдая вежливость, ехал сзади; таким же образом эмиры и вельможи отрядами и группами следовали друг за другом и были обрадованы и осчастливлены августейшей беседой. Каждому он оказывал милость и одаривал достойно и соответственно их положению, и благодаря обилию милостей и большой скромности он сеял семя любви на ниве сердец их.

Таким образом, почти до халифского дворца на каждом шагу — группа и в каждом месте — толпа спешила навстречу, и получилось такое стечение [людей], что в каждом углу той степи [была] тысяча войск и ратей; праздник Ноуруз смотрел с беспокойством на это радостное торжество [а]. Когда это движение окончилось у края места [расположения] шатра прибежища государей, он [б] сошел со скачущего до неба [в] коня и направился вместе с Наср-Аллах-мирзой, Назар-'Али-ханом и Мухаммад-'Али-ханом афшаром к месту могущества и счастья.

Когда мирозавоеватель увидел издали Мухаммад-шаха, он из шатра, в котором сидел, перешел для оказания почета под тент, который поставили перед шатром славы. В том небеснопышном месте два великих государя [г] крепко обняли друг друга и стали обмениваться рукопожатиями и объятиями. Так они пошли вме-
218а сте в || небоподобный шатер и уселись рядом на троне пышности и великолепия. Его величество счастливый государь из любезности и благосклонности, оказывая почет и уважение, составляющие необходимую принадлежность скромности и исключительности, сказал: «Так как наша августейшая особа известна [как принадлежащая] к племени афшар, а афшары являются одной из ветвей туркмен и наши отцы и деды принадлежали к туркменской семье, то в таком случае эти два государства свя-

---

[а] Новогодний праздник Ноуруз (день весеннего равноденствия 21 марта) отмечается в некоторых мусульманских странах, в особенности в Иране, большими торжествами. Автор хочет сказать, что встреча Мухаммад-шаха превратилась в такое торжество, что и Ноуруз позавидовал.

[б] То есть Мухаммад-шах.

[в] Буквально: «место назначения которого — небо».

[г] Буквально: «у которых небесный свод является слугой».

заны со славным племенем кӯркānов [93], и целью нашего прибытия в эти области является лишь встреча с вашей высокосановной особой». В общем, он сказал много дружеских и братских слов и мягких речей, так что помянутый государь успокоился.

Разговор этих двух небеснопышных государей продолжался около часа: по окончании беседы и царской трапезы Муḥаммад-шāх перешел в шатер, который назначили для сидения и отдыха и который был рядом с царской ставкой счастливого государя. Знаменитый сын мирозавоевателя Наср̣аллāх-мāрзā, сидевший вместе с правителем Муḥаммад-шāхом, пошел в то благополучное место. Пробыв около часа, он получил разрешение вернуться и поспешил в свое жилище[а]. Эмиры и чиновники помянутого государя расположились вокруг него, кроме *низāм ал-мулка*, который по приказу владыки мира пошел в лагерь Муḥаммад-шāха для успокоения [войска], осчастливил индийское войско падишахскими милостями и благоволением и всех успокоил.

Пробыв около часа в палатке, помянутый падишах послал со своим доверенным лицом в мир украшающий шатер *джāḳа* [94]... [б] и падишахскую ....[в]. Счастливец эпохи сказал: «В скором времени я опять отдам падишахскую власть в этой стране в || его 218б
крепкие руки». Однако после посылки помянутых предметов Муḥаммад-шāх вызвал на уединенную беседу двух своих личных *надāмов* и наиболее разумных людей и жаловался на действия и поступки несправедливой судьбы и коварного рока, слезы сожаления лились из его очей мудрости, и невольно этот могущественный, как небо, падишах плакал. Помянутые приближенные, вступив на путь наставления, доложили:

«Да будем жертвой твоих алых[г] слез! Не следует печалиться и огорчаться из-за высокого положения судьбы и перемены дня и ночи, ежедневно вращающихся около человека, потому что они проходят, как волна. Вероломная судьба в короткое время урав-

[а] Речь идет о Наср̣аллāх-мирзе, назначенном состоять при Муḥаммад-шāхе.

[б] Пропуск.

[в] В тексте مهارقب; может быть, چهارقب (мантия)?

[г] То есть кровавых.

нивает счастье и беду; каждое солнце счастья она в скором времени сведет к закату небытия, и каждый вечер несчастья быстро сменится утром удачи. Ни от того не следует расстраиваться, ни этому радоваться, ни от того смущаться, ни от этого ликовать; завтра перо смерти проведет черту недействительности на рисунке бытия этого и того, и вот высота и низость положения царя и нищего [уже] уравнены потоком гибели.

Стихи: Большое утешенье, что переменчив свет.
Добро и зло проходят, здесь постоянства нет.

А еще подумай о деяниях властителей эпохи и воздай благодарность за милость великих. Хотя редкость эпохи, счастливый мирозавоеватель, вступивший из Ирана в эту страну и ударами острого меча [одолевший] твое войско, овладел таким, как ты, падишахом — обладателем твердого решения [95], но он оказал необходимое внимание и [проявил] братское отношение. Выбрось из сердца свое унижение и беспомощность, сомкни губы, желающие посмеяться [от радости] двухдневного счастья, смейся от всего сердца над детским плачем из-за молока мирских удовольствий, не грусти из-за расстройства своих дел, не царапай щеки памяти ногтями скорби по [утраченному] величию и главенству,
219а потому что завтра || конец дням страданий и бедствий: из-за горизонта событий поднимется утро счастья и удачи, и скоро унижение сменится величием и презрение — уважением. Проводи пятидневную жизнь так, как придется; шероховатость положения, [созданного] коварной судьбой, сделай для себя ровною. Архитекторы судьбы и предопределения, хотя и составили для тебя этот план [жизни], но работники этого старого *рабата* с двумя дверьми [а] приготовили глину для каждого государя и полководца. Если ты пройдешь шагами мудрости по цветнику деяний и летописей ушедших и умерших, посмотришь глазами серьезности на цветы разнообразия, перемен положения и повадок изменчивого мира, перечитаешь с помощью ума мысли... [б] и

[а] Здесь жизнь уподобляется *рабату*, или караван-сараю, с двумя дверьми: для входа и выхода.

[б] Пропуск.

виденное и на ложе спящей беззаботности оросишь сердце из сосуда раздумья розовой водою назидания, ты во всяком случае узнаешь, что место прохождения судьбы [а] не есть место для проживания и старый кабак тленной мирской жизни неустойчив. Это не место развьючиванья; это — разбойничий притон, где нужно быть постоянно осторожным, и сломанный мост, по которому нужно проходить с поспешностью; это место бегства — не место покоя; место расторжения, а не место привязанности; остановка, полная обмана, и место обездоленных. Один из поэтов сказал:

Мир — мельница, но без дверей и ворот;
Здесь ежеминутно другого черед.

Привязанность к этому старому разрисованному кабаку и к этому непрочному *рабату* и плач в разлуке с ним есть бесполезный капитал; беспокойство о мирской власти слишком ничтожно, и деревцо счастья этого луга с дурным климатом слишком бесплодно, чтобы можно было отдать за это дорогую жизнь и чтобы в хлопотах можно было упасть с высокой ступени достоинства великих мира. Со времени покойного эмира Тимура Кургана, который является предком вашей особы, занимающей место созвездия Плеяд, до сих пор, когда исполняется около трехсот пятидесяти лет с небольшим, на зеркало священного солнцеподобного сердца [б] не проникала досада, и, если будет божеское предопределение || о прекращении высокой династии, не будет вы- 219б
хода, кроме терпения, стойкости и покорности».

Словом, они говорили подобные увещевания, пока высокий падишах не заговорил и не улыбнулся: возблагодарив за все бога, он положил голову на постель сна и предался отдохновению.

Счастливец эпохи отпустил пришедшее к нему индийское войско, и помянутые люди, воспользовавшись этим, отправились к месту цели. Что же касается войска из Шахджеханабада и его округи, то на Камар ад-Дина было возложено полностью успо-

[а] Персидское слово روزگار выражает одновременно два понятия: «время» и «судьбу», в поэзии эти два понятия сливаются.

[б] Имеются в виду все представители династии Великих Моголов.

коить сердаров, командиров и начальников и обнадежить, [сообщив] о снисходительности счастливого государя. На другой день[а] владыка мира велел служащим величественной казны приготовить [все для] собрания по случаю счастливого приезда Муḥаммад-шāха и устроить пышное торжество и подобный раю пир и отдал приказ о приглашении с большим почетом и уважением того высокого падишаха. После благословенного прибытия этих двух величественных государей они, подобно двум светилам в одном созвездии, уселись на одном троне, а эмиры и приближенные каждого из них расположились с обеих сторон в соответствующих местах,— и благодаря счастью подобного Фарāдуну падишаха состоялось такое собрание, что пока месяц и солнце находятся в этом голубом шатре, они не видели очами мудрости подобного пиршества, и пока Венера...[б] играет на *кāнӯне*[96] увеселения, она не устраивала такого пышного веселья и с такими удовольствиями. Старый небесный свод приказал в тот радостный день украсить звездами тот райский пир и для достижения настоящего совершенства бросил на огонь солнца, как руту[97], ожерелье Плеяд. Семь планет изумлялись, глядя из комнат вращающегося круга на это торжество, и у небесной сферы неподвижных звезд
220а || выступил на лбу пот стыда из-за убранства этого торжества. Внутри шатра слуги, как солнце и месяц, в положении гурий и мальчиков, «подобных жемчужинам спрятанным»[в], стояли со всех сторон у края ковра, и в стремлении [привлечь] внимание каждый забывал зов веры и разума. Снаружи шатра стояли рядом друг с другом по правилам приличия опытные, смелые, как Бахрāм, военачальники, одетые в разноцветные платья. Словом,

[а] Против строчки со словами «на другой день» на полях приписка другим почерком: «В тот день пополудни он пожаловал падишаху Муḥаммаду разрешение удалиться в свой лагерь. Небесновысокий падишах пошел в свой лагерь, провел там одну ночь, отпустил свое войско и на другой день с высокими эмирами [явился] к величественному двору небеснопышного падишаха Нāдира».

[б] Пропуск.

[в] Коран, 56, $_{22}$.— То есть подобных белоснежным жемчужинам, бережно хранимым от пыли и грязи. В этом месте Корана описываются наслаждения, уготованные в раю праведникам.

снаружи и внутри согласно царскому этикету состоялось такое торжество, какого ни в одном веке ни одним обладателем богатства и могущества не устраивалось. По этому правилу[а], когда веселый пир окончился, военачальникам было приказано удалиться; после их ухода был отдан высочайший приказ, чтобы близкие доверенные лица и слуги высокого дворца вышли из шатра и находились молча в стороне. Когда все ушли, небеснопышный государь устроил частное совещание, и они говорили друг другу тайны и вели секретный разговор.

Однако рассказчик упоминает о неком Мирза 'Али-Аскаре, который сначала был везиром Хорасана, а в это время *мустауфи*[98] верховного *дивана* и начальником мастерских высокого падишаха, и мешхедце Мир-Хасан-беке, бывшем *даругой*[99] базара мирозавоевательного[б] войска и объектом доверия богоданного правительства,— оба они были единомышленниками и друзьями. В то время, когда между обоими небеснопышными государями шла частная тайная беседа, Мирза 'Али-Аскар пришел, встал позади того места в надировом шатре, где происходила тайная беседа, и стал прислушиваться к разговору обоих падишахов. Сколько ни заявляли личные слуги, что владыка мира запретил кому бы то ни было приближаться к надирову шатру, этот величественный Асаф[100] не обратил внимания на их слова и остался стоять [там]. || В это время *даругa* Мир-Хасан-бек 220б
также явился в то место. Когда время окончания пира приблизилось, оба они вернулись в другие палатки. Августейший падишах, выйдя от счастливого государя, удалился в свою палатку.

После ухода этого лучшего представителя курлановой [династии] счастливый правитель спросил у приближенных и личных слуг: «Сзади шатра мне послышался звук шагов; может быть, кто-нибудь стоял в этом углу и прислушивался к нашим голосам?» Приближенные доложили: «Как мы смеем находиться сзади шатра, где сидят два златовенечных государя? Но сначала Мирза 'Али-Аскар, а потом *даругa* Мир-Хасан-бек, который яв-

[а] То есть согласно царскому этикету, о котором сказано выше.

[б] В тексте ошибочно كيوان (Сатурн) вместо كيهان (мир).

ляется доверенным лицом этого вечного государства, не послушались нас и некоторое время, находясь сзади шатра, прислушивались к голосам». Государю-мирозавоевателю очень не понравилось поведение [этих людей]. Он приказал вызвать Мир-Хасан-бека и сказал [ему]: «Бесчестный мерзавец! Как ты смел прийти в то место, где у государей Ирана и Индии частный пир, и подслушивать разговор?» Мир-Хасан доложил: «Клянусь дорогой головой владыки мира [101], я этого не знал. Мирза 'Али-Аскар вызвал меня и сказал, что у этих двух сановных особ частный пир, и я тотчас вернулся». Владыка мира вызвал Мирзу 'Али-Аскара и спросил его. Тот стал смело отвечать и сказал: «Так как я считал себя везиром и полномочным лицом этого небесного дворца, я некоторое время пробыл позади шатра и вернулся». Счастливому государю не понравилась его речь, и он сказал: «До какой степени жители Ирана бесстыдны и бесчестны, что не
221a дают нам, двум государям, какой-нибудь час попировать || и рассказать друг другу свои тайны!» Тотчас гнев овладел его чистым сердцем, и он приказал *кӯрчӣ*... [a] лишить этого Асафа эпохи одежды жизни, а Мир-Хасана отпустил.

Несколько дней он пробыл в этих пределах и артиллерию Мухаммад-шаха в сопровождении ста доверенных лиц и двадцати тысяч индийских солдат отправил в город Кабул; написав об этом отдельное письмо в Иран своему счастливому сыну Риза-Кули-мирзе, он отправил его с быстрым курьером.

Движение счастливого государя в сторону Шахджеханабада и украшение той местности прибытием обладателя небесного достоинства

Постоянно [наблюдается], что когда вершители судьбы и предопределения, покровительствуя какому-нибудь набожному государю, прилагают старание к возвышению его, то без трудности и утомления сильные крепости и жители неприступных гор покоряются ему. Объяснением этих слов служит положение счастливого, как Фаридун, государя. Когда победоносное войско, за-

[a] Пропуск.

хватив во время боя большую группу эмиров и вельмож Муҳаммад-шаха, привело их в мир украшающий дворец, государь-мирозавоеватель, одарив названных людей халатами и подарками по случаю счастливого прибытия Муҳаммад-шаха, отпустил их. По просьбе помянутого падишаха [а], поднявшись на крыльях движения, он направился в Шахджеханабад. Когда прошли два перехода, он назначил в Шахджеханабад Қамар ад-Дин-ҳана и несколько подобных Бахраму командиров с отрядом победоносного войска, чтобы, отправившись в те пределы, они приготовили все необходимое для отдыха и то, что требуется для приема в качестве гостя государя обитаемой четверти мира.

Вследствие приказа тех двух высоких падишахов помянутые чины прибыли в те пределы и увидели крепость, которую построили около того города специально для падишаха Индии || и ко- 221б
торая была подобна небесной крепости... [б] и защищена от жителей земли такими башнями, что уразумение предела высоты их выходит за пределы многознающего ума...[в] вал ее невозможен для силы человека и способность птиц подняться на стену ее немыслима. Чтобы посмотреть на поверхность земли, ее башни высунули голову с вершины круга Сатурна, а крепкая стена ее оказывала помощь стене Александра [102].

Кто видел, чтоб крепость такая была,
Иль лестница чтобы на небо вела?
Над этой вселенной мир вырос другой,
Поднялся второй небосвод над землей.

В такой сильной крепости жил Муҳаммад-шах, и сокровища, казна и спрятанные под землей ценности находились полностью в той крепости. С двух сторон ее протекала река под названием . . . [г], и высота этой крепости командовала над всем тем городом. Слуги и *фаррашии* счастливого государя вошли в ту крепость

[а] После этих слов на полях приписка: «Первого числа месяца зу-л-ҳиджжа (12 марта 1739 г.) мирозавоевательные знамена выступили в сторону Дели, который известен, как Шахджеханабад». Эта фраза слово в слово взята у Махди-ҳана (стр. 203).

[б] Пропуск.

[в] Пропуск. По смыслу здесь должно быть слово صعود بر («подъем на»).

[г] Пропуск.

и место для него, с одобрения Камар ад-Дин-хана, украсили серебряными и золотыми подстилками и коврами с бахромой из жемчуга. Вне той крепости была очень длинная аллея (хийабан), в домах по сторонам которой обитали жители той местности, и протяжение ее было в одну милю пути. Жителей этого района поместили внутри крепости, чтобы здесь [а] разместилось после прибытия победоносное войско. Словом, приготовили все то, что было нужно для счастливца.

Владыка мира отправился с бесконечным войском и до [своего] счастливого прибытия назначил несколько отрядов газиев с победоносными командирами в тот подобный раю город, чтобы они по приходе разместились в той местности отрядами и группами на жительство в месте, назначенном для остановки победоносных войск. Государь обитаемой четверти мира с войском,
222а превышающим пределы, || в счастливый час месяца зу-л-хиджжа помянутого года вступил в Шахджеханабад и сел на трон, на котором сидели падишахи Индии. Слуги и занимающие место Сатурна гулямы поместились в той крепости, а все прибывшее победоносное войско расположилось на жительство вокруг крепости и аллеи. Мухаммад-шах прибыл в паланкине и вошел в свой гарем. В течение трех суток он сделал все необходимое для пира и приема, какие государи устраивают друг для друга, так что дальновидный ум времени был бессилен хвалить [это торжество] и язык изложения недостаточен для его описания.

Когда время торжества кончилось, помянутый падишах отдал все ключи от своих денежных ящиков и подвалов с ценностями благостной особе счастливого государя. [Тот] прежде всего приказал превратить в слитки [б] все предметы обстановки и кухни, а также предметы... [в] вроде ведер... [г] конских, гвоздей и курков. Когда работа по кухне и кладовым, [где хранились]

[а] То есть вне крепости, в районе аллеи.

[б] Было приказано превратить в слитки золотые украшения и золотую утварь.

[в] Пропуск.

[г] Пропуск.

украшения, была закончена, его величеству [а] доложили, что получилось сто *харваров* [103] золота. Он еще приказал казначею И'тимад-хану, который был доверенным лицом, чтобы вместе с Ака-'Абдаллахом Ходжой... [б] Ходжой, известным под именем Джавахир-хана, и еще несколькими доверенными ханами пошел в казначейство [104] и сокровищницу Мухаммад-шаха, осмотрел их и вернулся. Вследствие непреложного приказа после осмотра того великого казначейства [эти люди] доложили: «Если мы захотим указать [число] всех рядов [содержимого] сокровищниц, это невозможно сделать пером; что касается желания государя-мирозавоевателя, то пусть он прикажет навьючить [все эти ценности]». || Владыка мира приказал несколь- 222б
ким надежным писцам и умелым казначеям приготовить тридцать тысяч вьючных верблюдов. По заявлению Мирзы Мухаммад-Шарафа... [в] в [распоряжении] личной казны имелось двадцать тысяч верблюдов. На четыре тысячи верблюдов навьючили драгоценности и украшенные драгоценными камнями падишахские вещи; еще на две тысячи верблюдов — золотой и серебряный троны, украшенные драгоценными камнями; еще на две тысячи — принадлежности конские и для езды, украшенные драгоценными камнями: седла, уздечки и принадлежности для конюшни... [г], еще на две тысячи верблюдов навьючили золотые предметы, украшенные драгоценными камнями: чаши, подставки для чаш хрустальные, резной работы, с драгоценными камнями, кубки из яшмы и золота, хрустальные крышки украшенные и другие, представить которые ум бессилен. Еще на шесть тысяч верблюдов навьючили джеханабадские ашрафи [105] и на двадцать четыре тысячи бердааских мулов — платиновые и серебряные вещи. Словом, золотых вещей и драгоценностей было навьючено столько, что осторожный счетчик был бессилен подсчитать их, и, по заявлению главных *мустауфи* верховного *дивана*, было насчитано на двадцать шесть *курcouров* [106] вещей, предметов, на-

[а] Буквально: «сидящим у высокого порога».
[б] Пропуск.
[в] Пропуск.
[г] Пропуск.

личных денег и товаров, навьюченных из акбарова[а] казначейства, а каждый *курӯр* равен пятистам тысячам туманов. Был еще трон под названием «павлиний трон», который начал сооружать падишах Хумāйӯн. В свое время он собрал все, что было в Индии из дорогостоящих изящных драгоценных камней и употребил в дело; несмотря на эти богатства, трон не был закончен. Когда власть перешла к падишаху Акбару, тот, так же как и Хумāйӯн, во время своего царствования занялся этим троном, но не
223а закончил его и с этим желанием || распрощался с бренным миром. Когда султанская власть дошла до Салӣма[б], он также послал людей в разные стороны богохранимой страны[в], чтобы, в каком бы месте мира ни были драгоценные камни, взяли их и привезли,— и употребил их для трона. Словом, потомки курхановой династии один за другим расходовали свои сокровища на тот трон, пока во время Муḥаммад-шāха он не был закончен. Семьдесят верблюдов везли тот трон. . .[г] и таким образом установили и сделали по плану *кулāх-и фарангӣ*[107], так что очертание его было круглое и потолок, дверь и стены . . .[д] — золотые, украшенные драгоценными камнями. На голову павлина положили изумруд и рубин и на голове того павлина поместили один алмаз величиною с куриное яйцо, известный под названием *Кӯх-и нӯр*[108], стоимость которого не знает никто кроме единого бога. Крылья павлина были украшены драгоценными камнями и множеством жемчужин величиной с голубиное яйцо, оправленных в серебро, и на тех крыльях поставили сиденье. Все части того трона были из красного серебра и украшены драгоценными камнями, и те камни, которые были меньше, весили полмискаля[109], а прочие — четыре мискаля, три мискаля и два мискаля

[а] Игра слов: *акбар* значит величайший, высочайший; шах Акбар (1556—1605) положил начало могуществу государства Великих Моголов.

[б] Салӣм — сын Акбара Джахāнгӣр (1605—1627), до воцарения носивший это имя.

[в] То есть Индии; обычно персидские историки «богохранимой страной» называют только Иран.

[г] Пропуск.

[д] Пропуск.

по этому же правилу. Ковры, [положенные] вокруг трона, были обшиты тесьмой с прекрасным круглым жемчугом. На расстоянии пяти локтей от того трона опытные мастера сделали из золота ограду в восемь рядов [a], украсили драгоценными камнями и поставили на земле вокруг трона, чтобы в тех случаях, когда шах Индии пожелал бы сесть на трон мироуправления, высокие эмиры и благородные сердары ожидали бы внизу , опираясь на ту золотую ограду. Тот трон и ограда были разобраны на части || — 223б их клали одну на другую и укладывали. Пишущий эти листы в то время, когда знамена величия и славы направились из Индии в Герат, видел тот трон, когда его привезли согласно непреложному приказу; ум человека слаб и недостаточен, чтобы представить и описать его. Владыка мира приказал навьючить тот трон.

Еще в числе подарков были рубин и алмаз: один под названием *Дарйā-и нӯр* и другой —*'Айн ал-хӯр*[110]. По словам *джавāхирā*[111] Ḥāджī 'Алī-Наḳī-ḫāна, стоимость каждого из них была такова: если четырехлетний ребенок бросит ашрафи в два с половиной мискаля вверх и до того места, куда этот ашрафи взлетит, насыпать червонное золото, это составит стоимость одного камня. Владыка мира приказал и эти [камни] внести в казну.

Еще в числе подарков была книга под названием «Тайны Ḫамзы», которую очень хорошо написал один каллиграф, а опытные художники, переплетчики и позолотчики разрисовали части ее с начала до конца и изобразили каждый бой, сражение, собрания и обманы 'Умара и Омейядов и прочие дела, так что ум бессилен представить ее. Эту книгу вьючили на двух верблюдов. Когда владыка мира попросил привезти ее, Муḫаммад-шāх послал к государю-мирозавоевателю верховного везира *ṣамṣāм ад-даула* и попросил: «Когда посмотрите ту книгу, подарите ее нам». Государь-мирозавоеватель сказал в ответ: «Если вы попросите не увозить все сокровища, я соглашусь, но я намерен прочитать эту [книгу] и, если богу будет угодно, пришлю ее из Ирана». *Ṣамṣāм ад-даула* доложил, что у Муḫаммад-шāха

[a] В тексте: بطرح هشت كردو (?).

224а || нет ни на волосок досады из-за увоза сокровищ, но из-за этой книги он очень огорчен. Священная особа послала своего приближенного Мирзу... [а] попросить извинения относительно книги [б]; волей-неволей Мухаммад-шах замолчал. Каждый лист [книги] был в полтора *зар'а* [112] длиной и в три четверти шириной, и все листы были вложены в папки.

Доверенные служащие казначейства доложили шаху: «Мы осмотрели все казнохранилища, но в одной сокровищнице они сделали несколько комнат из порфира и повесили крепкий замок, а ключа к нему не принесли». Владыка мира приказал пойти к Мухаммад-шаху и принести ключ. В это время один из личных шахских ходжей [113] со связкой ключей был удостоен чести поцеловать ковер и доложил августейшей особе: «Мухаммад-шах докладывает: я никоим образом не поскуплюсь жизнью и имуществом для счастливого государя. Имеется одна сокровищница, в которой из поколения в поколение хранятся наши женские платья, украшенные драгоценными камнями. Если справедливое шахиншахское решение остановится на том, чтобы вынести их, я прошу вас приказать нескольким своим личным ходжам при конфискации навьючивать их таким образом, чтобы взгляд посторонних людей не падал на них, дабы оградить нас от позора, унижения и бесчестья». Услышав это сообщение, владыка мира некоторое время держал голову размышления на коленях изумления и после долгого раздумья отослал присланные ключи с тем же ходжей к могущественному падишаху с большими извинениями и запретил кому бы то ни было бродить около той сокровищницы. Когда помянутый евнух передал сообщение и
224б ключи Мухаммад-шаху, тот сказал: «Воистину и еще раз || воистину счастье и царская власть подобают такому лицу, которое закрывает глаза на прекраснейшие и лучшие в мире сокровища и не задевает нашей чести» [в].

Словом, в эти несколько дней было навьючено столько дра-

[а] Искажено. Может быть, Заки?

[б] То есть попросить извинения в отказе относительно книги.

[в] Буквально: «не бродит вокруг одеяния нашей чести».

роценных камней и золотых изделий, что больше не оказалось имущества для отправки.

К числу странных происшествий принадлежит то, что некий Ака-Мухаммад, бывший хранителем ценностей и казначеем счастливца эпохи и объектом его доверия, во время приема золотых вещей совершил подлог на три *харвара* золота и присвоил их. Доносчики и лживые злые завистники доложили об этом священной особе; после выяснения [обстоятельств дела] и захвата означенного количества [золота] помянутого Мирзу Мухаммада убили. Эту важную должность он[а] возложил на того же...[б]; во время возвращения на берегу реки Гильменд[в] он также был убит из-за ста мискалей золота.

Слышал я, как мудрый старец говорил:
«Братец, дел ты нехороших натворил.
Но пшеница ведь пшеницу родила,
Так и ты жди воздаянья за дела».

В этой крепости было несколько сокровищниц, причем высота каждого здания была сорок *зар'ов* и ширина — четырнадцать *зар'ов*. Они были сделаны из камня, и через потолок было столько насыпано платины, что те здания, которые...[г] были наполнены. В собственных падишахских домах двери и стены были украшены золотыми танга[114] и инкрустациями, сделанными из яхонтов, изумрудов, рубинов, алмазов и хризолитов, а крыши и стены были также покрыты золотыми танга и были видны за четыре мили. Вид этих жилищ и высоких построек невозможно описать красноречивым пером.

Сады и дворцы — настоящий Ирам,
Портреты красавиц видны тут и там.
Дворцовые стены лазурью блестят,
Как в райском саду, что построил Шаддад[115].
Средь золота, красок, цветов и картин

[а] То есть Надир.
[б] Пропуск.
[в] В тексте: Джильменд.
[г] Пропуск.

Рассыпаны жемчуг, алмаз и рубин...
225а ||И чтоб описать все красоты дворцов,
Не хватит на свете ни красок, ни слов.

Словом, таких зданий никто не видел и не слышал о них, потому что в них были вложены налоги целого мира. В той стране имеется много раджей и бесчисленное множество купцов, которые, если их богатство и имущество достигло шестидесяти тысяч туманов, ставят на верху дома один флаг, а когда достигает ста двадцати тысяч туманов, [ставят] два флага, и существует много домов, на которых по этому правилу поставлено шестьдесят, семьдесят и до ста флагов. Несмотря на такое богатство и пышность, в этой стране нет соперничества и зависти. Государь и правители из года в год наводят справки о денежных средствах, налогах и повседневных расходах того человека, который поставил флаг, и говорят: «Бог увеличил твое богатство и смотрит на тебя милостиво: мы, его рабы, должны также оказывать тебе уважение и внимание». Так как между ними нет зависти, ненависти и вражды, господь миров увеличивает богатство этого народа.

Противоположностью этой стране является Хорасан, потому что, если кто-нибудь имеет по возможности около десяти или двадцати туманов, а соседи того человека добудут пять или десять туманов, они завидуют ему: дескать, почему он имеет десять или двадцать туманов, а я не имею,— и они думают об этом ...[a] и [в этой зависти] проводят свою жизнь или делают того человека таким же [бедным], как и они, или завистью, ненавистью и враждой лишают этого несчастного жизни. В особенности это касается Мервской области; если там самый богатый человек доведет [свое состояние] до пятисот туманов, то, конечно, этот человек режет глаза завистникам и вызывает их ненависть
225б и вражду. Его имущество и домашние вещи || или разграбляются вследствие несчастных событий [116], или делаются наследством низких людей, или конфискуются правителем, или достаются ворам. У прочих, простых людей этой области имущества и вещей нет, кроме ста манов зерна, двадцати или десяти манов

[a] Пропуск.

сушеных абрикосов и запущенного сада, в котором, может быть, пятьдесят... [а] деревьев. Если в начале года [б] [что-нибудь] имеет, то в конце года наверняка из-за отсутствия пищи ему нужно продать, если это будет возможно, около мана медного лома и одну *каба*[117] из голубой бязи,— и весь конец года он проведет с тысячью трудностей и тревог. [Существование] богатого человека в Мерве невозможно. А что имеется в изобилии, так это — злословие, зависть, жадность и чванство. По этой причине дела того населения всегда в расстройстве и упадке.

Словом, богатых людей в Индии много, и счастливец эпохи погрузил на казенных вьючных животных столько драгоценных камней и драгоценностей из казначейства, что знающий счетчик был бессилен сосчитать его. Кази[118], военачальники и вожди племен захватили столько денег и вещей, что не имели возможности навьючить их, и возгласы радости и веселья раздавались среди знати и простого народа.

Как счастье прекрасно! Богатство, почет
И радости много и мало невзгод.
Но люди такие неведомы мне,
Чтоб счастьем своим наслаждались вполне.

Ночное нападение группы индийцев на победоносные войска, их испуг и приказ государя-мирозавоевателя о поголовном избиении [населения] в Шахджеханабаде

Когда владыка мира и божий избранник провел несколько дней во дворце Муҳаммад-шаха в удовольствиях и веселье и молва о его благополучном прибытии распространилась по областям всей Индии, группа презренных индийцев, потребителей банга[119], которые в самом Джеханабаде были известны геройством и храбростью, || ночью, опьяненные бангом [в], в числе 226а
трехсот-четырехсот человек сговорились напасть внезапно на мирозавоевательное войско счастливца и никого не оставить в

[а] Пропуск.

[б] Имеется в виду сельскохозяйственный год, начинающийся осенью после уборки урожая.

[в] Буквально: «в мире банга и возбуждения».

живых. В ту ночь они бросились в кварталы, на улицы и базар Джеханабада и сообщили высшим и низшим жителям того места: «Завтра в полночь, как только раздастся звук индийской трубы, мы нападем справа и слева на злодейское войско, перебьем его в сонном состоянии и захватим в плен». С этим нелепым намерением эти глупые люди осведомили об этом деле двести-триста тысяч человек, и в назначенную ночь справа и слева в кварталах, на улицах, базаре ... [а] палками и дубинами, напали сначала на дома, в которых некоторые победоносные солдаты, завязав знакомство, были в гостях, и перебили тех гостей. Из числа этих гостей несколько человек, будучи ранены, добрались до квартала с аллеей, где было место пребывания победоносного войска, и сообщили *мīнбāшī* и пятисотникам о скопище тех злодеев. Так как по правилу, [установленному] счастливым государем, в каждом месте, где останавливалось победоносное войско, оно устраивало вокруг себя укрепление и дежурные ружейные стрелки были заняты охранением, в том месте *мīнбāшī* расположили [таким образом] свои отряды на отдых, и все войско в эту полночь... [б] проходы, кварталы, крыши и высокие места, потому что в этом месте у начала аллеи, от которой было около полумили расстояния до цитадели Муҳаммад-шāха, [находилось] около 30—40 тысяч злосчастных индийцев, о чем узнала часть победоносного войска. В начале той аллеи был длинный базар торговцев тканями, потолок которого был сделан из глины и дерева;
226б || та группа злодеев атаковала победоносное войско из этого самого базара, но здесь храбрые газии, схватившись за оружие, преградили дорогу той шайке и вступили в бой. *Мīнбāшī* Асад-бек, который в опытности и начальствовании был ревностным... [в] мира, оставил часть своих газиев у прохода базара для боя, а сам с тридцатью-сорока человеками, захватив две-три кожаные сумки пороха, прошел несколько шагов по верху базара [г], вы-

[а] Пропуск.

[б] Пропуск: судя по смыслу, пропущено слов° اشغال — именная часть составного глагола اشغال نمودن (занимать).

[в] Пропуск.

[г] То есть по крыше базара.

сыпал порох, поджег тот базар и вернулся. Эта массивная постройка сразу вспыхнула, и голые индийцы, сжигающие своих покойников, увидели себя при жизни охваченными волною пламени. Везде, куда бы они ни хотели бежать, перед ними возникали препятствия из-за их собственного мятежа, и за свои дурные действия они сгорели, как семена руты, говоря «рам, рам!».

Шум от сумятицы и нападения той толпы, доносившийся из всех кварталов, достиг высшей точки неба: [индийцы] погибали от выстрелов джезаиров, от сабель и стрел победоносного войска. Когда звуки ...[а] волнения, смятения и беспорядка достигли неба, Ха̄лӣл-бек, принадлежавший к искренним слугам небоподобного двора, добрался до шахского замка. Сколько он ни говорил стражам уважаемого гарема и почтенным евнухам счастливого государя об этом происшествии, чтобы они сообщили владыке мира, никто не осмеливался на это важное дело. Волей-неволей этот мужественный человек вошел в гарем и начал кричать. Служанки и слуги в то время, когда августейший правитель спал, доложили, что...[б] пришел, стонет и кричит. Владыка мира, удивленный, вышел и спросил об этой дерзости и смелости того, кто вошел в гарем. Тот доложил о сборище, многочисленности [его] и о сражении [с ними] победоносного войска. Государь-мирозавоеватель, услышав эти речи и осведомившись || у этого благородного человека, вышел из гарема и прежде 227а
всего приказал стражам, занятым охраною гарема и прочего, чтобы часть их окружила башни крепости и расставила часовых: части личных гулямов он приказал также окружить здания, занятые Муха̣ммад-ша̄хом, так чтобы, даже если птица полетит в ту сторону, убить ее; части *насакча̄* и постоянных караульных он приказал пойти к победоносному войску и запретить кому бы то ни было выходить из укрепления; если же противник будет сильно нападать, [он велел] старательно сражаться и держаться до восхода солнца: дескать, если всевышнему богу будет угодно,

[а] Пропуск.
[б] Пропуск.

когда конь синего неба поднимется [а] [над] крепостью, я истребительным мечом сотру с лица земли это племя злодеев.

Августейший государь, взойдя на верх главной башни, приказал зажечь много факелов, так что от их сияния и лунного света та ночь стала как ясный день. Но когда победоносное войско зажгло этот огонь, от искр пожар так охватил кварталы и базар, что в ту ночь как будто прозвучала труба Страшного суда и был виден образец величайшего ужаса. *Насакчӣ* и *джāрчӣ* объявили *мāнбāшӣ*, *юзбāшӣ* и остальным газиям высочайший приказ, и каждый встал на свое место, и все приступили к стрельбе из джезаиров и ружей. Бесславные индийцы вследствие наносимых кызылбашским войском ударов и искр палящего огня обратились в бегство и, бросившись в скважины колодцев и водохранилищ, прятались там.

Когда быстрый конь [б], поднявшись на голубом небе, осветил и украсил мир лучами сверкающего меча, высокие *мāнбāшӣ*
227б и благородные командиры, которые в ту ночь проявили || мужество и храбрость, удостоились [чести] прийти к высокой особе счастливого государя и доложить о поведении той шайки. Владыка мира спросил: «Может быть, *ṣамṣāм ад-даула* и Қамар ад-Дӣн-ҳāн имеют сведения об этих делах?» Правители необъятного государства доложили, что помянутые ханы и около четырехсот важных начальников Муҳаммад-шāха находятся внутри цитадели и в покоях Муҳаммад-шāха. В это время пришел *ṣамṣāм ад-даула* и, узнав, о чем говорил счастливый государь, доложил: «Да буду жертвой твоего правосудного порога! Если я и прочие индийские гулямы, находящиеся в зданиях, занятых Муҳаммад-шāхом, знали об этом происшествии, пусть наша кровь и наше имущество будут отданы собакам двора счастливого государя и мы будем достойны казни». Мирозавоеватель сказал: «Так как у вас и начальников нет сведений, пусть они будут спокойны». Но пламенный гнев счастливца вскипел, и он приказал произвести поголовное избиение всех жителей Шахджеханабада. Побе-

[а] То есть при восходе солнца.

[б] То есть солнце.

доносное войско, услышав эти полные ...[а] слова, сразу в числе ста тысяч человек с оружием в руках атаковало кварталы, улицы, базары и дома жителей той местности и занялось убийством. Детей и взрослых, юных и старых, кого бы ни находили, не стеснялись убивать и лишать жизни; луноликих девушек и целомудренных женщин пленили руксю предопределения и пустили дым бесчестья из имущества каждого богатого человека.

По словам большинства рассказчиков, несколько человек из победоносного войска пошли [из квартала, в котором был лагерь], в самую крепость и в доме жителей того места устроили пир; разгорячившись вином и весельем, они бросились в дом индийцев, ||[228а] которые жили поблизости, и предались грабежу и насилиям: несколько человек индийцев ранили, нескольких убили и из их имущества и обстановки то, что увидели, насильно захватили и унесли в лагерь. Из-за позорного поведения и непристойности той группы невежественных и испорченных людей у индийцев заговорило чувство чести и благородства, и возникло то происшествие [б].

Во всяком случае, так как в отношении некоторого числа людей это было предопределено, в тот бедственный день от восхода солнца до времени заката победоносное войско старательно убивало и грабило жителей Джеханабада, и потекли Тигры крови. Правители индийского государства доложили об этом Муҳаммад-шāху. Этот высочайший государь с тысячью стеснений пришел к блистательной особе счастливого государя и просил [снять] вину с помянутых людей. Ввиду великодушия и милосердия и ради падишаха курлановой [династии] счастливый госу-

---

[а] Пропуск.

[б] Наш автор приводит это вполне правдоподобное объяснение одной из причин восстания и совсем не упоминает о ложном слухе, будто Нāдир умер. Против этого места на полях приписка: «Сайид Нийāз-ҳāн, зять Қамар ад-Дāн-ҳāна, с Шāхнавāз-ҳāном и большим числом людей, опьяненные вином, бросились в надирово стойло слонов, убили начальника вожаков и стойло разграбили. В тот день [кызылбаши] захватили около пятисот вельмож и знатных людей Индии и привели в правосудный надиров дворец: он (то есть Нāдир.— *П. П.*) приказал всех их казнить».

дарь простил вину жителей той местности и приказал, чтобы громкоголосые *нақāбы*, уничтожающие врага *джāрчī* и грубые сильные *насақчī* запретили победоносному войску беспокоить кого-либо из жителей той местности и чтобы отпустили взятых в плен [прекрасных], как пери, [женщин] с подобными [цветам] жасмина щеками и луноликих мальчиков. Однако нужно представить, сколько в тот бедственный для индийцев день было убито и сколько домов и чести от руки нескольких тысяч солдат пошло на ветер!

Қогда прошло три-четыре дня, жители той местности успокоились вследствие прощения их счастливым государем; разные ремесленники, каждый в [своей] лавке и на базаре, расположились на своих местах и занялись торговлей и своими делами. В это время по приказу владыки мира были посланы письма и ука-
223б зы в области || Қашмир, Акбарабад, Агру и прочие страны и города, и от всех ханов и их султанов поступили в высочайший двор доклады о подчинении и повиновении, подарки, подати и годичные налоги со всех областей. Каждому из султанов и ханов он послал отдельный указ относительно управления той областью и во всех областях Индии до области Декан велел [чеканить] монету и [читать] *хутбу* на славное имя и драгоценное прозвание его величества. Надпись, которую отчеканили на рупии, была следующая: «Султан над султанами мира есть шах шахов Нāдир Счастливец».

Словом, громкая молва о государе-мирозавоевателе распространилась во всех странах Индии, непокорные и мятежники каждой области склонили голову подчинения перед указом владыки мира и искренне и...[a] приготовились служить высокому государю; авторитет и почет их упрочились больше прежнего.

Взятие счастливым государем дочери Фарруҳ-сийара [в жены] для своего сына Наср̣аллāх-мīрзы и описание истинного положения

Қогда вечномогущественный государь освободился от шахджеханабадских дел и наступило полное успокоение, он послал

[a] Пропуск.

несколько личных приближенных и выдающихся эмиров, как Хасан'Али-хана *ми'йар-баши*[120], Мирза Заки, *назира* Мустафа-хана бекдалу и Тахмасп-хана *вакил ад-даула* вместе с верховным везиром *самсам ад-даула* и Камар ад-Дин-ханом, чтобы сосватать дорогого сына своего Насраллах-мирзу и [тем самым] соединиться с небеснопышным государем. После прибытия во дворец славы и величия они приступили к разговору и сказали, что желание государя-мирозавоевателя состоит в том, чтобы между этими двумя богом данными государствами и этими двумя могущественными падишахами произошло соединение [путем] брака и чтобы сына || счастливца эпохи Насраллах-мирзу он включил 229а
в число своих слуг и отличил среди ему подобных. Когда помянутый государь узнал о дружеском сообщении владыки мира, он после долгого размышления сказал: «Очень хорошо, но у нашей августейшей особы нет своих детей. Однако у нас есть племянница-девица, так что, если она окажется подходящей для небеснопышного дворца, я ничего не имею против». Услышав это сообщение, высокие ханы пошли к высочайшему государю эпохи и доложили подножию халифского престола о положении дел и ответе могущественного падишаха. Непреложным приказом на нескольких женщин уважаемого гарема было возложено, взяв с собой много подарков, таких, как ткани и произведения европейских стран и Ирана, пойти во дворец государя, у которого Дарий является привратником. А обитательницы гарема помянутого падишаха сделали все необходимое для встречи, как надлежит и подобает государям, и состоялась беседа. По правилам и обычаю повидали дочь Фаррух-сийара, которая является племянницей августейшего правителя, получили ответ от обитательниц шахского гарема и лучшего представителя курковой семьи, с огромной радостью прибыли к блестящей особе владыки мира и долежили о свидании, беспредельном расположении [Мухаммад-шаха] и смотринах дочери Фаррух-сийара. По приказу счастливого государя приготовили все необходимое, как приличествует падишахам: золотые вещи, украшенные драгоценными камнями предметы, изящные драгоценности, ткани очень. . .[а]

[а] Пропуск.

Ирана и отправили во дворец Мухаммад-шаха. С обеих сторон преданные доверенные лица и слуги приготовили все необходимое для свадьбы таким образом, как нужно, и так, как подо-
2296 бает,— и между Венерой и Юпитером || в счастливый час [121] эти два драгоценных перла связали брачным союзом и отдали друг другу. На другой день по приказу владыки мира было роздано нищим и беднякам Шахджеханабада в виде милостыни около пятидесяти тысяч туманов денег, и они вознесли господу благодарение за эти дары.

Когда наступило успокоение, справедливый августейший ум счел необходимым назначить в разные области Индии правителей и султанов. Во-первых, он назначил Абу-л-Мансур-хана, сына сестры покойного правителя (*навваб*) Са'адат-хана, правителем области Агра. Шахбаз-хана Узбека, который был из рода Курканов, он назначил правителем Декана и приказал с двумя лаками индийских войск отправиться в ту область, и если ее жители проявят небрежность в подчинении и повиновении и возмутятся, приложить старание к подавлению мятежа и привести [их] к подчинению. Равным образом в области Кашмир, Акбарабад, Бекхур и прочие страны он назначил ханов и султанов и каждого чиновника в те области. Где бы враги и двуличные ни восставали и не подчинялись, он, старательно подавляя их, привел всех в повиновение и подчинение и тогда совсем успокоился насчет индийских дел.

Дарование Индии счастливцем эпохи Мухаммад шаху, возведение его снова на престол полновластия и движение в сторону области Синд

Так как воля всевышнего и вечного владыки была направлена к тому, чтобы высокая курканова династия не лишилась царской власти и управления странами Индии, то справедливое мнение счастливого государя по благости и милости господней сложилось так: завоевав вследствие даров всемогущего господа обшир-
230а ные страны Индии, || силою поражающего врагов меча [заставив] всех противников и непокорных тех областей склонить голову перед приказом государя и подчиниться, [я теперь] подарю

корону [Муḫаммад-шāху], еще раз сделаю славную курканову династию процветающей и богатой и возвышу на престоле господства и управления помянутой страны. С этим намерением подарить государство великодушный государь, счастливый Нāдир приказал астрологам победоносной свиты и наблюдающим при помощи астролябии вращающееся небо избрать счастливый час. Вызвав всех сердаров, предводителей племен и военачальников Ирана и Индии, он устроил великолепное собрание и своего счастливого сына Наср̣аллāх-мирзу назначил к тому небеснопрестольному падишаху, чтобы он пошел к нему и после свидания вместе с ним пришел к милостивой особе счастливого государя и чтобы устроенное в тот радостный день собрание вследствие счастливого прибытия [Муḫаммад-шāха] увеличило наслаждения райского сада и веселье людей. Согласно приказу владыки мира царевич с группой особо близких и избранных приближенных прибыл к высокому падишаху. После официального обмена любезностями и [передачи] поручений счастливого государя они вместе, как луна и солнце Востока, поднялись с горизонта дворца правосудного государя.

Когда они пришли под тент счастливого государя, владыка мира и божий избранник сделал из уважения несколько шагов с высоты своего места к тенту и приступил к встрече. Как и прежде [обменявшись] рукопожатием [a], соблюдая правила вежливости, он начал царственную беседу и назначил правителю Муḫаммад-шāху место для сиденья в небоукрашающем почетном месте,
|| а сам по всем правилам сел рядом с тем небеснопышным госу- 2306
дарем. Наср̣аллāх-мирзā, Ṭахмāсп-ḫāн *вакāл ад-даула*, *ср̣амср̣ām ад-даула*, Ḳамар ад-Дūн-ḫāн и несколько других ханов и султанов, достойные сидеть в этом счастливом кругу, расположились каждый в соответствующем месте. Без церемоний и напыщенности состоялось такое собрание, что от разного рода украшений убранство звезд померкло на голубом небе, и неподвижные звезды и

[a] Здесь, как и во многих других местах, сделана орфографическая ошибка (مسافحه вместо مصافحه), свидетельствующая о том, что писец писал этот отрывок под диктовку.

планеты выступили, как пот от стыда, на щеках восьмого неба. От красоты его восхитительных ковров пространство небесной сферы созвездий лишилось звездных украшений и стало подобным паласу[122] бедняков, так что возник вопрос, не наступил ли день Страшного суда, о котором говорится: «Мы свернем небо, как свертывают свиток» [а]. В каждом углу этого украшенного, как рай, собрания стояли на цыпочках [б] готовые к услугам красавцы, подобные «жемчужинам спрятанным» [в], с серебряными чашами и кувшинами, и от их восхитительной наружности исчезала беспомощность сердца. От возбуждающих страсть мелодий певцов Венера в небесном шатре лишилась чувств и сил и от пения увеселителей опечаленные сердца радовались и веселились. Несколько иранских *мутрибов*[123], известных во всем мире красотой лица и пением, в тот радостный день, подобно распевающему тысячи мелодий соловью, украсили цветник торжества пленительными мотивами и чтением изящных газелей из Ҳафиза и... соответствующими голосами [г]. Один из сладкозвучных *мутрибов* и певцов пропел следующие два бейта [д]:

Я вижу чудо, а не пир: луна и солнце в небесах
В одном созвездии сошлись сегодня, как велел Аллах.
Пока, о боже, свет живет, пусть так, как хочет шах Нāдир,
По кругу ходит небосвод и существует этот мир.
О виночерпий! Не грусти, не огорчайся злой судьбой:
Не все творилось, как хотел сам Александр иль кто другой.
231а ||Весельем сердце не смущай и не томи его нытьем,
Таков уж мир: то хорошо, а то и плохо мы живем.

Их веселье все более увеличивалось. У правителя Муҳаммад-шāха от их пения и смысла этой газели, так подходящей к его положению, взволновалось сердце, и он каждому из тех *мутрибов* по окончании собрания подарил по тысяче туманов. Певцы и *мутрибы* Ирана очень понравились высокосановному падиша-

[а] Коран, 21,104.
[б] То есть готовые в любой момент броситься для подачи вина.
[в] Коран, 56,22.
[г] Текст испорчен: و کلیم‌فرین ساخته بود و بالحانی که بایست ادا مینمود
[д] Б е й т — двустишие: здесь не два, а четыре бейта.

ху [а], и он их все время хвалил. По приказу владыки мира постоянно горели лампы над дверями, стенами и каналом, протекавшим под цитаделью. Словом, в тот день был устроен такой пир, какого не устраивалось ни в одной стране никаким могущественным лицом, пока существуют падишахи и устраиваются в мире пиршества. Воистину, описание того пира в таком виде, как он произошел, невозможно для языка и пера.

Словом, когда пир кончился, счастливый государь сделал то, что необходимо [по правилам] любезности, снисходительности, союза и единства между двумя высокосановными государями. После многих милостей он сказал драгоценными словами: «Так как высокий род нашей августейшей особы происходит из туркмен и высокопросвещенный государь также туркмен и между нами не должно быть обособленности и отчужденности — в особенности сейчас, когда возобновилась связь и достигнуто тесное единство,— цель моего прибытия в эти области состоит в том, чтобы этот порядок оставался до скончания мира. Наши подвиги сделали семь морей под ногами нашего проходящего по свету белого коня ничтожнее чашки с пеной, и [наше] милосердие ... [б] может одним взглядом оживить или разрушить семь полос мира [в], как зрачок глаза [г]. По этому случаю мы дарим падишахскую власть в Индии с короной, троном и перстнем [д] могущественному и славному...» [е].|| С этими словами он встал с места 231б и своею благословенною рукою возложил на голову Муḥаммад-шāха падишахскую корону, сказал поздравление и для увеличения и продолжительности его вековой власти громким голосом прочитал благословенную суру *Фатиху* [124]. Помянутый падишах встал с места, совершил поклоны, благодаря за эту беспредельную любовь, и много раз просил извинения у счастливого государя.

[а] Имеется в виду Муḥаммад-шāх.

[б] Пропуск.

[в] То есть весь мир — семь «климатов».

[г] То есть подобно тому, как веко мгновенно может закрыть или открыть зрачок.

[д] Имеется в виду перстень, на котором вырезана печать.

[е] Пропуск.

После еды и питья он вместе с султанами и ханами отправился в место своей власти. Получив утверждение в халифстве и взойдя на султанский престол, он потребовал [к себе] по одному эмиров, ханов, *сӯбадāров*, раджей, военачальников, старшин, тысячников и *юзбāшӣ* высокого дворца, обнадежил насчет царских милостей и сообщил знати и простому народу о большой любви и милосердии Нāдира. Относительно своего подчинения, повиновения и послушания он написал договор, причем [области] от границы Лахора до района Кабула в виде подношения отдал владыке мира и государю-завоевателю. Для того чтобы [тот] согласился на это, он послал в халифский дворец счастливого государя верховного везира *ṣамṣāм ад-даула* и Ḳамар ад-Дӣнха̄на.

Владыка мира согласился на просьбу Муḥаммад-шāха и, успокоившись насчет индийских дел, принял правильное августейшее решение направиться из Шахджеханабада на крыльях движения для завоевания стран Синда и после овладения той местностью двинуться в страны Турана. Он посоветовался об этом с Муḥаммад-шāхом. Высочайший государь попросил: «Что будет, если вы некоторое время пробудете здесь, а я остальную свою ничтожную жизнь проведу на службе у владыки мира?» Владыка мира красноречивыми и приятными словами очень про-
232a сил извинения и || сказал, что разлуки и отчужденности между ними не было и не будет,— и всякими способами уговорил того просвещенного государя.

Сделав необходимые приготовления, он в счастливый час отправил передовой обоз к переправе через Инд. Седьмого числа месяца ṣафара 1152 года хиджры[a] он выступил с многочисленным, как морские волны, войском, и Муḥаммад-шāх один переход сопровождал государя-мирозавоевателя; после больших извинений с наполненными кровью глазами он был отпущен дарователем корон Нāдиром и отправился к месту назначения.

Владыка мира с огромным войском и неизъяснимой решимостью двинулся к области Синд.

---

[a] 16 мая 1739 г.

Поднятие счастливым государем знамен для завоевания страны Синд и изъятие драгоценностей у победоносного войска

Так как щедрый промыслитель и заботливый благодетель — да распространятся милости его и да будут славны благодеяния его! — силою разрешения затруднений — «подлинно вместе с трудностью — довольство» [а]— [вложил] поводья завоеваний и счастья в руки благодетельного августейшего могущества и великодушного усердия и обнадежил [Нāдира], то в эти счастливые времена, когда все страны Индии вошли в сферу владений обладателя мира, в благодетельном уме лучшего из государей эпохи утвердилось [решение двинуть] полумесяц счастливого знамени для завоевания Синда и захвата Қийā-Наṣира [125]. Во время выступления из Шахджеханабада он отправил передовой обоз в те пределы и с многочисленным, как морские волны, войском направился в ту область.

Вот сел на коня венценосец опять
И двинул войска, чтобы вновь воевать.
Как солнце сияя, поднялся он ввысь,
От мира до мира лучи полились.
И это сиянье среди облаков
Железною цепью сковало врагов.
На Синд непокорный идет он войной,
Чтоб им овладеть, как индийской страной.
Все грозное войско с собою он взял,
Земля закачалась, и мир задрожал.

|| Словом, когда высокосчастливый Ҳусрау[б] прошел от Шахджеханабада промежуток в несколько переходов, вдохновенное решение остановилось на том, чтобы назначить в ту область несколько красноречивых послов с дорогими вещами и многими подарками для привлечения, успокоения и приведения к подчинению Қийā-Наṣира, а сам с волнующимся, как море, войском, передвигаясь с остановки на остановку, повернул поводья решения в ту сторону. Пройдя несколько переходов, он за- 232б

[а] Коран, $94_{,5-6}$. Эта фраза приводится в Коране два раза подряд и означает: рядом с несчастьем бывает и счастье. [б] То есть Нāдир.

нялся осмотром счастливого войска. Когда он увидел все свое войско украшенным и одетым в разноцветные одежды, он совершил богу благодарственные земные поклоны. Но несколько недальновидных смутьянов, неразумных завистников и пустых льстецов доложили августейшей особе, что победоносное войско во время поголовного избиения и грабежа в Шахджеханабаде собрало много драгоценных камней и золотых вещей без числа; из пятисотников и *юзбаши* каждый награбил без счета драгоценностей и золотых предметов и, если они прибудут в Иран и будут владеть всем этим богатством и состоянием, может случиться, что ветер гордости и высокомерия проникнет в их мозг, и каждый станет искать смуты и бесчестья. В таком случае придется часть благородного времени потратить на тех людей, и после убийств и многочисленных грабежей те люди или попадут в руки [властей], или, бежав, уйдут в отдаленную область и утвердятся в своем злодействе.

Стихи: Мятеж поднимет средь людей одно словечко невпопад.
От искорки одной сгорит до тла огромный хлебный склад.

На владыку мира от этих слов напало раздумье, и час спустя он сказал: «Отобрать это имущество и вещи очень легко, но сейчас не время обнаруживать [наше намерение] и говорить». Двинувшись с этой стоянки, [войска] прибыли на берег Атока и
233а Синда. Сперва владыка || мира с должностными лицами (*'амала ва каркунан*) казны переправился через мост [а], который был устроен в течение двух дней после его прибытия, и в несколько приемов переправил по мосту *минбаши* с подчиненными каждому из них войсковыми частями. На той стороне реки он приказал строгим и суровым *насакчи* и доверенным людям, распорядительным и преданным, остановить победоносное войско и осмотреть все его имущество и вещи: если простые [б] *мулазимы* [в] будут иметь деньгами больше пятидесяти туманов, *юзбаши* больше двухсот туманов, пятисотники больше тысячи туманов, *минбаши*

[а] Имеется в виду понтонный мост.

[б] В тексте سير (прочие).

[в] Здесь под *мулазимами* подразумеваются рядовые солдаты.

больше двух тысяч туманов и великие эмиры больше трех тысяч туманов или будут иметь редкостные драгоценности и украшенные камнями драгоценные предметы,— [излишек он приказал] забрать в казну миродержца. Таким порядком осмотрели все имущество победоносного войска и излишки деньгами и вещами, как было упомянуто, конфисковали. После того как обыскали газиев и отобрали деньги и вещи, он возложил на обязанность гулямов осмотреть имущество *насакчи* и доверенных людей и отобрать [ценности] так же, как у прочих людей.

Он успокоился и, переправившись через помянутую реку, направился в область Шикарпура. По дороге довели до августейшего слуха, что газии имевшиеся у них драгоценности и золотые предметы спрятали в уздечках верблюдов, войлоке конских седел и *палānах* [126] своих вьючных животных, — и кое-что не попало в *дāвāн* [а]. Когда победоносное войско пришло к берегу реки, мирозавоеватель вторично приказал осмотреть [верховых и вьючных] животных газиев. Когда победоносное войско увидело это, несколько человек из тех, кто захватил много драгоценностей и золотых вещей, боясь падишахского гнева, — как бы он, приступив к допросу, не отдал приказа казнить за обман,— много драгоценных камней и золотых вещей бросили в воду, со спокойным сердцем || перешли через реку и остановились на той стороне. 233б
Об этом довели до августейшего слуха. Владыка мира сказал: «Целью моей не было отнять вещи из мирской жадности. Имеется в виду, что большое богатство [б] становится причиной смуты, беспорядка и разлада в стране, поэтому безразлично, каким способом они стали неимущими» [в]. Словом, и на этой остановке во владение могущественного правительства поступило драгоценностей и украшенных драгоценными камнями вещей на сумму в один *курӯр*, кроме того, что бросили в воду.

[а] То есть в казну.

[б] В оригинале ошибочно вместо دولت (богатство) написано دوست (друг), что является бессмыслицей.

[в] Смысл тот, что для Надира неважно, поступили ли ценности в казну или были брошены в воду,— лишь бы отнять их у владельца.

Итак, он, успокоившись, двинулся из этой области и направился в страну Синд.

От царей, султанов и ханов не скрыто, что такого рода мысли есть непризнание бога и дьявольский соблазн. Пока милость Аллаха обращена на кого-нибудь, то даже если все люди мира захотят причинить тому человеку затруднение хотя бы на волосок, это не осуществится; и если воля вечного бога будет направлена к разорению и искоренению кого-нибудь, то хотя бы все человечество, сговорившись и объединившись, захотело охранять того человека, пользы ему не будет, приговор не изменится, и состоится то, что было назначено божьим предопределением. Аллах великий и славный говорит: «И если захочет чего-нибудь, он скажет: „будь!“ — и будет» [а].

Поэтому приходится сожалеть, что правители заставляют Хума [127] деятельности, подобно коршунам, пожирать падаль имущества людей [б] и выпускают царственного сокола мысли, как мух, к грязным чашкам и кувшинам [умов] негодных людей [в], которые ради куска хлеба занимаются грабежом, разбоем и отнятием имущества мусульман или приобретают незаконные средства к жизни, помышляя о кознях и жульничестве. Какие потоки слез текут из глаз под палками насилия, пока не польют воды
231а на огонь угнетения, какие царапины страдания || наносят сердцу несчастных ногтями насилия, притеснения и жестокости, пока не утихнет беспокойство! Пока кипятят котел, какой дым стонов поднимается из сердца бедняков ко дворцу бога! Пока насытят живот, какие мольбы о пощаде идут из душ несчастных людей во дворец истинного мстителя, взывая о правосудии! Сколько знаменитостей, храбрецов и воинов из-за стремленья к высокому рангу с позором повергают пушками, ружьями, саблями, стре-

---

[а] Коран, 36_{82}.

[б] Смысл этой фразы следующий. Деятельность правителей должна, подобно птице Хума, приносить счастье подданным. Поэтому действия Надира столь же противоестественны, как если бы птица Хума стала, подобно коршуну, пожирать падаль.

[в] То есть распоряжения правителя передаются людям с нечистыми помыслами, подобно тому как мухи всегда летят к грязным чашкам и кувшинам.

лами и *зарбзанами* на землю унижения и сколько малых детей, милых мальчиков, красивых женщин и гурий скромного поведения [а] делают сиротами и вдовами! Скольких благочестивых людей, подвижников, ученых и дервишей лишают имущества! При всех этих жестокостях и дурных поступках ни войско ими не довольно, ни подданные...[б], что в возмездие за жаркое из жирной[в] курицы, отнятой силою у вдовы, посадят подобно жаркому на вертел...[г] вызовут кровавые слезы тоски из его глаз. В наказание за жареного ягненка сытого пьяницу [д], который. . .[е] отнял его силой у бедняка, на манер жаркого повесят в печи. .[ж] головой вниз.

Короче говоря, имеется в виду, что царствование и управление есть дело великое, и если дальновидный ум взлетит мыслью о соблазнах, внушаемых людьми, подобными врагу-шайтану, то не действия падишаха являются ошибкой. а поступки, поведение и дела совершаются по приговору судьбы. Ни от чего не следует огорчаться и ничему не следует радоваться.

Бейт: Зеленые листья деревьев в пытливом уме мудреца
Подобны листам из тетради великих деяний творца.

Без его[з] приказа «„будь!“ —и будет»[и] ни одно растение не вырастает из дверцы сладостного бытия и без его властного приговора сулган вегра Дай [128] и цветочного лепестка не похитит с дерева. Пока облако могущества его не оросит плодового сада времени, картина благословенной галереи... [к] листьях не появится, и пока солнце мудрости его не наложит румяна || на 234 б

[а] В тексте ошибочно سريرت (тайна) вместо سيرت (поведение).

[б] Пропуск.

[в] В тексте искаженное слово سمن; может быть, مسمن (откормленный, жирный)?

[г] Пропуск

[д] В тексте искажено: سير مشقى. Переведено по догадке (سير مستى — ?)

[е] Пропуск.

[ж] Пропуск.

[з] То есть Аллаха.

[и] Имеется в виду приведенное выше изречение из Корана (36, 82).

[к] Пропуск.

лицо растений и животных, молодая невеста не обнаружит вполне разного рода окрасок. Никто не знает, существует ли, кроме его особы, какой-нибудь повелитель во вселенной...[а] в двух мирах полновластный, достойный, милостивый...[б].

Словом, послы государя-мирозавоевателя, пройдя расстояние, прибыли в страну Синд, удостоились чести быть принятыми Кийā-Наṣīром в крепости Ḫудāāбāд [129], передали письмо падишаха четырех стран [в] вместе с дарами и доложили тому падишаху с дервишеским образом мыслей о поручении, которое было дано относительно [его] подчинения и покорности. Так как Наṣīр был по происхождению *пīром (пīр-зāда)* [130] племен Синда, и воду, которой он умывал руки, носили как святыню из области в область для [лечения] больных — и [те] выздоравливали,— то хотя его поразила проказа и он был несчастнейшим человеком в мире, синдские племена изъявляли необходимую покорность, служили ему и наперекор его словам не поступали. Так было до прибытия письма мирозавоевателя.

В те времена [г] он сказал своим людям: «Если мы подчинимся и покоримся Нāдиру эпохи, мы все будем убиты и попадем в плен». Вследствие этих сказанных им слов он не дал послам подобающего ответа и отпустил их, назначив нескольких человек для того, чтобы они проводили помянутых послов по его стране и вернулись. Сам он после ухода послов приступил к переселению, перешел вместе с племенами, родами, родственниками, податными и неподатными подданными и воинами через реку...[д] и они поселились в той стороне. Весь простой народ окраин и областей Шикарпура и прочих стран, который был подвластен Кийā-Наṣīру и считался принадлежащим к Синду, бросил свои дома, пост-

[а] Пропуск.

[б] Пропуск. Муḫаммад-Кāзим в стремлении свалить на Аллаха вину за чинимые насилия и жестокость пустил своего «сокола мысли» так высоко, что совершенно оторвался от логики и грамматики. Конечно, недостаточно образованному писцу было трудно постигнуть философию автора, и он просто пропустил непонятные места.

[в] То есть падишаха четырех сторон света, иными словами — царя мира.

[г] То есть когда было получено письмо Нāдира.

[д] Пропуск.

ройки, области, селения и возделанные поля, двинулся в путь, переправился через помянутую реку и || разбрелся и рассеялся 235а
в тех областях,— даже следов их не осталось. По словам внушающих доверие рассказчиков, которые были в том походе с победоносными войсками и [сами все] видели, жители очистили ту страну и ушли в горы и пустыни, так что не осталось следов и признаков ни мужчин, ни женщин, ни животных, ни скота того племени. В этой стране, [подобные] которой по обширности, величине и многочисленности населения редко бывают в Индии, не осталось никого и никаких человеческих обиталищ, потому что все те племена вследствие приказа Кийа-Наср̣ира перешли через Аток и рассеялись в том направлении. Так как этот наследственный *пир* Индии имел в науке аскетизма большой опыт и несказанное знание, он так подумал про себя: «Если мы останемся на берегу помянутой реки, может случиться, что владыка мира, будучи счастливым государем-завоевателем, перейдет через помянутую реку и захватит нас. [Поэтому] будет лучше пойти в такие страны, где он не настигнет меня, даже если полетит, как златокрылая птица». Придя к этим мыслям, он захватил свою семью и слуг и направился в крепость, которая находилась в области монголов, калмыков и казахов [131] и была известна как крепость Умаркот. Некоторые вожди племен и старшины доложили: «Отсюда до крепости Умаркот сорок переходов, в пути нет ни воды, ни поселений, и движение твое в ту сторону не имеет смысла». Однако Кийа-Наср̣ир не согласился и, взяв часть своих людей, с большой скоростью направился к месту цели. Когда кочевые племена узнали об уходе своего наследственного *пира*, они также || рассеялись по горам и степям и поселились на бе- 235б
регу реки среди лесов. Они решили: «Если победоносное войско его величества счастливца эпохи будет проходить в этом месте, мы все подчинимся и покоримся».

Когда в районе Шикарпура[132] помянутые послы удостоились чести поцеловать ковер владыки мира и доложили сидящим у высокого августейшего порога[а] об обстоятельствах сопротивления

[а] То есть Надиру.

Кийā-Наҫӣра, владыке мира это не понравилось, и он с величайшей скоростью повернул в ту сторону поводья быстрого коня. Во время движения переходами на стоянку Пешавер он поручил обоз и палатки величественным, как Страшный суд [а], командирам и победоносным храбрецам и назначил их в город Кабул, а сам с победоносным войском направился в Синд. Когда победоносная особа прибыла в ту страну, в какое бы поле, селение и город они [б] ни приходили, они не видели следов и признаков ни воинов, ни населения. Таким образом [Нāдир] прибыл в город Ҳудāāбāд, который является столицей государей Синда. Там также увидели цветущую область, много построек и бесчисленные селения, но никакого признака жителей не видели. [Нāдир] приказал победоносному войску произвести розыски; захватили нищих и бедняков, которые не имели возможности уйти и спрятались по окрестностям, и привели к священной особе. После долгих расспросов они доложили высокому порогу об обстоятельствах бегства тех племен. Величественный [в] государь, огорченный поведением и непохвальными действиями тех людей, сказал драгоценными словами: «Если вы станете [многочисленны], как звезды на небе и как песок на дне бесконечного моря, я божьей мощью, могуществом и силою удачи тени Аллаха захвачу всех вас, сотру с лица земли и вырву из вас и семей ваших вздохи
236а сожаления». || С таким решением этот лучший из государей эпохи, Нāдир-мирозавоеватель, выступил из той области с могучими полками и поводья решения повернул в сторону тех областей. Когда он прибыл к берегу большой реки, он в течение трех дней построил понтонный мост через нее и переправился на ту сторону. Нескольким командирам с тысячью солдат победоносного войска он приказал кочевые племена, бежавшие и поселившиеся на том берегу [г], переселить и отправить на первоначальное место. Сам он с остальным победоносным войском направился к очень укрепленной и труднодоступной горе, где жители об-

[а] В рукописи ошибочно قیامت وثار вместо قیامت وقار.

[б] То есть Нāдир и его войско.

[в] Буквально: «с многочисленной, как звезды, свитой».

[г] То есть на правом берегу Инда.

ласти Худабад и других местностей устроили крепость [а] и остановились [б].

До прибытия в Дера он сперва подошел к крепости Исма'ил-хана, потому что тот не подчинился. Вследствие надировой внушительности и силы, которую он увидел воочию [в], [Исма'ил-хан] повесил на шею меч и был удостоен чести поцеловать небесный порог. Прощающий проступки государь надел на его плечи падишахский халат и вверил ему его страну. Оттуда он повернул поводья деятельности к завоеванию крепости Гази-хана [133]; с ним он поступил таким же образом. В той области часть племен суккури [134] и какури, находившаяся в труднодоступных местах и страшных лесах, стала противиться [Надиру], и он направился для подавления их [г].

Перед прибытием в те места он отправил к тем людям несколько человек из их племен, захваченных кызылбашскими воинами, и послал грамоту о прощении вины всех беглецов. Когда те люди прибыли, начальники, вожди племен и старшины, удостоившись чести увидеть высочайшую грамоту, без колебания прибыли в халифский дворец и доложили августейшей особе: «Мы, встревоженные и расстроенные, страшась победоносного войска, укрылись и стали жить в этом месте. Кийа-Насыр с сыновьями и родственниками своими ушел в крепость Умаркот, которая находится поблизости от крепости... [д]. Так как расстояние [до того места] равняется сорока переходам и у нас не было сил пройти этот путь, полный ужасов, мы отдали себя божьей воле и падишахской милости и остановились, дабы поступить в соответствии с вдохновенным решением, каково бы оно ни было». Па-

---

[а] Здесь سقناق, у Махди-хана سغناق. Это слово — тюркского происхождения, означает укрытие или крепостцу (صغناق); оно введено в литературу Махди ханом.

[б] После этого в тексте отметка о начале вставки на полях. Далее идет вставка.

[в] В тексте ошибочно پراس العين вместо برای العین.

[г] Здесь вставка на полях кончается.

[д] В тексте: فاسعر ماحين . По-видимому, «Кашгар и Мачин» (то есть Китай).

дишаху обитаемой четверти земли от речей [предводителей] тех племен, которых было более трехсот-четырехсот тысяч се-
2335 мей...[a] он отправил их, || благополучно переправил через реку, и они вернулись на свои родные места. Несколько человек из начальников того племени он взял в качестве проводников, озаботился взятием крепости Умаркот и захватом Кийа-Насира и поводья движения повернул в ту сторону.

Опять с удачей, спутницею шаха,
Он выступил, надеясь на Аллаха.
Успеха блеск его сопровождает:
Где б ни был он, день светлый наступает.

Поднятие знамен счастливого государя [для похода] на крепость Умаркот, завоевание [ее] и захват Кийа-Насира по милости бесподобного творца

Когда птица счастья и удачи государя-мирозавоевателя взлетела на высшую точку славы, величия, высоты и повержения дичи, он повернул поводья усердия в сторону захвата государя Синда Кийа-Насира. Он приказал победоносным газиям и воинам, чтобы каждый взял одну заводную лошадь с тремя-четырьмя бурдюками воды, и быстрым маршем направился в ту сторону. Среди зыбучих песков на четыре-пять переходов был один колодец с водой, да и той было недостаточно для победоносного войска. Владыка мира превратил каждые четыре перехода в один, двигался с величайшей скоростью и в течение семи дней прошел путь. Прибыли к реке, в местность, обильную источниками, и помянутое войско отдохнуло от трудностей дороги и голода. Больше одного дня он не остался в тех пределах и направился к месту цели. Пройдя еще двое суток с большой скоростью и достигнув крепости Умаркот как раз, когда наступило утро, [газии] по приказу владыки мира окружили крепость, как драгоценный камень в перстне.

В то время, когда показались знамена величия и славы, сыновья Кийа-Насира проснулись от сна беспечности и на верху

[a] Пропущено несколько слов.

дворца, высота которого равнялась [высоте] Сатурна, || собирались исполнить религиозный долг. [Вдруг] взгляд их упал на знамена счастливца. Никому не сообщая [страшную новость], эти люди [a] спустились вниз с дворца, сели на быстрых, как ветер, коней и ушли через ворота, которые назывались «Направление в калмыкские горы». 237a

Победоносное войско окружило стороны той крепости и [преградило] выходы [из нее]. Жители крепости, услышав шум и звуки рожков победоносного войска, приложили необходимое старание к защите башен и крепости. Победоносное войско овладело одной стеной крепости для могущественного правителя. Когда Наср узнал о прибытии счастливой особы и взятии той крепости [кызылбашами], он не нашел иного выхода, кроме подчинения и покорности, и, повесив на свою шею меч, с группой начальников и племенных вождей, говоря: «пощады!» — направился в халифский дворец. Поклонившись шаху, они бросились в пыль под копытами верховых животных небесноподобного владыки и просили языком слабости и растерянности извинения в своих проступках. Государь-мирозавоеватель, говоря вдохновенным языком, простил их вину, обласкал по-царски, приказал поднять головы с праха унижения и успокоил. Воду, которой Кийа-Наср умывал руки, все жители Индии и Синда носили как святыню из области в область; каждое утро, когда он выходил из своего дворца, ему совершали поклон не меньше ста тысяч человек. А теперь, положив свое лицо на землю, он вторично просил простить вину жителей той крепости. Владыка, у которого небесный свод является слугой, по падишахскому милосердию и великодушию тени Аллаха, ради Кийа-Наср, приказал прекратить убийство тех людей и грабеж. В это время несколько человек из победоносного войска, занятые в окрестностях той крепости фуражировкой, || встретили сыновей Кийа-Наср, задержали этих двух лиц и привели к блестящей особе шахиншаха. Милостивый падишах отпустил также его сыновей и почтил их дорогими халатами. 237б

---

[a] В тексте ошибочно «тот человек».

После овладения крепостью сто тысяч туманов наличными деньгами, которые находились в казначействах Наср̣а, были подарены в славную личную казну. По приказу мирозавоевателя было возложено на гулямов пойти к Кийа-Наср̣у и сказать: «Эти сто тысяч туманов не составляют стоимости подков победоносного войска. Если вы будете отговариваться [отсутствием] другого количества денег для нашей казны, мы прикажем новым правителям внести [остальные деньги] из доходов Синда». Кийа-Наср̣ доложил августейшей особе, что наличность казначейства была сдана должностным лицам казны без небрежности.

Во время этого разговора несколько льстецов довели до августейшего слуха, что в цитадели этой крепости имеется глубокий колодец и на дне этого колодца спрятано на пятьсот тысяч туманов настоящих ашрафи. Мирозавоеватель приказал этим двум лицам хранить эту тайну. Сперва он распорядился, чтобы Кийа-Наср̣ с тремя-четырьмя тысячами [солдат] из победоносного войска отправился в Худа̄ба̄д и до прибытия августейшей особы занялся подготовкой к приему гостя, потому что после приведения в порядок [дел] в крепости Умаркот государь прибудет туда. Кийа-Наср̣ по приказу владыки мира отправился в те пределы, и, так как во время [его] прибытия в помянутую крепость по приказу счастливого государя явились [также] жители того города, они устроили все, что требовалось для приема гостя.

Между тем после отправки Кийа-Наср̣а владыка эпохи приказал раскопать тот колодец. Как льстецы и доложили священной особе, из колодца вытащили настоящих ашрафи на пятьсот тысяч туманов, погрузили их, и некий Мийа̄да̄д, бывший важней-
233а шим лицом в том городе, || был назначен правителем той области.

Часть победоносного войска он [а] назначил для грабежа на границу Кашгара и Согда, расстояние до которых не было велико [б]. Могущественный, как Джамшид, государь из этого сбори-

[а] То есть Надир.

[б] Здесь между строк приписка мелкими буквами: «Победоносное войско взяло в плен около одной тысячи семейств из племени калмыков и привело в мир украшающий дворец».

ща выбрал несколько человек и включил их в число работников казначейства и высших служащих, а остальных отпустил и отправил на их родину и куда они хотели. Он написал мирозавоевательный указ относительно завоевания Индии, Синда и прочих стран, о прибытии в эту область [а], [требовал также] подчинения племен калмыков и послал [этот указ] с упомянутыми пленными к тем племенам, чтобы во время [его] прибытия в Туркестан знать и вельможи племен калмыков прибыли во дворец мирозавоевателя. Наладив порядок на той границе и забрав казну, он вместе с сыновьями Кийа-Наср повернул поводья быстрого коня в сторону Худабада.

Дарование мирозавоевателем короны Кийа-Насиру и возвращение в Иран с помощью и по милости щедрого царя [б]

Когда при поддержке всемогущего, всевышнего бога счастливый государь прибыл с выдающейся победой в Худабад, Кийа-Насир со знатью и вельможами, с податным и неподатным населением вышел навстречу предмету милостей бога. За три мили дорогу устлали коврами, парчой, камкой, [другими] золототканными материями и европейским бархатом, и с большой пышностью и несказанным величием он прибыл во дворец Кийа-Насира. В тот радостный день Кийа-Насир по образу действий падишахов Синда устроил подобное раю собрание; пока мир видел ночь и день, такого роскошного пира он не наблюдал. В радостный день виночерпии, лица [которых были прекрасны], как [планета] Венера, разносили кругом приятные вина и «в серебряных кувшинах и чашах прохладные напитки» [в]; солнцеликие слуги украсили это райское пиршество || ... [г] яблоками, 238б
маслянистыми фисташками и различными фруктами [д].

[а] То есть в Туркестан.

[б] То есть бога.

[в] Коран, $56_{,18}$.

[г] В тексте ذقن.

[д] В этом описании также использован Коран: сура $76_{,15-20}$, где говорится об удовольствиях, ожидающих праведников в раю.

От автора: Виночерпии стояли, кубки влагой наполняя.
Пир веселый разгорелся, ходит чаша круговая.
Блеск от кубков, словно солнце, место пира освещает,
И ковер роскошный луга всеми красками сияет.
Музыканты развлекают так усердно и умело,
Что от музыки и пенья все кругом повеселело.

Когда пир торжества и радости окончился, счастливый мирозавоеватель приказал принести шахскую корону и победный шлем, возложил ее на голову Кийа-Наср, снова посадил его на трон счастья и полновластья в Синде и имя Кийа-Наср переменил на Шах-Кули-хан. Когда падишахский трон утвердился за ним, он положил голову на землю, стал просить извинения и прощения и, благодаря государя-мирозавоевателя, говорил:

«Да будет, шах, держава твоя всегда сильна!
Да светится, как солнце, и день и ночь она!»

Владыка мира обласкал его сверх меры и сказал, что в течение десяти дней возьмет на службу из Синда сорок тысяч человек. Сыновей помянутого Шах-Кули-хана, из которых один носил имя Мухаммад-Мурад-бек, а другой Гулам-шах-бек, сделал сердарами-*мулазимами* свиты и приказал, чтобы они в победоносной свите отправились в Иран. Кийа-Насиру он обещал: «Если богу будет угодно, после завоевания стран Туркестана я отпущу твоих сыновей, если они захотят [вернуться] на любимую родину,— в противном случае они отправятся в счастливой свите в Рум и Сирию, и по возвращении из тех стран и получении чести поклонения высокочтимой Каабе я отпущу их через Индию, дабы они удостоились чести поцеловать руку своих родителей». Кийа-Насир в ответ сказал: «Если бы я имел тысячу сыновей, я пожертвовал бы всеми ими на пути веры и могущества счастливого государя; эти два сына [вашего] слуги душу свою отдадут для счастливой особы».

|| Словом, государь обитаемой четверти земли назначил 239а
по своему желанию правителей, султанов и должностных лиц в Синде и вполне успокоился.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Город Қарāбāғ находится примерно в 60 *км* к юго-западу от Газни.

[2] Зāҳāк-и Мāрдӯш — развалины этой крепости находятся в 10 *км* восточнее Бамиана.

[3] Газии (*ғазӣ*) — Муҳаммад-Қāзим называет так воинов-мусульман, независимо от подданства.

[4] Халифский дворец — Муҳаммад-Қāзим, как и другие авторы того времени, называет так дворец персидских шахов.

[5] Лағмāн в Хезареджате — это неверно; Лағмāн расположен восточнее Кабула, а область расселения хезарейцев, так называемый Хезареджат, не простиралась дальше Чарикара, который находится к северу от Кабула.

[6] Наср-аллāх был вторым сыном Нāдира.

[7] *Мулāзим* — собственно «слуга». Так называли и простых слуг и вообще служилых людей: воинов, чиновников, обязанных службой феодалов, приближенных шаха.

[8] Какури (*кāкӯрӣ*) — искаженное название афганского племени какар, живущего сейчас в Сулеймановых горах. Бангашири (*бангашӣрӣ*, далее встречается написание *бангӣ-шӣрӣ* и *банг-шӣрӣ*) — искаженное название афганского племени бангаш.

[9] Автор не разъясняет кто был правителем Кабульской области и кто — правителем города. По смыслу текста правителем области был Шāхзаддаджхāн, а правителем города Кабула подчиненный ему Шāхнавāз-хāн; Шāдāхӣ-хāн был заместителем последнего. Махдӣ-хāн говорит, что *кутвāлами*, т. е. комендантами крепости, были Шарза-хāн и Раҳӣмдāд-хāн.

[10] «Потомки тимуровой семьи» — династия Великих Моголов, которые вели происхождение от Тӣмӯра.

[11] 'Анқā — мифическая птица счастья.

[12] Миля (*мӣл*) — скорее всего это арабская миля; длина ее в разные времена и в разных местах колебалась от 750 *м* до 1,5 *км*.

[13] *Сафпӯзан*, *бāдлидж* — какие-то виды артиллерийских орудий мелкого калибра. Слово *сафпӯзан* в тексте встречается также в форме *сафбӯзан* и *сафбӯдан*. Может быть, это искаженное *зарбзан* — название легкой пушки (см. прим. 27).

[14] Ирам — чудесный город с прекрасными садами, упоминаемый в Коране (см. также прим. 115).

[15] Кӯркӑнами назывались зятья чингизидов и их потомки. Тӣмӯр, женатый на чингизидке, был также Кӯркӑном, поэтому и его потомков — Великих Моголов также называли Кӯркӑнами.

[16] Рассказы о змеином камне не являются сплошным вымыслом. Во рту очковой змеи иногда действительно находили небольшой камешек: это хлорофан (прозрачный изумруд, зеленый плавик), весьма редко встречающаяся разновидность плавикового шпата. Этот минерал светится в темноте.

[17] *Мӣнбӑшӣ* — тысячник. Это звание, как и другие аналогичные звания — *юзбӑшӣ* (сотник), пятисотник, десятитысячник, семитысячник, пятитысячник и др.,— превратилось в военный чин и не зависело от числа воинов, находившихся под командованием данного лица.

[18] «Языком фактов» персы называют наружное проявление чувств и переживаний человека, свидетельствующее о том или ином событии; так, опущенная голова и слезы говорят нам без слов о постигшем человека несчастье.

[19] *Джӑрчӣ* — глашатаи. *Чӑӯши* — слуги-телохранители. Обычно они шли впереди и по сторонам шаха или вельможи и кричали: «*дӯрбӑш!*», т. е. «удалились!», «отойди!». Они исполняли также некоторые поручения господина.

[20] По древнему персидскому обычаю просящий пощады надевает саван и вешает саблю на шею.

[21] Ман — в разное время и в разных местах его величина сильно колебалась. Наиболее распространенным в Иране был тавризский ман (около 3 *кг*).

[22] Ирак — имеется в виду Ирак Персидский, центром которого был Исфахан, являвшийся одновременно столицей сефевидского государства.

[23] Здесь употреблено слово *мутараддидӣн* (посетители); подразумеваются лица, едущие по казенным надобностям, будь это чиновники или даже курьеры. Однако шахские гонцы назывались *чӑпӑрами* и были особо доверенными лицами; их до некоторой степени можно уподобить русским дореволюционным фельдъегерям, которые были офицерами.

[24] Племя таймани, входившее в состав так называемого *чӑр-аймӑқ*, в настоящее время живет вЕратской области в долинах южнее Герируда. Аймаками называют племена, входившие в упомянутый *чӑр-аймӑқ*. Муҳаммад-Кӑзим говорит об аймаках как об отдельном, отличном от таймани племени, что неверно.

[25] Царственный *наввӑб* (*джахӑнбӑнӣ наввӑб*) — титул Наср-аллӑх-мӣрзы. Слово *джахӑнбӑн* означает «правитель мира» и является эпитетом царя; поэтому *джахӑнбӑнӣ* (царский, царственный) соответствует слову «императорский» в титуле русских великих князей (императорское высочество). *Наввӑб*— обычно «заместитель», «наместник», но здесь это слово употреблено в смысле «принц», так как и Ризӑ-Кулӣ-мӣрзӑ именуется *наввӑбом*.

[26] Гӑвмӑхӣ — сказочный бык, на котором якобы держится земля.

[27] *Зарбзан* — вид легкой пушки, которую перевозили на верблюде. Из *зарбзанов* можно было стрелять прямо с вьючных седел.

[28] Джезаири — пеший воин, вооруженный джезаиром. Джезаир — ружье большого калибра, мушкет. Муҳаммад-Кāẓим для обозначения солдат, вооруженных джезаирами, употребляет то форму *джазāйрī*, то форму *джазāйрчī*. Для единообразия мы всюду пишем «джезаири».

[29] Қурбāн — не идентифицирован. Может быть, переписчик имел в виду Гурбенд, но так называется река и округ, а не город.

[30] *Нāẓир* — букв. «надзиратель»; при Сефевидах — управляющий шахскими мастерскими, складами и т. п.

[31] Тарини — афганское племя тарин, которое в настоящее время живет в юго-восточной части Афганистана.

[32] Қатӯр — одно из племен кафиров Гиндукуша.

[33] Аламӯт, сакнāрī — искаженные, а может быть, даже вымышленные названия племен.

[34] Фарсах (или фарсанг) — около 6 *км*.

[35] Джейхун — река Аму-Дарья; Мавераннахр — междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи.

[36] Кунграт — узбекское племя, жившее в Карши и между Карши и Шахрисябзом.

[37] Динар — мелкая серебряная монета.

[38] Яйлак — летнее кочевье, летнее пастбище.

[39] Суточный переход был равен 25—30 *км*.

[40] Қайтӯл — крепость близ Қандахара.

[41] Қāрӯн — мифический богач (библейский Корей), богатство которого вошло в поговорку.

[42] *Насāқчī* наблюдали за порядком во дворце и исполняли карательные поручения шаха вплоть до смертной казни. Во время военных действий *насāқчī* состояли также при командующих войсками.

[43] Майдан — площадь; здесь же, очевидно, имеется в виду крытый городской базар, так как упоминаются потолки (или крыши).

[44] Исрāфӣл — один из четырех архангелов, который, по представлениям мусульман, затрубит в небесную трубу в час Страшного суда, чтобы отнять жизнь у всего живого.

[45] *Дāбā* — плотная узорная шелковая ткань высокого качества.

[46] Области портов — побережье Персидского залива.

[47] Туман — десять тысяч динаров. При Нāдире в тумане было 220—260 *г* серебра.

[48] Средневековые арабские географы делили всю обитаемую землю на семь климатов, т. е. семь поясов, которые тянутся параллельно экватору к северу от него: сначала первый, затем второй и т. д.; считалось, что к югу от экватора и к северу от седьмого пояса люди не живут. Лахор находится в четвертом поясе, поэтому и звездное пространство над ним отнесено к четвертому поясу.

[49] *Ханқāх* — обитель дервишей.

[50] Ярд (*ярд*) — вероятно, заимствование из английского; ярд равен 91 *см*.

[51] Шаль «термэ» — кашмирская шаль.

[52] *Сāмсāр* — торговец подержанными и случайными вещами.

[53] Демир-капу — Железные ворота, узкий проход у Дербента между горами и Каспийским морем.

[54] Перед важными событиями, например при вступлении на престол, перед сражением и т. п., придворные астрологи по взаимному положению звезд в соответствующем созвездии зодиака определяли наиболее благоприятное время для осуществления задуманного предприятия.

[55] Махдӣ-ӽāн говорит, что Нāдир выступил в пятницу 26 шавваля (6 февраля 1739 г.) (Махдӣ-ӽāн, стр. 198).

[56] Шӣрим — сокращение имени Шӣр-Муҳаммад. Имеется в виду Шӣр-шāх, изгнавший могольского падишаха Хумāйӯна и правивший в Северной Индии с 1539 по 1545 год.

[57] *Мулāзимы* — здесь феодалы, обязанные по требованию государя являться с определенным числом воинов для службы.

[58] *Бурхāн ал-мулк* (буквально: «доказательство государства») — *лақаб*, т. е. титул или почетное имя, которое давалось высшим сановникам. Упомянув здесь этот *лақаб*, автор хотел сказать, что Са'āдат-ӽāн был важным, авторитетным лицом в глазах Муҳаммада.

[59] *Ра'ийат* («подданный») — обычно так называли крестьян, но в широком смысле слова это значит «принадлежащий к податному сословию». Са'āдат-ӽāн, по-видимому, был не крестьянином, а городским жителем.

[60] *Мукāрӣ* — дающий в наем вьючных животных, здесь погонщик вьючных животных. В большей части Ирана это *чāрвāдāр*; в Афганистане — *карāйакаш*, или *карāкаш*.

[61] *Дāрӯға* — здесь градоначальник.

[62] Священная земля — имеется в виду Мешхед, который был объектом паломничества шиитов.

[63] *Сӯбадāр* (инд.) — правитель области (*сӯба*).

[64] *Рабāт* — в Хорасане, Афганистане и Индии так называли караван-сарай. О значении этого термина см.: В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, Л., 1927, стр. 30.

[65] Лак (инд. лакх) — сто тысяч.

[66] Рупия — индийская серебряная монета.

[67] *Нақāб* — здесь слуга, объявляющий титул своего господина.

[68] Фарруӽ-сийар был убит в 1719 г.

[69] Здесь Муҳаммад-Қāзим дает неверные сведения. После Фарруӽ-сийара до Муҳаммад-шāха было четыре государя, причем ни один из них, так же как и Муҳаммад-шāх, не был сыном Фарруӽ-сийара.

[70] Эти цифры безусловно сильно преувеличены.

[71] *Қаландар* — здесь странствующий дервиш.

[72] Острова Қābӯнӯс — название вымышленное или сильно искаженное.

[73] Чоуган — конная игра в мяч; так же называется клюшка, которой гоняют мяч в этой игре.

[74] *Чанг* и *ʿӯд* — струнные музыкальные инструменты.

[75] *Вакӣл ас-салṭана* — почетное имя, означающее в переводе «доверенный государства»; здесь имеет значение «наместник шаха».

[76] Звание *ḫӑн* поставлено после *лақаби ṣамṣӑм ад даула* неправильно. Звание *ḫан* ставится после имени, которое дается при рождении, и уже после него жалуемый государем *лақаб*, т. е. почетное имя.

[77] *Сарханг* вообще значит военачальник; в настоящее время это чин полковника.

[78] *Фаррāш* — дворцовый слуга.

[79] *Фалақа* — длинная палка с веревочной петлей посредине, в которую вкладываются ноги наказываемого для нанесения ударов.

[80] *Чарс* — сгущеный сок индийской конопли, обладающий наркотическими свойствами. *Бангāб* — напиток из сока индийской конопли и белены.

[81] Қубāд — персидский царь (488—581) из династии Сасанидов, один из героев «Шāхнāме» Фирдаусӣ.

[82] Таким образом, имя Наṣраллāх-мӣрзā второй сын Нāдира получил в честь победы при Карнале. Сочинение Муḫаммад-Кāẓима — единственный источник, где говорится об этом факте.

[83] Огнемет (*āташбāзӣ*) — по-видимому, имеются в виду ракеты, употреблявшиеся для борьбы с конницей.

[84] Шаддāд — царь мифического народа Ад, упоминаемого в Коране

[85] Афрāсиāб — легендарный царь Турана, один из героев «Шāхнāме» Фирдаусӣ.

[86] Султан — в Иране это звание означало примерно то же, что хан — главу племени и правителя области, пожалованной в удел данному племени. Здесь это слово употреблено в значении «правитель области».

[87] В большинстве словарей *кадḫудā* объясняется только как «староста», «старшина», «хозяин дома». Между тем это слово имеет и другие значения, например «наместник», «богатый, или большой человек», «управляющий делами». В таком смысле здесь и употреблено это слово (ср. В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, Л., 1927, стр. 37).

[88] *Кӯрчӣ* — солдат личной гвардии шаха.

[89] Муḫаммад-Кāẓим не указывает месяца. Махдӣ-ḫāн говорит, что Нāдир выступил в Дели в четверг 1 зӯ-л-ḫиджжа 1151 г х., т. е. 12 марта 1739 г. (Махдӣ-ḫāн, стр. 203).

[90] *Сидры* при Сефевидах возглавляли шиитское духовенство Ирана, но при Нāдире они потеряли свое значение Здесь под *ṣадрами* Муḫаммад Кāẓим подразумевает, очевидно, вообще гражданских и духовных сановников.

[91] *Надӣм* — приближенный; это были доверенные лица в свите шаха, нечто вроде адъютантов.

[92] *Йшйк-ағласы* — начальник дворцовых слуг, церемониймейстер. В эпоху Надира это было также придворное звание.

[93] Племени кӯркӑнов не существовало. Кӯркӑнами назывались зятья Чингиз-ҳӑна и чингизидов и их потомки; Надир это, конечно, знал. В одном из писем Муҳаммад-шӑху он указывал, что афшары такие же туркмены, как и предки Великих Моголов, но и это неверно, так как Тӣмӯр происходил из монгольского племени барлас.

[94] *Джӑқа* — бриллиантовый аграф на короне или головном уборе шахов.

[95] «Обладатель твердого решения» (*улӯ ал-ʿазм*) — эпитет Муҳаммада и некоторых библейских пророков, таких, как Ной, Авраам, Моисей, Иисус и др.

[96] *Қӑнӯн* — струнный музыкальный инструмент.

[97] В древней Персии считалось, что окуривание дымом от сжигаемых семян растения рута защищает от разных бедствий. В некоторых местах этот обычай сохранился до сих пор, и такие окуривания практикуются, например, при рождении ребенка.

[98] *Мустауфӣ* — финансовый чиновник, ведавший расходованием средств и выплатой жалованья войскам и служащим.

[99] *Дӑрӯға* — здесь этот термин применен в значении «комендант», «старшина».

[100] Ӑсаф — мудрый советник легендарного царя Соломона.

[101] Для перса как в старину, так и теперь характерно, что он редко клянется своей головой, а большей частью — головой или жизнью собеседника.

[102] Стена Александра — по преданию, Александр Македонский воздвиг где-то далеко на востоке стену, чтобы помешать нападениям варварских народов Яджудж и Маджудж (Гог и Магог) (см. Коран, 18, $_{92-93}$).

[103] *Ҳарвӑр* — мера веса, менявшаяся в разное время и в разных областях: около 180 *кг*.

[104] Казначействами (*ҳазӑна*) называли всякие хранилища государственных ценностей: денег, драгоценностей, дорогого оружия, парадной одежды и т. п.

[105] Джеханабадские ашрафи — ашрафи называли вообще золотую монету; здесь, таким образом, имеются в виду индийские золотые монеты.

[106] *Курӯр* — 500 тысяч.

[107] *Кулӑх-и фарангӣ* — буквально: «европейская шляпа». Так назывались в Иране круглые павильоны.

[108] *Кӯх-и нӯр* — «Гора света», знаменитый алмаз весом в 186 каратов.

[109] Мискаль — арабская мера веса; при Надире был равен примерно 4,5 *г*.

[110] *Дарйӑ-и нӯр* («Море света») был алмаз, а *ʿАйн ал-ҳӯр* («Глаз гурии») — рубин.

[111] *Джавӑхирӣ* — вообще ювелир; здесь — заведующий шахскими драгоценностями.

[112] *Зарʿ* — мера длины, равная 107 *см*.

[113] Ходжа — в эпоху Надира так называли преимущественно дворцовых евнухов. В данном случае это был евнух Мухаммад-шаха.

[114] Золотая танга — обычно танга — серебряная монета.

[115] Шаддад, царь мифического народа Ад, построил город Ирам с роскошными садами, которые поэты уподобляют райским.

[116] Мухаммад-Казим здесь имеет в виду частые грабительские нападения на Хорасан туркмен и хивинских и бухарских узбеков.

[117] *Кабā* — род кафтана.

[118] **Кази** — судья; здесь войсковой судья.

[119] *Банг* — гашиш, сгущенный сок индийской конопли, обладающий наркотическими свойствами.

[120] *Ми'ймар-башй* — по-видимому, начальник пробирной палаты, в которой определяли качество монет.

[121] «Счастливый час» в случае таких выдающихся событий, как свадьба представителей царствующих домов, устанавливался придворными астрологами по положению планет.

[122] Палас — безворсовый ковер.

[123] *Мутриб* (араб.) — буквально «увеселитель». Так называются в Иране музыканты, певцы и танцоры.

[124] Сура *Фатиха* — первая сура Корана, во многих случаях играющая роль молитвы.

[125] Кийа-Наср — Мухаммад-Казим называет его правителем Синда. На самом деле в это время Синдом правил Нур-Мухаммад Худайар-хан. Может быть, наш автор спутал Худайар-хана с Наср-ханом — правителем белуджского княжества, по территории которого прошли войска Надира по пути в Синд. Наср-хан без сопротивления подчинился Надиру.

[126] *Палан* — вьючное седло для лошади или осла.

[127] Хума — мифическая птица, тень от которой якобы приносит счастье.

[128] Дай — по древнеперсидскому солнечному календарю самый холодный зимний месяц: с 21 декабря по 20 января.

[129] Худабад — название вымышленное; столицей Синда в это время был город Хайдерабад.

[130] *Пир* — здесь духовный глава племени или секты.

[131] Здесь как участники походов, по рассказам которых Мухаммад-Казим писал свою книгу, так и сам автор обнаруживают незнание географии. Монголов, калмыков и казахов в Синде и Белуджистане не было.

[132] Надир двигался из Дели в Синд по маршруту Карнал — Пешавер — Кабул — Дера-Исмаил-хан — Дера-Гази-хан — Ларкана — Шахдадпур — Умаркот. Сообщение о движении из Шикарпура в Кабул — ошибочно. Обоз и палатки войска были оставлены в Ларкана.

[133] Мухаммад-Казим по незнанию отделил слово «Дера-» в названиях населенных пунктов Дера-Исмаил-хан и Дера-Гази-хан, и вместо двух пунктов получилось три: Дера, «крепость Исма'ил-хана» и «крепость Газй-хана». Воз-

можно, Муḥаммад-Кāзим имел в виду под словом Дера всю область Дераджат. но и это неправильно, так как Дера-Исмаил-хан и Дера-Гази-хан находятся в Дераджате, и Нāдир не мог захватить эти крепости «до прибытия в Дера».

[134] Племя суккури — Муḥаммад-Кāзим называет так, по-видимому, жителей района вокруг города Суккур на Инде.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

ʿАббас — *6*
ʿАбдаллāх — 128
Абӯ-л-Қарӣм Қашмӣрӣ — *24*
Абӯ-л-Мансӯр-ҳāн — 109, 166
Абӯ-л-Файз — *17*, *18*
Абӯ-л-Ҳайр — *22*
Авраам, библ.— *192*
Аґбāр-ҳāн — 112
ʿАзӣз-Қулӣ дāдҳвāх — 58
Āйдӣн-ҳāн Зӯрāбāдӣ — *18*
Ақā-ʿАбдаллāх- ходжа — 153
Ақā-Муҳаммад (Мӣрзā Муҳаммад) — 157
Акбар, падишах — 154
ʿĀқӣл-бек-ҳāн — 112, 128
Александр Македонский — 151, 168, 192
ʿАлӣ, халиф — см. ʿАлӣ Мȷртаз̣ā
ʿАлӣ-Асад-ҳāн — 112, 128
ʿАлӣ-Қули-ҳāн — *8*, *13*, *16*, *19*, *23*
ʿАлӣ-Мардāн-бек афшāр — 131
ʿАлӣ-Мардāн-ҳāн файлӣ — 99
ʿАлӣ Муртаз̣ā (ʿАлӣ) — 71, 132, 141
ʿАлӣ-Муҳаммад-ҳāн — 112, 127, 134
Амӣр-ҳāн-бек — 89, 90
ʿАлӣ-шāх — *18*
Анӯшӣрвāн — 67, 73
Асад-бек — 160
Āс̣аф, таҳаллус — *33*, 125, 137 149, 150, *192*
Āс̣аф — 149, 150, *192*
Ас̣лāн-ҳ ӣн қырықлӯ — 44, 46, 50, 60, 61, 62, 63, 64, 82, 84
Атāй-ҳāн — 128
Афрāсиāб — 137, *191*
Ашраф — 98, 99
Ашраф-ҳāн — 112
ʿĀшӯр-ҳāн — 134

Бāбā-ʿАлӣ-ҳāн — *5*, *6*
Бартольд В. В.— *10*, *11*, *15*, *20*, *23*, *34*
Бахādур-ҳāн — 98
Бахбӯд-ҳāн — *17*, *18*, *23*
Бахрāм — 53, 76, 83, 140, 148, 151
Баҳшӣ — 113
Бӯдāк-муншӣ Қазвӣнӣ — *20*

Вāс̣илӣ-ҳāн — 112, 127
Великие Моголы — *24*, *25*, 112, 147, 154, *187*, *188*, *192*

Ґāзӣ-ҳāн — 179, *193*
Ґанӣ-ҳāн абдāлӣ — 140
Ґулāм-шāх-бек — 184
Гулӣ-ҳāн — 112, 127, 129, 130

Дāнийāл-бек қӯнґрāт — *15*
Дарий — 98, 165
Джавāхир-ҳāн — 153
Джāнӣ-Қурбāн-ҳāн — 128
Джāн-Нийāз-ҳāн Ӯзбек — 118, 119, 120
Джахāнбаҳш, сын Фарāмурза, сын Рустама, сын Дастāна — 118

* Курсивом отмечены страницы предисловия и примечаний

Джахангир (Салим) — 154
Дивана-Кули-бек — 56
Динашур-хан — 112

Жуковский В. А.— *10*

Зад-хан— 116, 117
Закарийа-хан — *26*, 85, 90, 91, 93, 94, 95, 104, 106
Замана-бек, минбаши, сын Баба-Карима Машхади — 63

'Ибадаллах хатаи — *17*
Ибрахим (?), военачальник Надира — 140
Ибрахим-хан — *8*, *11*, *12*, *13*, *19*, *22*, *31*
Ибрахим, хезареец — 55, 56
Иисус, библ.— *192*
Илбарс, хан — *14*, *31*
Имам-Верды-хан кырыклу — 56, 64
Имам-Кули, отец Надир-шаха — *5*
Имам-Кули-мирза — 69
'Инайаталлах-хан — 98
Исма'ил-бек Радкани — 63
Исма'ил-бек, сын Баба-Карима Машхади — 134
Исма'ил I (Сефевид) — *20*, *32*
Исма'ил-хан Сабзавари — *15*
Исфандийар, сын Руина — 63
Исфандийар-хан — 120
И'тибар-хан — 128
И'тимад-хан ходжа — 140, 141
Ихлас-хан — 128
Йар-бек-хан — 47
Йахйа Казвини — *32*
Йунус-хан Турани — 73, 80

Кадир-Кули афшар — 72
Камар ад-Дин-хан — *25*, 112, 116, 117, 128, 143, 147, 151, 152, 162, 163, 165, 167, 170.
Касим-бек каджар — см. Мухаммад-Касим-бек каджар
Касим-хан — см. Мухаммад-Касим-бек каджар
Кахраман-бек — 94, 95
Кийа-Насир (Шах-Кули-хан) — 171, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, *193*
Крачковский И. Ю. — *35*
Кубад — 126, *191*
Кубад-хан — 105, 106
Кюркан — см. Мухаммад-шах

Локхарт — *9*
Лутф-'Али-хан — 130, 131

Махди-хан — см. Мирза Мухаммад-Махди-хан Астарабади
Махмуд-бек афшар (Махмуд-хан) — 118, 122, 128, 130
Махмуд Газнави — 40
Махмуд-хан — см. Махмуд-бек афшар
Махмуд-хан, афганец — *6*
Мийадат — 182
Миклухо-Маклай Н. Д.— *19*, *20*, *33*
Мир-Вайс — *7*
Мирза 'Али-Аскар — 149, 150
Мирза-Заки — 82, 83, 156, 165
Мирза Мухаммад — см. Ака-Мухаммад
Мирза Мухаммад-Махди-хан Астарабади (Махди-хан) — *8*, *9*, *10*, *23*, *24*, *27*, *28*, *29*, *31*, *32*, 46, 49, 54, 68, 73, 133, 151, 179, *187*, *190*, *191*.
Мирза Мухаммад-Шараф — 153
Мир-Калан — 113
Мир-Хасан-бек — 149, 150
Мир-Хушай-султан — 39, 51, 52
Музаффар-'Али байат — 131
Музаффар-хан — 112, 127, 128, 129, 130
Му'мин-хан-бек Марви — 39, 51, 52
Муравин — *22*

Муртаза-Кулй-мирза — см. Наср-аллах-мирза
Муса (Моисей), библ.— 133, *192*
Мустафа-султан варсак — *20*
Мустафа-хан бекдалу — 165
Мухаббат-хан раджпут — 85, 86, 87, 88, 89, 90, 106, 107, 108
Мухаммад-'Алй-бек серверлю афшар (Мухаммад-'Али-хан афшар) — 63, 84, 118, 119, 120, 122, 144
Мухаммад-'Алй-хан афшар — см. Мухаммад-'Алй-бек серверлю афшар
Мухаммад-Казим — *5*, *10*, *11*, *12*, *13*, *14*, *15*, *16*, *17*, *18*, *19*, *20*, *21*, *22*, *23*, *24*, *29*, *30*, *31*, *32*, *33*, *34*, *35*, 43, 49, 50, 56, 58, 69, 88, 96, 138, 176, *187*, *188*, *189*, *190*, *191*, *193*, *194*
Мухаммад-Касим-бек каджар (Касим-бек каджар, Касим-хан) — 42, 43, 44, 45, 118, 119, 128, 130, 140
Мухаммад Куркан — см. Мухаммад-шах
Мухаммад-Му'мин-бек — *21*
Мухаммад-Мурад-бек — 184
Мухаммад-Риза-бек муаддам — 95, 131
Мухаммад-Риза-хан афшар — 131
Мухаммад-Риза-хан Курд — 140
Мухаммад-хан текелю — *20*
Мухаммад-хан Туркман — *25*, 99
Мухаммад-шах (Мухаммад Куркан, Куркан) — *25*, *26*, *27*, *28*, *30*, 79, 85, 91, 93, 108, 109, 111, 113, 114, 116, 118, 121, 122, 123, 124, 126, 127, 128, 130, 134, 136, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 148, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 159, 160, 161, 162, 163, 165, 166, 167, 168, 169, 170, *190*, *192*, *193*

Надир-'Алй — см. Надир-шах
Надир-шах (Надир-'Алй, Надр-Кулй, Тахмасп-Кулй)—*5*, *6*, *7*, *8*, *9*, *10*, *11*, *12*, *13*, *14*, *15*, *16*, *17*, *18*, *20*, *21*, *22*, *23*, *24*, *25*, *26*, *27*, *28*, *29*, *30*, *31*, *32*, 40, 43, 44, 46, 49, 50, 51, 57, 66, 72, 73, 74, 75, 83, 84, 85, 91, 95, 97, 98, 99, 109, 110, 118, 126, 136, 137, 139, 142, 148, 157, 163, 164, 167, 168, 170, 171, 173, 174, 176, 177, 178, 179, 182, *187*, *189*, *190*, *191*, *192*, *193*, *194*.
Надр-Кулй — см. Надир-шах
Наза-'Алй-хан — 143, 144
Насйр-хан, белудж — *193*
Насир-хан Пишавари — 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, *193*
Насраллах-мирза (Муртаза-Кулй-мирза) — *18*, 40, 42, 51, 54, 69, 76, 81, 83, 91, 126, 134, 139, 143, 144, 145, 164, 165, 167, *187*, *188*, *191*.
Нийаз-хан — 58
Ни'мат-'Алй-хан — 115
Ной, библ.— *192*
Нураллах-хан — 128
Нур-Мухаммад Худайар-хан (Худайар-хан) — *28*, *29*, *193*

Омейяды — 155

Петрушевский И. П.— *19*

Рафи' ад-дараджат — 108
Рахим-бий (Рахим-бек) — *18*
Рахимдад-хан — 49, *187*
Рахматаллах-хан — 104, 105, 106
Риза-Кулй-мирза — *10*, *13*, *14*, *30*, *31*, 57, 58, 65, 67, 69, 70, 72, 150, *188*

Ризā-Қулӣ-ханā — *5*
Ромаскевич А. А.— *35*
Рустам, сын Заля (Дастāна) — 63, 67, 137

Са'āдат-ханā Нишāпӯрӣ — *25*, *26*, *27*, *30*, 100, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 113, 115, 118, 122, 123, 127, 134, 135, 138, 139, 166, *190*
Саййид Нийāз-ханā — 163
Салӣм — см. Джахāнгӣр
Сāм, сын Нариманā — 63, 67
Сасаниды — *191*
Сефевиды — *20*, *21*, *31*, *32*, 114, *189*
Соломон, библ.— 137, *192*
Сулаймāн, шах (Сафӣ II) — *5*, *6*, *12*
Султāн-Хусайн — *6*

Табарӣ — *23*
Тахмāсп I — *20*
Тахмāсп-Қулӣ — см. Нāдир-шāх
Тахмāсп-ханā джалāйр — *30*, 58, 65, 66, 82, 165, 167
Тахмāсп II, шах, Сефевид— *5*, *6*, *12*, 70, 71
Тӣмӯр Кӯркāн — 59, 74, 94, 112, 147, *187*, *192*
Томпсон — *22*

'Умар, халиф — 155
Умарā-Дāрӯ — 58
Умарā-Қашмӣр — 58
Умарā-Хасан — 58, 59
Умарā-Шāхӯ — 58

Фарӣдӯн — 141, 150
Фарруҳ-сийар — 106, 108, 164, 165, *190*
Фархāд — 60
Фатх-'Алӣ-ханā — 131
Фатх-'Алӣ-х н Систāнӣ — 47
Фирдаусӣ — 63, *191*
Фрэзер — *24*

Ҳāджӣ 'Алӣ-Нақӣ-ханā — 155
Ҳāджӣ Мухаммад-бек — 72
Ҳāджӣ-ханā Курд — 86, 87, 88, 89, 90, 91, 115, 118, 119, 122, 123, 124, 130
Ҳалӣл-бек — 161
Хамза — 102, 155
Ҳāн-'Алӣ-ханā гоклāн — 42, 43, 45, 122, 123, 124, 128, 130, 140, 141
Ҳāн-Даурāн — *25*, *27*, 112, 127
Ҳāн-Нийаз-ханā — 113
Хасан-'Алӣ-ханā — 165
Хасан-ханā Кӯк — 112
Ҳāтим Тāй — 67, 73
Ҳāтим-ханā чамишгазак хорасанский — 50
Ҳ^вāндамӣр — *32*
Химмет-ханā — 122, 123
Хогг — *22*
Худāйāр-ханā — см. Нӯр-Мухаммад Худāйāр-ханā
Хумāйӯн, падишах — 99, 154, *190*
Хусайн-ханā — 74
Ҳусрау — 84
Хэнвей — *24*

Чингиз-ханā — *192*

Шадгāхӣ-ханā — 44, 48, 49, *187*
Шаддāд, миф.— 157, *191*, *193*
Шарза-ханā — *187*
Шахбāз-бек — 135
Шахбāз-ханā Узбек — 140, 141, 166
Шахдāд-ханā — 112, 128
Шāхзададж-ханā — 43, 45, 48, 49, 50, *187*
Шāх-Қулӣ-ханā, беглербек — *17*, *18*
Шāх-Қулӣ-ханā — см. Кийā-Насӣр
Шāхнавāз-ханā — 41, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 163, *187*
Шӣрим — см. Шӣр-Мухаммад
Шӣр-Мухаммад (Шӣрим, Шӣр-шāх) — 99, *190*
Шӣр-шāх — см. Шӣр-Мухаммад

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абиверд — *5*, *14*
Агра — 85, 86, 99, 109, 164, 166
Азербайджан — *8*, *11*, *12*, *19*, *22*, *31*, 84, 97, 134
Азия — *8*, *9*
Акбарабад — 106, 107, 164, 166
Али-Мардан, канал — *26*
Амбала — 111, 115, 117
Аму-Дарья (Джейхун), река — *15*, 18, 30, 65, 66, *189*
Андхой (совр.) — *15*
Андхуд (совр. Андхой) — *15*, *18*
Араб-Амери — *20*
Аракс, река — *13*
Астрабад — *18*, 82
Атек — 82
Аток, река — 172, 177
Атток — *26*
Ауд — *25*, *26*
Афганистан — *189*, *190*

Бадахшан — 65
Балахисар, цитадель — 48
Балх — 14, 15, 31, 57, 58, 65, 66, 67
Балхская область — 57
Бамиан — *187*
Бастам — *20*
Баḫāр-Суфлā — 68
Бекхур — 134, 166
Белуджистан — *7*, *193*
Бияруджменд — *20*
Ближний Восток — *20*
Бухара — *8*, *14*, *17*, *18*, *22*, 66

Вахш, река — *18*

Газни — *25*, 39, 40, 41, 42, 43, 51, 99, 102, *187*
Газнийская область — 99
Гандамак — *25*
Герат — *6*, *14*, 101, 155
Гератская область — *20*, *188*
Герируд, река — *188*
Гильменд (Джильменд), река — 157
Гиндукуш, горы — *189*
Грузия — *13*
Гурбенд — *189*
Гурган — 82
Гянджа — *13*

Дагестан — *8*, *13*, *22*
Дамган — *20*
Декан — *25*, 109, 110, 112, 164, 166
Дели (Джеханабад, Шахджеханабад) — *25*, *27*, *28*, *30*, 88, 97, 98, 99, 103, 104, 106, 110, 111, 116, 140, 147, 150, 151, 152, 159, 160, 162, 163, 166, 170, 171, 172, *191*, *193*
Демир-капу (Железные ворота) — 96, *190*
Дера — 179, *193*, *194*
Дера-Гази-хан — *193*, *194*
Дераджат— *194*
Дера-Исмаил-хан — *193*, *194*
Дербент — 96, *190*
Джамиль, река — *90*
Джейхун, река — см. Аму-Дарья

Джелалабад — *25*, 51, 57, 58, 27 97, 99, 103
Джеханабад — см. Дели
Дильгуша, сад близ Лахора — 90

Европа — *8*, *9*, 71
Ереван — *13*, 72

Заҳāк-и Мāрдӯш — 39, 40, 42, 51, 52, 54, 56, *187*

Инд, река — *26*, *28*, 135, 170, 178, *194*
Индийский океан — *88*
Индия — *7*, *8*, *24*, *25*, *27*, *28*, *29*, *30*, *31*, 39, 42, 46, 49, 54, 57, 59, 65, 68, 74, 78, 79, 81, 82, 83, 85, 93, 94, 97, 98, 99, 100, 102, 103, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 117, 118, 121, 122, 124, 127, 129, 131, 135, 138, 143, 150, 151, 152, 154, 155, 159, 163, 164, 166, 167, 169, 171, 177, 181, 183, 184, *190*
Ирак — *17*, 50, 69, 101, 134
Ирак Персидский — 97, *188*
Иран (Персия) — *5*, *6*, *7*, *8*, *11*, *14*, *18*, *20*, *24*, *25*, *30*, *31*, 49, 54, 57, 65, 67, 68, 70, 71, 72, 83, 84, 98, 99, 102, 103, 110, 124, 138, 144, 146, 150, 154, 155, 165, 166, 167, 168, 172, 183, 184, *188*, *190*, *191*, *192*, *193*
Исфахан — *6*, *7*, 50, *188*

Кабул — *13*, *25*, *28*, *30*, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 57, 58, 97, 99, 102, 103, 150, 170, *178*, *187*, *193*
Кабульская область — 49, *187*
Кайтул — 74, *189*
Кандахар — *7*, *14*, *24*, *25*, *29*, *30*, *31*, 50, 51, 57, 72, 97, 98, 99, 101, 102, *189*
Кандахарская область — *7*
Карабаг — *12*, *13*, 51, *187*
Карнал — *26*, *27*, 113, 116, 117, 121, *191*, *193*
Карши — 66, *189*
Каспийское море — 190
Ках, селение — *13*
Кашгар — 34, 179, 182
Кашмир *28*, 164, 166
Келат — *18*, *22*
Келиф — *15*
Китай — *16*
Кубкан, селение — *5*
Курбан — 55, 56, *189*
Кӯх-и Джахан, гора — 61

Лағмāн — 39, 51, *187*
Ларкана — *193*
Лахор — *26*, *28*, 83, 84, 85, 86, 90, 94, 97, 99, 100, 103, 104, 105, 106, 115, 116, 170, *189*
Ленинград — *10*

Мавераннахр — *13*, *30*, *31*, 65, 66, *189*
Мазандеран — 82
Мачин — 179
Мерага — *13*, *22*
Мерв (Мерв-Шахиджан) — *10*, *11*, *13*, *14*, *15*, *16*, *17*, *19*, *20*, *21*, *22*, *31*, *34*, 58, 72, 159
Мервская область — 158
Мерв-Шахиджан — см. Мерв
Меручак — *18*, 72
Мешхед — *6*, *8*, *11*, *12*, *13*, *14*, *15* *16*, *17*, *18*, 21, 101, *190*
Могольская империя — *24*
Муганская степь — *7*, *12*
Мультан — 56, 85, 97, 98

Надирабад — *7*
Нишапур — 100, 101
Нуха — *13*

Панипат — 112, 113, 127, 140, 141

Персидский залив — *189*
Персия — см. Иран
Пешавер — *25*, *26*, 51, 72, 73, 75, 76, 79, 80, 81, 84, 85, 97, 99, 103, 178, *193*

Рабāṭ-и Зафарāнӣ — 101
Россия — *7*
Рум — 108, 184

Самарканд — *18*, *23*
Себзевар — *20*, 70, 101
Северная Индия — *190*
Сеистан — *8*
Сефевидское государство — *5*, *9*
Синд — *28*, *31*, *34*, 49, 74, 82, 166, 170, 171, 172, 174, 176, 178, 181, 182, 183, 184, *193*
Сирия — 184
Сирхинд — *26*
Согд — *34*, 182
Соуджбулак — *13*
Средний Восток — *20*
Средняя Азия — *8*
Суккур — *194*
Сулеймановы горы — *187*
Сыр-Дарья, река — *189*

Тавриз — *12*, *13*, *19*
Тибет — 109
Тигр, река — 88, 135, 163
Туран — 49, 54, 65, 170, *191*
Турбет — 20
Туркестан — *17*, *18*, 71, 183, 184
Турция — *6*, *7*, *8*, 71
Туршиз — *20*

Умаркот — *28*, *29*, 177, 179, 180, 182, *193*

Урмия, оз. — *13*

Фарах — 101
Фарс — 102
Фатхабад — *8*
Фахр-Дауд — *12*

Хабушан — *8*
Хайберский проход — *26*, *29*, *30*, 73, 75, 80, 81
Хайдерабад — *193*
Хамадан — 72
Ханках — *14*
Хасанабад — *16*, *17*
Хауз-хан, селение — *16*
Хезареджат — 39, 52, *187*
Хива — *14*, *22*
Хивинское ханство — *8*, *22*
Хорасан — *6*, *7*, *14*, *17*, *20*, *30*, *31*, 72, 82, 97, 100, 138, 149, 158, *190*, *193*
Хорезм — *14*
Ҳудāāбāд, кр. (вероятно, соотв. Хайдерабаду на Инде) — 176, 178, 179, 182, 183, *193*

Чарджуй — *14*, *18*
Чарикар — *25*, 56, 57, *187*
Чахар-дара — 58

Шахдадпур — *193*
Шахджеханабад — см. Дели
Шахрисябз — *17*, *18*, *189*
Ширакпур — 173, 176, 177, *193*
Ширван — *13*
Шуллук — 66

Эльбурс, горы — 121

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 5

ПОХОД НАДИР-ШАХА В ИНДИЮ. ПЕРЕВОД

Поднятие знамени государем-мирозавоевателем с целью завоевания Индии и овладение городом Газни 39

Поднятие мирозавоевателем знамени [для похода] на Кабул, сражение с Шāхнавāз-ҳāном и его поражение 41

Поднятие счастливым государем знамени для завоевания Кабула и овладение этим городом, подобным Ираму 45

Назначение государем-мирозавоевателем царевича Наср̣аллāх-мӣрзы для завоевания города Лағмāна и описание сражений с племенами таймани, бангишири, хезара и аймак 51

Поднятие знамени счастливым государем для завоевания Джелалабада, истребление племени катӯр и прибытие Риз̣ā-Кулӣ-мӣрзы . . 57

Устройство счастливым правителем собрания и назначение им своего сына Риз̣ā-Кулӣ-мӣрзы наследником престола Ирана 67

Поднятие счастливым государем знамени с целью завоевания Пешавера и описание поражения Наср̣ӣр-ҳāна и овладения тем городом 72

Поднятие знамени счастливцем эпохи для завоевания столицы Лахора и овладение той областью 83

Поход счастливого государя для завоевания Шахджеханабада и посылка письма падишаху Индии 97

Выступление войска, подобного граду, и завоевание крепости Амбала 115

Посылка счастливым мирозавоевателем Ҳāджӣ-ҳāна Курда наперерез пути Джāн-Нийāз-ҳāна и одержание им победы 118

О сражении Нāдира эпохи с падишахом Индии Муҳаммадом, о поражении государя Кӯркāна и о пребывании его в осаде по гордости и незнанию 126

Получение Муҳаммад-шāхом пощады от владыки мира и предоставление ему чести посещения благородного порога 139

Движение счастливого государя в сторону Шахджеханабада и украшение той местности прибытием обладателя небесного достоинства 150

Ночное нападение группы индийцев на победоносные войска, их испуг и приказ государя-мирозавоевателя о поголовном избиении [населения] в Шахджеханабаде 159

Взятие счастливым государем дочери Фарруҳ-сийара [в жены] для своего сына Наср̣аллāх-мӣрзы и описание истинного положения . . . 164
Дарование Индии счастливцем эпохи Муҳаммад-шāху, возведение его снова на престол полновластия и движение в сторону области Синд 166
Поднятие счастливым государем знамен для завоевания страны Синд и изъятие драгоценностей у победоносного войска 171
Поднятие знамен счастливого государя [для похода] на крепость Умаркот, завоевание [ее] и захват Кийā-Наср̣ӣра по милости бесподобного творца 180
Дарование мирозавоевателем короны Кийā-Наср̣ӣру и возвращение в Иран с помощью и по милости щедрого царя 183

Примечания 185
Указатели 195

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
9	3 снизу	тмет ить	отметить
39	4 снизу	д л	дал
49	8 снизу	ставку,	ставку;
70	12 сверху	воскрешения	воскресения
71	4 снизу	مداد	مدار
71	2 снизу	مداد	مدار
76	15 сверху	ни на стреле	ни стреле
97	11 снизу	ничтожность	ничтожество
102	17 снизу	*джаддӣ*	*джадӣ*
108	7 сверху	убивал	убил
168	2 снизу	فرين	مزين
168	2 снизу	بابست	بایست
176	4 снизу	непонятные	непонятые

Зак. 598